

ОЛЬГА ВОСТОКОВА
АННА КОРСАКОВА

А.



Ольга Востокова

А.

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

Востокова О.

А. / О. Востокова — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-424-8

...Вадим жадно отпил минералки из пластикового стаканчика. – Это должен быть государственный проект, федеральная программа! – страстно продолжал он, – наша цель – сделать территорию всей нашей страны удобной для жизни! Мы же не хотим, чтобы наши соседи с юга отхватили у нас пустующую Сибирь! Поэтому мы должны активно заселять наше обширное, богатое ресурсами Зауралье. Нужно сделать его комфортным для проживания! Пока что это лишь идея, но мы, именно мы с вами, коллеги-депутаты, способны повлиять на ее воплощение в жизнь!..

УДК 821.161.1

ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-424-8

© Востокова О., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ольга Востокова, Анна Корсакова

А

Пролог

Лето 2013 года

Вадим Снегирев встал за кафедру и подождал, пока разговоры в зале не умолкнут. Он обвел глазами собравшихся – четыреста сорок девять его коллег, все в костюмах и при галстуках, в Думе иначе и нельзя. Кто-то с вниманием приготовился слушать, кто-то, как ни в чем не бывало, продолжал смотреть в телефон или просто думал о своем.

«Уж на этот раз меня поддержат. Не может быть, чтобы не поддержали». Вадим поправил браслет дорогих часов на руке и обратился к собравшимся:

– Ни для кого не секрет, что в Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, так записано в Конституции. Однако, как мне представляется, на сегодняшний день существует препятствие, которое серьезно тормозит развитие и экономики, и инфраструктуры, которое отбрасывает нашу страну на десятки лет в прошлое... И это препятствие возникло не сегодня... Наверное, так было уже очень давно, мы и у классика можем прочитать, какие в России существуют две беды. Да-да, я сейчас хочу поговорить об извечно больной теме – о российских дорогах.

– Я думал, о дураках, – донеслось из зала. В ответ на прозвучавшую реплику Вадим, прищурившись, продекламировал:

*Лет чрез пятьсот дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут...
Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснут минуты не дают...*

– Кого я сейчас процитировал, коллеги? – сорвав хилые аплодисменты, поинтересовался выступавший депутат.

– Стихи собственного сочинения, – предположил хриплый голос из первых рядов.

– Даниил Хармс, может быть? – прозвучала еще одна догадка.

– «Онегин»! Господа, «Евгений Онегин», – донеслось откуда-то с краю.

– Да, это я привел отрывок из «Онегина», – утвердительно кивнул Снегирев. Так что, как видите, Гоголь был не единственным из наших классиков, кого занимал вопрос качественного транспортного сообщения на территории России. Но я немного отвлекся. Итак. Мы сегодня все чаще говорим о том, что происходит отток населения с Дальнего Востока. Но что тому виной? Холодный климат, может быть? Однако есть немало северных стран, которые опережают по уровню жизни весь мир, и там никакого оттока населения нет. Основная проблема у нас заключается в отсутствии рабочих мест. Мало кто хочет оказаться без средств к существованию, поэтому население перебирается поближе к Москве, к крупным городам, происходит отток людей из сел и деревень. А в маленьких городах, в поселках у населения просто и нет возможности устроиться на работу. Но это же неправильно! Нужно создавать рабочие

места в селах, в регионах, но об этом мы уже неоднократно говорили, и я сейчас хочу сказать о другом. Необходимо наладить транспортную инфраструктуру. Ведь именно дороги, транспортное сообщение делают территорию не просто разрозненными участками суши, а единым пространством целостного государства! Именно наличие налаженного транспортного сообщения позволит отдаленному региону не чувствовать себя оторванным от мира!

В конце концов, давайте вспомним БАМ – Байкало-Амурскую магистраль. Нередко, правда, приходится слышать, что постройка этой железной дороги была не нужна стране, однако я не могу с этим согласиться. Сегодня ряд участков этого пути расширяется, а значит это железно-дорожное направление востребовано в сфере грузоперевозки. БАМ, между прочим, строили и в годы Великой отечественной войны. И в 80-е годы толпы энтузиастов поехали в Сибирь, чтобы продолжать строительство этого пути сообщения, объединяющего страну.

Вадим чувствовал, что мало кто слушал его серьезно: прежние его инициативы закрепили за парламентарием славу фантазера и немного безумного патриота. Но Снегирев, стараясь не думать об этом, стремился сохранять оптимизм и произносить свою речь убедительно. Он сделал многозначительную паузу в надежде на то, что коллеги продолжат внимать его речи с меньшим безразличием, более того, Снегирев хотел, чтобы его, наконец, поддержали.

– Коллеги, услышьте меня! Даже во время войны, когда страна оказалась в тяжелейшем положении, продолжалось строительство этой транспортной артерии. Сейчас мы, кажется, не бедствуем, и наглядный тому пример – прямо за нашими окнами. Вы же сами видите: и в центре города, и в спальных районах, и в скверах, и на тропинках – всюду перекалывается асфальт. Это происходит в Москве. А если взять этот асфальт и положить его там, где в нем действительно есть острая необходимость? Дороги даже в Московской области не везде высокого качества. Но по ним можно проехать. А вот за Уралом, увы, не везде. Взять хотя бы трассу, ведущую в Туру. Тура – это не поселок, это город-миллионник. Нет, я уже слышу возражения – в Туру прекрасно можно долететь самолетом. Да, это верно. Из Москвы можно. А как быть жителям Турской области? На трассе федерального значения «Тура» фуры переворачиваются во время весеннего половодья. Разве это мыслимо для XXI века?! С моей точки зрения, это одна из первостепенных проблем, которую необходимо срочно решать.

В зале послышалось шуршание, у кого-то зазвонил мобильный. Вадиму показалось, что большая часть коллег слушают его с пренебрежением, во всяком случае, по их лицам сложно было понять, вызывают ли слова Снегирева у них одобрение. Вадим поправил галстук, кондиционер не справлялся, в зале было жарко. На улице уже неделю стояла нестерпимая жара, и у всех мысли как-то сами собой обращались к летнему отпуску, морю и отдыху.

– И вот что я предлагаю, – продолжил депутат, который, кажется, единственный из всех собравшихся мог думать о чем-то еще, кроме морского побережья, – я недаром заговорил о Байкало-Амурской магистрали. В 80-е годы люди толпами ехали строить дорогу, потому что за это платили! Нам сегодня нужно создать подобную модель: асфальт, который у нас, очевидно, в переизбытке, надо укладывать не в столице, а на сибирских дорогах. Кто этим будет заниматься, спросите вы? Энтузиасты, которых привлекут сравнительно высокие зарплаты. Более того, проект, о котором я говорю, проект реставрации сибирских дорог, на ближайшие несколько лет решит проблему безработицы для десятков тысяч людей, ведь любой желающий сможет отправиться за Урал для модернизации пришедших в негодность транспортных артерий! Более того! Я не зря начал свою речь с того, что с каждым днем все заметнее становится отток населения из Сибирской части нашей страны. Поэтому я предлагаю выдавать земли за Уралом тем гражданам, кто поедет строить автодорогу. Мало того, что работая на этой стройке, люди смогут заработать деньги, они смогут также поселиться в Сибири, организовать здесь фермерское хозяйство, заняться предпринимательством и так далее! У людей будет стимул ехать и строить дорогу, а у наших зауральских территорий появятся, наконец, такие необходи-

мые транспортные магистрали, которые свяжут нашу великую страну в единое экономическое пространство, тем самым укрепив экономику, наладив инфраструктуру.

Вадим жадно отпил минералки из пластикового стаканчика.

– Это должен быть государственный проект, федеральная программа! – страстно продолжал он, – наша цель – сделать территорию всей нашей страны удобной для жизни!

Мы же не хотим, чтобы наши соседи с юга отхватили у нас пустующую Сибирь! Поэтому мы должны активно заселять наше обширное, богатое ресурсами Зауралье. Нужно сделать его комфортным для проживания! Пока что это лишь идея, но мы, именно мы с вами, коллеги-депутаты, способны повлиять на ее воплощение в жизнь!

Вадим, закончив свое пламенное выступление, оглядел зал. Кто-то вяло зааплодировал, на некоторых лицах застыла презрительная ухмылка, кто-то все еще смотрел на мобильник, иные скосили глаза на часы, предвкушая обеденный перерыв. Некоторые изнуренно обмахивались блокнотами, как веером. Наконец, из зала донеслись несколько реплик:

– Вадим Дмитриевич, вы вот сказали, что во время войны шло строительство БАМа. Но вы же знаете, кто его строил? Это что же, вы предлагаете построить лагеря и использовать заключенных при возведении дороги?

– Или, может быть, вы сами хотите поехать туда на стройку?

– Реставрировать дороги в глухой Сибири, где населения практически не осталось? Это нерентабельно! Зачем дороги, по которым никто не будет ездить?

Однако среди депутатов нашлись и такие, кому идея Снегирева понравилась. Спустя некоторое время проект начали разрабатывать, были подготовлены чертежи, была даже подсчитана сумма, необходимая для реализации задуманного. Статья расходов на этот проект была заложена в бюджет на будущий год. Но, как весьма часто случается, в последний момент проект был отложен на потом, а деньги были направлены на решение неожиданно возникшего и более насущного с точки зрения государства вопроса. В очередной раз коллеги лишь утвердились в своем давно сложившемся мнении относительно Снегирева – фантазер и мечтатель.

Часть первая «Изобилие»

*Миром правит любовь.
Любовь к деньгам.*

Май 2014 года

Однажды вечером Емельян Шукин увидел на своем мобильном входящий звонок с незнакомого номера. Он подумал, что ему может звонить какой-нибудь заказчик, нашедший его контакты в Интернете, и поэтому снял трубку.

– Я разговариваю с Емельяном? – спросил незнакомый мужской голос.

– Да. Я вас слушаю, – ответил молодой человек, пытаясь угадать, какую работу может заказать его собеседник. Голос грубоватый, низкий, не особенно вежливый, его обладатель не был похож на любителя искусства. Такой человек может заказать картину в подарок на юбилей своему боссу или что-то подобное.

– Скажи-ка, ты Емельян – сын Софии Акусба?

Емельяна удивил прозвучавший вопрос. Во-первых, его мать умерла десять лет назад, когда он еще учился в школе. Во-вторых, она, выйдя замуж, взяла фамилию супруга, и Емельяну было гораздо привычнее, когда ее называли Софией Шукиной. Было странно и даже подозрительно, что по прошествии стольких лет кто-то пытался его найти, делая отсылку к девичьей фамилии его матери.

– Алло? Алло, – из телефона снова послышался нетерпеливый, однако не лишенный приятности, голос.

– Скажите, пожалуйста, а с кем я разговариваю? – серьезно спросил Емельян, заподозрив, что ему позвонили какие-нибудь мошенники. Он уже сталкивался как-то с такими, и ему совсем не хотелось попасться еще раз.

– Это Арнольд Абаджваклия. Знаешь такого?

– Очень смешно. Вы бы еще сказали, что вы, ну я не знаю, Иосиф Сталин! Кто вы такой, и что вам от меня нужно? – спросил Шукин. Он хотел, чтобы его голос прозвучал уверенно.

– Никакой я не Иосиф Сталин, – усмехнулся его собеседник. – Емельян, ответь мне, ты сын Софии или нет?

– Ну, допустим, да, – молодому человеку стало просто любопытно, он решил продолжить разговор, чтобы понять, кто же ему все-таки звонит и по какому вопросу.

– Отлично. А я – троюродный брат твоей мамы. Или даже троюродный дядя, не знаю, я не силен в этих степенях родства.

Этот ответ оказался для Емельяна неожиданным, он снова замолчал. Он принялся судорожно вспоминать, были ли у его матери какие-то троюродные братья или дяди... Родственники той или иной степени дальности есть практически у каждого, но далеко не каждый общается с ними. «По крайней мере, моя мать никогда и не общалась со своей родней...» – подумал Шукин. И ее можно было понять. Молодая абхазка София сбежала из семьи со ставропольским спелеологом Максимом Шукиным, который несколько лет подряд приезжал в Сухум и исследовал там пещерные образования. Ее родители были категорически против этого союза. Уехав из Абхазии, София больше не поддерживала связь с тамошней родней.

– Так вы – мой родственник... Приятно познакомиться, – растерянно произнес Емельян после затянувшейся паузы.

– Мне тоже, дорогой мой, мне тоже очень приятно слышать твой голос! – чувствовалось, что собеседник улыбался, – я хочу с тобой повидаться. Ты занят сейчас?

– М... а, простите, так как вас зовут?

– Арнольд! – мужчина на том конце трубки рассмеялся. – Не поверил что ли?

– Не может быть. Вы шутите... – растерянно пробормотал Емельян, все еще не понимая, что происходит. Он – родственник Арнольда Абаджваклии? Того самого олигарха, который возглавляет холдинг «Нефтьпром»? Не может быть, это, наверное, какой-то другой Арнольд Абаджваклия, просто тезка.

– Да какие уж тут могут быть шутки, – саркастически отозвался голос в трубке, – ну так что, друг мой, ты сегодня вечером занят? Я лично – последовала короткая пауза, было слышно, что говоривший затянулся сигаретой, – очень занятой человек, но сегодня у меня есть пара часов для того, чтобы познакомиться с моим родным племянником, или кем ты мне там приходишься. Я думаю, ты мне племянник. Верно? Троюродный.

– Может быть... Вообще-то я не занят, но...

– Тебя что-то смущает? Понимаю. Да, ты же в Москве живешь, я прав?

– Да.

– Вот и славно, давай, бери с собой маму, и пойдете в ресторан.

– Вы не знаете? Моей матери уже нет в живых, – сказал Емельян сухим и холодным тоном. Теперь он снова подумал, что это какой-то розыгрыш или чья-то глупая шутка, ведь троюродный дядя, или кем он там себя называет, не мог не знать о том, что его мать умерла много лет назад.

– Вон как... – в голосе собеседника послышалось неподдельное огорчение. – Жаль, очень жаль... Такой она девчонкой была, э, ты не представляешь. Красивая, резвая... Давно это, конечно, все было, но помню, как-то раз мы в лесу заблудились, да мелкие еще оба были. Я уверен, ты от нее слышал эту историю. Наверняка она рассказывала, как заблудилась с Нольдой в лесу. А, ведь рассказывала? Как мы с ней по мху определили север и смогли найти дорогу домой... Целый день плутали... Ох и затейница была!.. Сколько ей было? Она ведь, кажется, была немногим меня старше? Жаль, Господи, как жаль... – мужчина ненадолго замолчал, снова было слышно, как он затянулся сигаретой. Щукину тоже захотелось курить. Он бросил взгляд на одну из своих картин, которая стояла прислоненной к стене неподалеку от зеркала. На ней был изображен неясный силуэт мужчины в плаще, вальяжно опиравшегося на дверной косяк, его лица не было видно. Емельяну стало казаться, что его собеседник, выдававший себя за Арнольда Абаджваклию, мог бы выглядеть именно так.

– Ну, значит, приходи один, повидаемся. Придешь? – послышалось из трубки, и Емельян по голосу вдруг понял, что его собеседник пьян.

– Нет, не приду! – решительно ответил Щукин. Естественно, он все понял. «Приходи один!» Хитрая уловка. Любой бы поддался, поверил, пошел бы, когда мошенники используют что-то личное, такое, перед чем человек устоять не может, такое, о чем вроде бы никто не может знать. А потом ограбят. Убьют. Или еще что-нибудь в таком духе. Но в то же время в глубине души у Емельяна зародилась и с каждой минутой разговора крепла надежда. Пусть глупая, робкая и наивная, но все-таки надежда, что у него есть кто-то еще родной во всем этом мире, кроме любимой жены Ксении и ее отца, без которых мир для Щукина был бы совсем серым и постылым. Родной человек, родная кровь, кто-то, к кому всегда можно обратиться за помощью. Родственник. Дядя. Впечатлительный Емельян вздрогнул. Он, хоть убейте, не мог вспомнить, рассказывала ли ему когда-нибудь мама историю о том, как она заблудилась в лесу. Значит ли это, что со мной разговаривает мошенник? Но с другой стороны, мошенник не стал бы работать пьяным.

– Мне сложно поверить, что вы действительно Арнольд Абаджваклия. Но если вы в самом деле мой дядя, то я, пожалуй, так и быть соглашусь с вами встретиться, – сказал Щукин. И тут же устыдился своих слов. Прозвучало так, словно у него уже появился какой-то корыстный

интерес. На самом деле Емельян о деньгах своего новообретенного дяди еще даже не успел подумать, для него куда ценнее было обрести родственника, родного человека.

В комнату заглянула Ксения и удивленно поглядела на мужа. В ее взгляде скользнула усмешка. «Наш Емеля придумал новое чудачество! Поглядите-ка!».

– Если это Арнольд Обожракия, пусть он тебя возьмет работать в «Нефтьпром», – улыбувшись, сказал Ксения своим уверенным и звонким голосом, который всегда так волновал Емельяна. Она подумала, что муж с кем-то перешучивается.

– Точно, – улыбулся Шукин жене, – если вы в самом деле Арнольд, то я был бы не прочь заглянуть к Вам в «Нефтьпром» на чашку чая, – Емельян расправил опущенные до сих пор плечи и подмигнул Ксении.

Конечно, будет обидно, если это никакой не родной человек, а просто какой-то мошенник, но чем черт не шутит.

– Да ради бога, дорогой. Повидаемся в «Нефтьпроме», если тебе так больше хочется.

– О, ну так я приду завтра! – шутливо ответил Шукин, поглядывая на Ксению, склонившуюся над горой книг и бумаг, среди которых она сосредоточенно что-то искала. «Какая же она красивая», – подумал Емельян. После двух лет совместной жизни он все еще не мог поверить, что эта красавица – его жена. И всегда мечтал, что когда-нибудь он впечатлит ее. Чем угодно. Может быть, он станет депутатом, политиком. Собственно поэтому он и пошел учиться на юриста. Его жена Ксения серьезно интересовалась правовыми аспектам жизни общества, и написала на эту тему уже не одну статью. Емельяна так впечатлила в свое время эта умная и упорная девушка, что он и сам загорелся желанием изучать юриспруденцию. Художественное образование, единственное, что было у Шукина на момент знакомства с Ксюшей, в какой-то момент показалось молодому человеку чем-то несерьезным, незначительным, недостойным такой девушки. Это побудило его устремиться за новыми знаниями и поступить в вуз, чтобы получить второе высшее образование. Но бросить живопись совсем Емеля так никогда и не решился, это была его страсть, его отдушина, в которой он находил утешение и выход любимым своим эмоциям. Он был уверен, что рано или поздно сможет впечатлить свою супругу, да и весь мир, – или он станет великим политиком, вершителем судеб, или знаменитым художником, картины которого будут обожать и покупать за миллионы и выставлять в лучших галереях мира. Шукин надеялся, что рано или поздно его талант будет оценен, и у него будет много поклонников. Он станет состоятельным человеком и на годовщину их с Ксюшей свадьбы он пригласит выступить тех музыкантов, творчеством которых Ксения восхищалась. Их плакат, приклеенный к обоям скотчем, висел над их кроватью.

– Придешь завтра? – послышалось из трубки, – ловлю на слове, драгоценный. Да, как твоя фамилия? Без пропуска ты не войдешь.

– Акусба, – неуверенно назвал Емельян фамилию матери. Впрочем, его это ни к чему и не обязывало. В самом деле, какой еще «Нефтьпром», какой дядя?!

– Все, договорились, жду тебя завтра, – сказал приятный мужской голос в телефоне. – До встречи, племянник. Приходи прямо с утра, часам к девяти – к началу десятого.

Шукин услышал, как его собеседник, вешая трубку, обратился к какому-то Вадиму, но в этот момент связь прервалась.

Емельян Шукин растерянно стоял посреди скромной комнатухи в небольшой квартире.

– Кто это был? – спросила Ксения, откинув упавшие на лоб густые волосы. Она нашла в кипе бумаг то, что искала и уже собиралась выйти из комнаты, когда увидела растерянное лицо мужа. Ей стало любопытно, с кем он говорил. Единственными людьми, с кем Емельян мог быть откровенен, была его жена Ксения Летюшова, и ее отец, которого он полюбил как родного. Отец Емельяна, Максим Шукин, умер год назад, и с тех пор молодой человек очень привязался к своему тестю. После смерти отца Емельяну досталась небольшая квартира в Ставрополе. Шукин продал ее, а вырученные деньги они с женой отложили, чтобы, подкупив еще немного,

купить квартиру в Москве. Супруги давно мечтали о своей, отдельной квартире, ведь ютиться в однушке с отцом Ксении было отнюдь не лучшим вариантом. Правда, пока отложенной суммы не хватало для реализации задуманного.

– Кто тебе звонил? – спросила Ксения, подойдя к мужу и потрепав его за плечо.

– Какой-то странный звонок, я даже не знаю, что думать.

Художник рассказал Ксюше все, что с ним только что произошло. Ксюша усмехнулась.

– Это был какой-то розыгрыш, Емельян! Какой еще дядя? Откуда он взялся и почему только сейчас? И ведь смотри-ка, эти мошенники откуда-то выяснили имя твоей матери! Знают, куда давить. Хотя с другой стороны, что они-то с этого получают, не понимаю, – Ксения помотала головой в знак возмущения.

– Сегодня многие базы данных в открытом доступе, нетрудно было найти информацию о моей маме, – пожал плечами, ответил молодой человек. Они больше не обсуждали в этот вечер с супругой телефонный разговор, так как Емельян не хотел показаться своей жене глупым.

Ночью, лежа рядом с любимой, художник не мог уснуть. А что, если это правда? А что, если он действительно племянник олигарха? Бывают же чудеса в жизни. А Емельян верил в чудеса. Художник, романтик, то одержимый идеей, то впадающий в меланхолию мечтатель был готов верить во что угодно. Олигарх этот, судя по всему, родом откуда-то из тех же краев, откуда и его мать. Чисто теоретически они могут быть родственниками... с другой стороны и без троюродных племянников олигархам забот хватает. Так что, больше было похоже на то, что мошенники просто узнали, что его мать родом из Абхазии, и вот, решили разыграть его. «Наверное, такие звонки сейчас поступают каждому, у кого есть родственники в Сухуме» – подумал Емельян. «Если бы я сейчас перезвонил на этот же номер, трубку бы никто не взял, а с меня бы сняли десять тысяч, потому что звонок платный. Отработанная схема!» Вот только Щукину не хотел в нее верить.

Емеля был сам не свой: к утру он пришел к выводу, что он должен пойти и лично убедиться, обман это был или нет. «Я ничего не потеряю, если схожу туда. Ну скажут: «Вас нет в списке приглашенных». И уйду. Но зато успокоюсь, буду точно знать, что это были мошенники».

Художник в душе посмеивался над своей наивностью. Сколько раз он на ней попадался, и вспоминать не хотелось. Однажды ему позвонили с незнакомого номера, представившись сотрудниками службы безопасности его банка, и он перевел им некоторую сумму денег, убежденный, что действует правильно с целью защитить свои и без того небольшие финансовые накопления. Разумеется, полиция не нашла мошенников. Но каждый раз после разочарований Емельян вновь и вновь находил в себе силы снова поверить в чудо, в людей, в светлое будущее.

Собираясь с утра на следующий день, Емельян надел не джинсы и футболку, а костюм, привел себя в порядок, и вместо того, чтобы ехать в университет, где он учился на дневном, получая второе высшее, приехал на станцию метро Турская. Там, в самом центре столицы на берегу Москвы реки, располагался роскошный бизнес-центр, в котором находилось правление «Нефтьпрома». Утром Емеля не сказал Ксении о том, что он собирается прогулять учебу и поехать на встречу со своим мифическим дядей. Он боялся, что она только посмеется над ним.

* * *

Арнольд Абаджваклия, олигарх, на утро лишь смутно припоминал, чем закончился вчерашний вечер. Вроде бы он звонил какому-то своему родственнику, с которым прежде никогда не общался. «Ну да, это Вадим меня надоумил, – с усмешкой подумал Арнольд. – А собственно, что такого. Ну и есть у меня племянник, чего же мне теперь, и позвонить ему нельзя...». Арнольд с сомнением уставился на свой телефон. «Вспомнить бы хоть, о чем мы говорили. Это же надо было снова так напиться... Интересно, я не назначал никаких встреч

этому племяннику? Как его звать-то хоть? По щучьему велению, по моему хотению... Ну да. Емельян». Арнольд болезненно поморщился, голова была свинцовой и гудела, сердце глухо билось в груди. Он медленно приподнялся с кровати и потянулся за пачкой сигарет, лежавшей на прикроватном столике. Болел живот, как и всякий раз после выпивки. «Наверное, желудок», – думал Арнольд, который предпочитал не обращаться к врачам. Понятно, что начнутся проблемы со здоровьем, когда с утра до ночи работаешь, а потом напиваешься до беспамятства. Арнольд предпочитал игнорировать боль, тем более что всегда можно было выпить обезболивающее, оно помогало. Он знал, что он еще крепче многих. Не каждый бы смог встать с постели после такой попойки, а Арнольд вставал. Железная сила воли. Каждый день он просыпался рано и спешил на работу, какое-то дурацкое похмелье его не могло остановить. Слишком велика была для него цена каждой минуты, пропускать встречи или переносить их он никак не мог. Информация, он не мог ее упускать, он должен быть всегда на связи, все держать под контролем. В последнее время его все больше беспокоило здоровье, но Абаджваклия, прекрасно понимая, что посоветует доктор, был не готов отказаться ни от алкоголя, ни от сигарет, ни от образа жизни, который он вел. Поэтому он просто не шел к врачу, хотя его средства позволили бы ему обратиться к любому специалисту. Он закрывал глаза на неприятные симптомы, надеясь, что как-нибудь само пройдет.

Докурив сигарету до самого фильтра, с наслаждением выдохнув дым последней затяжки, Арнольд поднялся с кровати. Дела не ждут, пора было собираться на работу.

* * *

Подходя к роскошному стеклянному зданию «Нефтьпрома», Емельян посмеивался над собой, и в то же время лелеял в сердце надежду. Он сердился на себя за свою доверчивость и на того, кто заставил его прийти сюда, кто откуда-то раздобыл сведения о нем и, возможно, просто разыграл его.

Щукин увидел, что со всех сторон к главному входу стягиваются мужчины в костюмах и миловидные дамы в строгих узких юбках. Емельян зашпешил к вращающимся стеклянным дверям, за ними был просторный холл, на стене висела карта России, на которой лампочками были отмечены нефтяные скважины, контролируемые холдингом. Молодой человек залюбовался картой, которую оживляли маленькие движущиеся нефтяные вышки и буровые установки. Самое крупное месторождение, если верить этой схеме, располагалось в городе Имск.

Емельян бросил взгляд на часы, висевшие на стене, было девять с четвертью. «Надо идти, – подумал он, – и будь что будет!» Он подошел к проходной, спросил у охранника, нет ли в списке Емельяна Акусба. Охранник с сомнением оглядел его, потом внимательно сверился со списком и учтиво ответил, что, к его сожалению, такого имени в списке гостей нет. «Как нет?». Охранник вежливо попросил молодого человека еще раз повторить имя. «Я, может быть, не так расслышал. Могу взглянуть на ваши документы?»

– Емельян Акусба, – повторил Щукин громко и отчетливо. Паспорт с другой фамилией ему показывать не хотелось.

– Емельян?! – переспросил кто-то сзади, – вот это встреча!

Еще не успев обернуться, молодой человек заметил, что охранник как будто слегка оробел и вытянулся по стойке смирно. Щукин узнал этот голос, тот самый, который накануне звонил ему и лишил душевного покоя.

Обернувшись, молодой человек вытаращил глаза. Перед ним стоял Арнольд Абаджваклия собственной персоной. Емельян потерял дар речи и так и стоял перед ним с приоткрытым от удивления ртом.

– Так это я с тобой что ли вчера разговаривал? – спросил олигарх. Сегодня голос Арнольда звучал не так приветливо, он говорил быстрее и сдержаннее. Емельян вспомнил, что вчера Арнольд был пьян. Возможно, он даже не помнит подробностей их разговора.

– Да, со мной... – пробормотал Шукин. В самом деле, это был самый настоящий Арнольд Абаджваклия.

– Отлично! Рад тебя видеть. Пойдем, – Арнольд схватил молодого человека за локоть и повел за собой. Створки турникета распахнулись, никаких документов у Емельяна уже никто не спрашивал.

Большой зеркальный лифт поднял их на этаж, где располагался кабинет главы холдинга. Шукин робко рассматривал своего новообретенного дядю. Умный и проницательный взгляд, нос с легкой горбинкой, темные небрежно причесанные волосы, напряженные, словно застывшие в едва уловимой усмешке губы. От его худой фигуры, закутанной в темный длинный плащ, веяло чем-то демоническим. Емелья даже не удивился, когда они приехали на тринадцатый этаж. Самое место для такого загадочного человека.

– Чувствуй себя, как дома, – заявил Арнольд, пропуская Емельяна вперед себя в свой кабинет. Шукин смутился проходить первым, но Арнольд не позволил племяннику долго топтаться на месте и решительно подтолкнул его. «Это какая-то подстава, меня сейчас убьют. Или что-нибудь похуже, завербуют в террористы», – пронеслось в голове у молодого человека. Но тут же роскошь обстановки рабочего кабинета главы холдинга заставила Емельяна замереть от восторга на пороге.

Центральное место в огромном роскошном кабинете занимали рабочий стол, инкрустированный драгоценными и полудрагоценными камнями и большое кожаное кресло. На столе стояли два монитора, но складывалось впечатление, что владелец всей этой роскоши чаще пользовался ноутбуком, лежавшим рядом. На стене справа от входа красовалась коллекция кинжалов, а слева стоял диван, искусно отделанный золотой вышивкой. За стеклами расположенных вдоль стен стеллажей стояли разные предметы, скорее всего подарки, или какие-то трофеи. Емельян невольно залюбовался всей этой почти музейной обстановкой.

– Чай, кофе? – спросил Арнольд.

Шукин вздрогнул и очнулся от оцепенения, вызванного дороговизной окружавшей его обстановки.

– Может быть, ликер? – добавил олигарх, располагаясь за рабочим столом.

– Э, нет, лучше чай, – нерешительно вымолвил художник.

Арнольд отдал распоряжение секретарше по телефону и уселся за стол с компьютером, включил системный блок, и тут же закурил, пододвинув к себе шикарную хрустальную пепельницу.

– Куришь? Угощайся, кубинские, – и Арнольд протянул гостю коробку с сигарами.

Вошла высокая молоденькая секретарша, одетая, кажется, чересчур откровенно для своей должности. Емельяну показалось, что в ее должностные обязанности входит не только распределение телефонных звонков и сервировка стола. Она грациозно поставила на стол поднос, на котором стояли чашки, чайник, блюда со сладостями и вазочка с пастилой.

– Ну, как живешь? Рассказывай, рассказывай, дорогой мой, – затягиваясь сигаретой, спросил олигарх, лениво глянув в сторону покачивающейся бедрами удаляющейся секретарши.

– Мм... а что, собственно, рассказывать... даже не знаю, с чего начать, – совершенно растерявшись, пробормотал Шукин, не зная, как себя вести перед этим человеком. Ему казалось, что все мысли от волнения стерлись из его головы, он был как девственно чистый лист белой бумаги – ни одной надписи. Ему было не по себе, художник не решался даже задержать взгляд на своем собеседнике. Он опускал глаза, лишь изредка решаясь взглянуть на своего визави. Шутка ли, перед Емельяном сидел один из богатейших людей страны. Арнольд был

именно таким, каким художник его помнил по телерепортажам, – худой, с орлиным носом и ниспадавшими на лоб непослушными волнистыми черными волосами с легкой проседью.

– Я сказал тебе прийти к девяти? Буду откровенен, я плохо помню, о чем мы вчера говорили, – Арнольд вальяжно развалился в кожаном кресле, а Щукин застенчиво ютился на стуле, стоявшем по другую сторону стола, – напости-ка мне, пожалуйста, о чем мы вчера беседовали, – Арнольд рассматривал своего гостя внимательно, чуть склонив голову на бок. Художник почувствовал себя ужасно неловко.

– Вы сначала сказали, что мы можем встретиться в ресторане. А потом мы решили, что лучше все-таки в «Нефтьпроме»...

– Да, да, припоминаю. И правильно решили. Я был пьян вчера, – сказал Арнольд. Емельян не знал, как ему на это реагировать. Тем временем магнат выдвинул ящик стола и вынул оттуда небольшую начатую бутылку коньяка.

– Не хочешь составить мне компанию? – спросил он озадаченного Емельяна, наливая себе рюмочку. Художник растерянно помотал головой, пробормотав что-то вроде «Разве можно употреблять на рабочем месте?».

– Мне можно, – отозвался Абаджваклия и залпом выпил коньяк, а бутылку убрал обратно в стол, – вот теперь гораздо лучше. Я вчера перебрал. Ну, надеюсь, хоть по части чая-то ты мне составишь компанию? – снисходительно поглядывая на смущенного собеседника, спросил олигарх и взял в руки кружку с чаем. Щукин с подозрением смотрел на свою. Пить или отказаться от угощения?

– Чего ты так подозрительно смотришь на чай? Пей, не бойся. Думаешь, отравлю что ли? – Абаджваклия взял его чашку и сам отпил из нее, – и не стесняйся, клади сахар.

Емельян смущенно отвел глаза. Осторожность, бесспорно, никогда не помешает, но вписалась ли его недоверчивость в рамки приличия? Арнольд взял сахарницу и протянул ее собеседнику со словами: «Пожалуйста, не смущайся».

– Я не смущаюсь. Просто я пью чай без сахара.

– Без сахара! А я на такое не способен, – усмехнулся нефтяник, – я очень люблю сладкое, хотя по мне вроде не скажешь.

Щукин улыбнулся и решил поднять глаза, чтобы посмотреть в лицо собеседнику. Да, худощавый горец никак не был похож на сладкоежку. Однако он положил в свой чай очередной кусок рафинада и взял из вазочки пастилу.

– Между прочим, в мое детство пастила была вкуснее, – заявил нефтяной магнат, – ну да ладно. Что ж, Емельян, расскажи о себе. Про меня, держу пари, тебе приходилось слышать и до вчерашнего вечера. Я иной раз и сам себя по телевизору вижу. А вот про тебя я ничего не знаю, однако мне бы очень хотелось узнать побольше о моем дорогом племяннике. Так что, пожалуйста, не молчи! – Но видя, что гостя эта просьба привела в замешательство, Абаджваклия поспешил добавить: – если не знаешь, о чем рассказать, задавай мне какие-нибудь вопросы. Идет?

– Арнольд... простите, не помню ваше отчество. Скажу честно, я не знаю, что и думать... Это все так неожиданно. Неужели вы на самом деле мой родственник? Почему именно сейчас вы решили меня разыскать?

Арнольд невесело усмехнулся.

– Ты спрашиваешь, где я был раньше? Я отвечу так: лучше поздно, чем никогда, Емельян.

Было очевидно, что Арнольд не собирался откровенничать и выкладывать своему новому знакомому все те жизненные перипетии, которые побудили его в очередной раз упиться вусмерть и начать искать своего дальнего родственника.

– Чего вы хотите от меня? – непонимающе спросил племянник.

– Я? От тебя? – Арнольд снова усмехнулся, – я-то ничего не хочу. Просто пообщаться с родным человеком. А вот ты, – Арнольд резко поставил чашку на стол и наклонился к собеседнику, – друг мой, ты, должно быть, от меня чего-то хочешь? Иначе бы не пришел, наверное, а?

– Но мы же договорились встретиться. Я человек обязательный, вот и пришел, – смутился Емельян. – Мне было любопытно, хотя я, разумеется, не поверил, что вы действительно можете быть моим родственником.

– Мне приятно слышать, что мой племянник – обязательный человек. Очень ценное качество. Кто ты по профессии, чем по жизни занимаешься?

– Несколько лет назад я окончил художественное училище, а теперь учусь на юриста.

– О, на юриста. Молодец. Женат? – Арнольд кивнул на обручальное кольцо на пальце Емельяна.

– Да, – молодой человек покосился на безымянный палец Арнольда. Кольца не было. Щукин припомнил череду скандалов, связанных с громкими разводами олигарха, о которых то и дело шумели СМИ.

– Дети есть?

– Нет, пока нет.

– Понятно. А я вот в разводе, – отозвался Абаджваклия с усмешкой, – уже в который раз.

Емельян улыбнулся, но в глаза собеседнику не смотрел. Молодой человек рассматривал канцелярские принадлежности и книги, лежавшие на дорогой столешнице. Здесь была симпатичная серебряная чернильница, которой, впрочем, вряд ли хотя бы раз пользовались. Были и обыкновенные шариковые ручки, самые простые, такие можно было найти даже у школьника. Неожиданно взгляд Щукина наткнулся на книгу небольшого формата в зеленой бархатной обложке с золоченым узором. Спустя секунду художник рассмотрел название – это был Коран.

– Ты в Бога веришь? – спросил Арнольд, как будто бы специально дождавшись того момента, когда Емельян увидит на его столе именно эту книгу.

Емельян поднял глаза и растерянно уставился на олигарха. Ему вновь пришло в голову, что никакие троюродные племянники нефтяному магнату не нужны. А вот вербовать новых членов в экстремистскую организацию он может... Емельяну стало как-то не по себе.

– Как сказать... Вообще-то я крещеный, – неуверенно отозвался Щукин, – но в церковь я не хожу. Не знаю, есть ли бог, но я, скорее, верю в справедливость, – молодой человек неуверенно пожал плечами.

– Мне нравится твой ответ, – взяв из вазочки очередную пастилу, одобрительно улыбнулся Абаджваклия, – знаешь, что Конфуций говорил на этот счет?

– Хм, я подзабыл, – отозвался Емельян. Он, естественно, слышал имя этого китайского мудреца, но вот касательно его афоризмов и учения был уже не силен. Он помнил что-то про почитание отца и матери, а перед глазами возник образ почтенного старца с длинной бородкой и в кимоно. Видя растерянность на лице собеседника, магнат пояснил:

– Конфуция как-то спросили: на добро нужно отвечать добром. А как же отвечать на зло? Неужели злом? Нет, ответил мудрец. На зло надо отвечать справедливостью... Ну а я верю в Бога, – сказал Арнольд с улыбкой.

– Но точка зрения Конфуция, кажется, расходится с христианскими, например, догмами, – отозвался Емельян, и снова невольно взглянул на Коран.

– Ты прав, племянник, религия учит и на зло отвечать добром. И я куда больше согласен с этой идеей. Надо стараться на все отвечать добром! Емельян огляделся. Оружие на стенах, подарочные клинки и сабли. Дорогая мебель, роскошь. Пять жен, многомиллиардное состояние, сомнительная молва о деятельности Абаджваклии в 90-е. Было не похоже, что этот человек действительно верит в то, что говорит. Щукин с неудовольствием подумал, что его собеседник только пытается казаться набожным. Он покосился на Коран, Арнольд поймал взгляд племянника и понял его мысль.

– Я православный, – усмехнулся олигарх, продемонстрировав крест у себя на шее.

– А почему у вас на столе священная книга мусульман? – не удержался Емельян.

Он все еще ожидал какого-то подвоха, и сам не знал, правильно ли поступил, придя в гости к новообретенному дяде.

– Потому что мне интересно, как устроен мир! Мне интересны все точки зрения, и особенно – религиозные! Я с удовольствием изучаю работы философов и теологов. Но сам я православный, и не только на словах. Ты бывал в Новодевичьем монастыре? – вновь закурив, спросил Арнольд.

– Это который сгорел во время реставрации?

– Что за ерунда. Не сгорел, а только лишь самую малость занялся огнем. Я о другом. Вот ты сам сказал про реставрацию. Знаешь, кто ее спонсирует?

– РПЦ, наверное.

– Нет, ее спонсирую я.

Емельян нерешительно повел плечами и осмотрелся. Странно. Не было похоже, что человек, окруживший себя такой роскошью, собирается посвятить себя Богу. Молодому человеку тут же пришли на ум толстые служителей церкви, разъезжающие на дорогих машинах. Религиозность иной раз становится прикрытием для карьеристов, скрывающих лицемерие и жажду наживы под маской благочестия.

– Ну, что молчишь, племянник?

– Я себе иначе представлял верующих людей.

– Ладно. Мы с тобой при случае и на эту тему побеседуем.

Они поговорили еще некоторое время. Разговор, перешедший на более светские темы, пошел более легко и непринужденно, а спустя час Емельян уже не чувствовал себя не в своей тарелке, скорее наоборот, ему все больше и больше нравился его собеседник. В какой-то момент Арнольд стал все чаще посматривать на часы и Емельян понял, что на этом их общение должно закончиться, так как Арнольда ждут дела.

Когда Емельян вышел из здания «Нефтьпрома», у него от волнения дрожали руки. Ему казалось, что все только что случившееся было сном. Это просто не могло быть правдой – почти перед самым расставанием Абаджваклия предложил ему работу. Работу в «Нефтьпроме» юристом! И это не смотря на то, что Емельян еще не закончил университет.

Молодой художник был очарован Арнольдом. Олигарх был резким и решительным человеком, для него, похоже, существовали только два мнения: его и неправильное. Неколебимая сила воли и твердость характера не могли оставить собеседника равнодушным. За то время, что они общались, Емельяну показалось, что Арнольд – человек начитанный и умный.

– Мне кажется, он слукавил, сказав мне, что у него нет высшего образования. Я думаю, он какой-нибудь профессор, просто скрывает это, – восторженно рассказывал вечером Щукин озадаченным тестю и супруге о произошедшем, – а еще при ближайшем рассмотрении мне даже показалось, что мы с ним похожи. Только он еще более тощий, чем я. А так у него даже прическа как у меня: волнистые волосы, ниспадающие на лоб. И он совсем так же прищуривается, когда смотрит на стенные часы. И кстати в профиль он невероятно смахивает на Анну Ахматову, потому что у него и прическа, и горбинка на носу в точности, как у поэтессы на известном портрете!

Ксения удивленно смотрела на супруга, в ее взгляде читалось сомнение, она знала своего мужа и понимала, что его легко могли бы ввести в заблуждение и обмануть. Легкое огорчение, которое закралось в его душу, когда он увидел, что жена ему как будто не до конца поверила, не смогло заглушить той ошеломляющей радости и восторга, которые заставляли молодого человека шагать по комнате из конца в конец.

Емельян Щукин всем сердцем чувствовал, что в его жизни наступила эпоха больших перемен. Это было начало чего-то нового и очень важного.

Июнь 2014 года

Новообретенный дядя произвел на Емельяна сильнейшее впечатление, он только и думал, что о нем, все разговоры с домашними сводились снова и снова к рассказу об удивительной встрече в «Нефтьпроме». Арнольду с его стороны тоже хотелось поделиться с лучшим другом своими эмоциями, вызванными встречей с племянником. Ведь именно его друг, депутат Вадим Снегирев, и подбросил Арнольду идею завязать знакомство с кем-то из своих родственников, с кем прежде нефтяник никогда не общался.

Поэтому Абаджваклия в самом скором времени позвал Вадима в гости, чтобы поделиться с депутатом результатом этого своего рода эксперимента.

Вадим был высоким и упитанным, ему было чуть за сорок, как и Арнольду. В деловом костюме парламентарий смотрелся очень солидно, но в то же время приветливо и дружелюбно, его теплая и искренняя улыбка, лишенная всякого подобия лицемерия, сразу располагала к себе людей. Абаджваклия и Снегирев устроились в роскошном домашнем кабинете олигарха, стол к приходу гостя уже был накрыт.

– Вадим, ты знаешь, я же взял его на работу к себе, этого племянника, – сообщил нефтяник, разливая по бокалам сладкий крепкий ликер, – пока непонятно, правда, насколько он умен. То есть, я пока еще его совсем не знаю, но он не произвел на меня впечатление сообразительного человека. Однако даже не знаю, что-то в нем есть. Все-таки это мой родственник, сын моей сестры, пусть и троюродной.

– Арнольд, я уверен, что ты поступаешь правильно.

– Он даже внешне оказался на меня похож, представляешь? Такой же худющий, и прическа такая же. И даже, мне показалось, что щурится точно так же, когда смотрит на часы на стене.

– Я верю, что ты обрешь в этом человеке хорошего друга, – отозвался Вадим, которому очень льстило, что именно он посоветовал Арнольду связаться с племянником.

– Спасибо тебе за идею, Вадик. Давай, за хорошие идеи, – Арнольд подмигнул собеседнику, они чокнулись и осушили свои бокалы.

Вадиму пришло в голову, что Абаджваклия сейчас находится в приподнятом настроении, вон, даже на какие милости пускается – решил призвать племянника, о котором еще пару недель назад ничего не знал. Это был удачный момент, чтобы поговорить с Арнольдом об одном проекте. Арнольд – олигарх, может быть, он согласится поддержать проект в финансовом плане. Вадим знал, что он старается не для себя, не для своей личной выгоды, а для страны, и это его поддерживало, так как для себя лично он ничего просить бы не стал. Выждав немного, Снегирев осторожно завел разговор о важном для него вопросе.

– Нольда, ты, конечно, слышал про мою думскую инициативу с реставрацией федеральной трассы «Тура»?

– Слышал. Но, насколько я знаю, ее реализацию отложили на неопределенный срок.

– Да, все верно. Отложили. Как, по-твоему, это правильно? Что отложили.

– Вадик, если государство решило, что сейчас в приоритете стоят другие задачи, разве можно с этим спорить? – Арнольд, прищурившись, искоса поглядывал на собеседника. Для проницательного нефтяника не было секретом, к чему ведет его друг. Однако Абаджваклии хотелось выслушать аргументы, которые приведет Вадим, хотя магнат и наперед знал, что на постройку трассы в Сибири он не пожертвует ни копейки.

– А я считаю, что это было ошибкой. Страна остро нуждается в качественном транспортном сообщении между населенными пунктами, – отозвался Вадим.

– Лет через пять-десять, я думаю, страна вернется к решению этого вопроса, транспортное сообщение будет налажено, а дороги отремонтированы, – сказал Арнольд.

– Пять-десять лет! Да даже один год промедления стоит очень дорого! Мы отстаем от всего мира! Этот проект должен быть реализован сейчас. Арнольд, скажи мне, ты мог бы выделить пусть небольшую, пусть скромную сумму на реализацию этой затеи?

– Если ты задумал строить платную дорогу, то я, может быть, соглашусь поучаствовать, – лениво ответил нефтяник, накладывая на горбушку белого хлеба обильный слой икры.

– Нет, Нольда, о чем ты говоришь? Какая платная дорога. Разумеется, эта дорога должна быть бесплатной.

– Сколько я буду иметь с каждого километра этой трассы, когда ее начнут эксплуатировать?

Вадим горько вздохнул. Во всем олигарх искал только выгоду, и никакие благородные мотивы не могли его увлечь.

– Нольда, посуди сам. Можно будет установить множество АЗС по обеим сторонам от трассы. Я думаю, со временем твой вклад мог бы окупиться хотя бы наполовину.

– То есть это еще и убыточный проект? Вадим, все, не трать больше ни мое, ни свое время на эти разговоры, – Арнольд надкусил бутерброд и с улыбкой посмотрел на Снегирева. Он знал это выражение лица своего друга и ждал, что сейчас тот пустится в рассуждения о том, как неблагородно поступает олигарх.

– Нольда, не будь бессердечным. Это, в конечном счете, нужно не только тем, кто живет за Уралом. Это нужно всем нам. Иначе Сибирь у нас постепенно заберут... Дороги – это не просто асфальт с нанесенной на него разметкой, это не просто дорожные знаки на обочинах. Дорога – это же торговый путь, а значит именно дорога – это развитие, эволюция, процветание. Арнольд, меня очень волнует отток населения из восточных районов нашей страны, это только кажется, что проблема несерьезная и сделать с ней ничего нельзя. А делать нужно! Надо улучшать транспортное сообщение, надо создать для людей рабочие места. Я много думал над этим вопросом, у меня есть немало идей, проектов, но я вижу, что мне не дают их реализовать, мои инициативы одну за другой топчут в пыли... Такое ощущение, что мало кто из моих коллег действительно стремится улучшить жизнь наших сограждан... Арнольд, меня всегда так удивлял этот парадокс. Человек, это великое, без преувеличения, величайшее создание Вселенной – это же необычайно умное существо. Люди летают в космос и даже знают, как возникла вселенная. Секунда за секундой человечество проследило историю возникновения планеты, на которой мы живем, а затем и свою собственную историю, и это без всякой машины времени, а за счет гениальных научных открытий. Люди так умны, но почему у людей нет сердца? Я не говорю про наше поколение, я говорю обо всех известных истории поколениях людей, о тех, кто составляет цивилизацию. Почему зажавшееся меньшинство, сконцентрировав в своих руках девяносто процентов ресурсов и денег, нещадно эксплуатирует всех остальных людей?

Закончив свою благородную речь, Вадим с надеждой посмотрел на собеседника. Арнольд закурил.

– Вадим, прежде чем размышлять над твоим вопросом, ответь мне: хорошо или плохо, что все мы смертны?

– Не хорошо и не плохо. Это данность. Так устроен мир, – пожал плечами Вадим.

– Да. Ты сам ответил на свой вопрос. Все, что происходит во Вселенной – это данность. Так устроен мир. На все воля Божья. С твоей точки зрения мир устроен несправедливо. А с точки зрения Творца – в самый раз.

– В самый раз? Откуда ты знаешь мнение Творца? Разве может быть, чтобы Бог одобрял то, что происходит на Земле? Может быть, он просто потерял контроль над происходящим? – развел руками Вадим.

– Нисколько, – убежденный в своей правоте помотал головой олигарх, – человек создан по образу и подобию... Бог – великий творец, мудрейший инженер, но не он ли устроил

потоп, стерший с лица земли все живое? Узнаешь: мудрость, гениальность даже, но отсутствует сердце.

– Арнольд-Арнольд... В такое не очень-то хочется верить. Да и как бы там ни было, ничто не остановит меня в стремлении добиться благополучия в нашей стране.

– Слушай! Если ты так фанатично настроен, может быть, тебе баллотироваться в президенты? Для меня нет ничего невозможного, – Арнольд усмехнулся, но Вадим знал, что и Абаджваклия не всемогущ. Он такой же смертный, как и все, он не властен над своей судьбой, и деньги приносят лишь иллюзию счастья. Впрочем, провести своего ставленника в президенты нефтяник, пожалуй, действительно мог бы, тут он, может быть, и не лукавил.

– Вадим, я серьезно, – продолжил с иронией в голосе Абаджваклия, – будешь такие пламенные речи произносить, народ тебя будет обожать. Мне выгоднее провести тебя в президенты, чем вкладываться в какую-то убыточную дорогу! Почему эта идея раньше не приходила мне в голову?

– Выборы еще не скоро. Да и, Арнольд, из этой затеи ничего не выйдет. Меня и сейчас-то недолюбливают с моими чересчур социально ориентированными взглядам. А если стану президентом – меня тут же убьют.

– Ха, Снегирев, и тебе не чуждо ничто человеческое. За себя-то, вижу, трясешься. Ладно, друг мой. С дорогой не торопись, придет время, ее построят, и уже тогда я свои АЗС расставлю вдоль трассы, – Арнольд рассмеялся и выпил еще ликера. Вадик только вздохнул.

– Нольда... Иногда твой «Нефтьпром» выделяет гранты на развитие науки или искусства...

– Да. Но эти гранты не превышают десяти-пятнадцати миллионов. А на строительство твоей дороги нужны миллиарды. Извини, на это я не готов.

Снегирев, впрочем, и не ожидал какого-то другого ответа от Абаджваклии, уж слишком хорошо он знал этого нефтяника, но все-таки и молчать Вадим не мог, он должен был хотя бы попробовать. Попытка не дала результата, оставалось только ждать.

Июнь-октябрь 2014 года

За последние месяцы жизнь Емельяна кардинально поменялась. И, к большому его сожалению, не совсем в ту сторону, в какую, как он рассчитывал, она должна была повернуться после судьбоносной встречи с дядей-олигархом. Теперь стало ясно, что Арнольд Абаджваклия не спешит одаривать племянника ничем не заслуженными подарками. Временами Емеле казалось, что дядей руководят не столько даже жадность или скупость, сколько стремление поиздеваться над ним, но никак не родственное сострадание и благородные порывы, на которые молодой человек так рассчитывал после их первой судьбоносной встречи. Щукин работал в «Нефтьпроме», но должность занимал самую что ни на есть маленькую и незначительную – помощник-стажер юридического отдела. И зарплата его была совсем не такой, какую он вообразил себе, когда любовался роскошью кабинета Арнольда. Зарплата была просто смехотворной, Емельян даже супруге постеснялся озвучить сумму.

С другой стороны, молодой семье было, за что благодарить внезапно обретенного родственника. В течение месяца после знакомства Арнольд выделил племяннику с супругой отдельную квартиру, и им больше не приходилось ютиться втроем с отцом Ксении. Небольшая квартира в самом центре города, откуда можно было довольно быстро добраться до рабочего места – бизнес-центр «Нефтьпром», пятнадцатый этаж, юридический отдел. Квартал полностью принадлежал холдингу, поэтому проживали здесь только его сотрудники, причем на определенных условиях. Сначала Емельян даже не обратил внимания на эти условности, махнув на них рукой, и не вдумываясь в слова Ксении, без пяти минут кандидата юридических наук, что это вовсе не их собственное жилье, а милость с барского плеча, которую взбалмошный олигарх в любой момент сможет отнять, не объясняя причин. И только спустя некоторое время Щукин

стал понимать, в какую ловушку угодил, потому что если бы он захотел уволиться отсюда, ему пришлось бы также лишиться и квартиры. С другой стороны, у самого Арнольда и сомнений не могло возникнуть в том, что племянник относится к его щедрому подарку с благодарностью и признательностью и будет рад работать на его солидную и серьезную компанию. Олигарх рассчитывал, что через год-полтора племянник получит необходимый опыт работы и будет переведен на более высокую должность с соответствующей зарплатой. А сейчас-то ему зачем большие деньги, если он и до «Нефтьпрома» перебивался случайными заработками, и его это, похоже, вполне устраивало.

Основная проблема заключалась в том, что со своей работой на новом месте Емельян совершенно не справлялся. Конечно, пока ему не поручали по-настоящему сложных или ответственных заданий, однако необходимость подготовить любой даже маломальский отчет приводила его в панику, иски и претензии, которые ему поручали, выходили из рук вон плохо, условия договоров Щукин никак не мог сопоставить с нормами права. Емельяну приходилось доделывать часть работы ночами дома и просить помощи у жены, которая справлялась с этими задачами куда более легко и непринужденно. Ксения была талантливым юристом, в настоящее время она как раз заканчивала аспирантуру и в целом с удовольствием приходила на помощь супругу. Емельян чувствовал себя все более и более подавленным из-за того, что он не справлялся с возложенными на него обязанностями. Вначале он думал, что работа в «Нефтьпроме» это прекрасный для него шанс наконец-то стать тем, кем он хочет, вырасти и вступить в новую полосу жизни, где его ждали бы успех, слава и прочное положение в обществе. На деле все оказалось сложным, рутинная утомляла, Емельян все чаще стал мучиться от головной боли, вызванной раскаянием в том, что он не справляется, и тем, что он всех подводит.

Проработав всего несколько месяцев, молодой человек уже отчетливо понимал, что ошибся с выбранным поприщем, юрист из него, прямо скажем, так себе. Нет, он, вообще-то, за это время кое-чему научился, но прекрасно понимал, что все ближе тот самый момент, когда он, наконец, решится сказать Арнольду Абаджваклии о своем решении уволиться. Это было, безусловно, очень недалеким делом, ведь как только в трудовой книжке Щукина появится запись о том, что его трудовой договор с холдингом расторгнут, олигарх заберет у них с супругой квартиру назад.

С другой стороны, Емельян в глубине души лелеял надежду, что все-таки дядя Арнольд не бросит его на произвол судьбы. Все-таки Абаджваклия зачем-то набрал его номер телефона теплым майским вечером и предложил встречу. Значит ему зачем-то понадобился в жизни племянник... Если бы Арнольд не нуждался в нем, он бы не приглашал его то и дело в свой кабинет на чашку чая.

И, действительно, за эти месяцы Емеля уже около десяти раз побывал на аудиенции у Арнольда в его шикарном кабинете на тринадцатом этаже. Олигарх всегда был с ним приветлив, угощал кофе, заводил беседу о пустяках. Даже и зарплата через три месяца работы у Емельяна немного увеличилась. Правда, в такой вот официальной, строгой, рабочей обстановке, когда в роскошной комнате, изобилующей антиквариатом, перед тобой сидит богатейший человек страны, у Щукина просто язык не поворачивался признаться в том, что его что-то не устраивает в работе.

Но может быть все-таки дядя будет настолько благосклонен, что даст ему второй шанс и предложит другую должность... Только как решиться завести с ним этот волнительный разговор? В первую очередь Щукин воспринимал Абаджваклию не как родственника, а как олигарха. Емельян знал, что Арнольд не просто обладатель огромного состояния, но его богатства постоянно приумножаются благодаря прибылям и дивидендам, которые владелец холдинга получал ежемесячно.

Совершенно случайно Емельян получил представление о ежемесячных доходах своего дяди, он был потрясен. Работая в юротделе, молодой человек то и дело вынужден был про-

смаатривать папки с учредительными документами, многочисленными договорами и кадровой документацией. Щукин сразу обратил внимание, что всем известный «Нефтьпром» – это лишь одна из организаций, тогда как в документах обнаружилось много других: «Нефтьпром+», «Промнефть», «Нефтьпром Центр» и все в таком духе. Для чего создавалось такое количество «побочных» компаний, Емеля точно не знал, но что-то ему подсказывало, что таким образом дядя уходит от налогов или что-то в таком духе. Но наличие «Промнефти» не так сильно заботило художника. Гораздо больше его впечатлила другая папка, в которой ему попались приказы в сфере кадровых назначений.

В этой папке не было оригиналов документов, в ней содержались только копии приказов о переводе пяти-шести людей с должности на должность. Среди этих нескольких человек чаще всего встречались имена самого Абаджваклии и некоего Сергея Каякина. Каждым приказом осуществлялся перевод одного из этой «великолепной пятерки» с должности, например, заместителя гендиректора по финансам на должность заместителя гендиректора по общим вопросам. А другой счастливчик переводился с должности гендиректора на должность президента. В каждом приказе, как и положено, был указан оклад сотрудника на новой должности. Но вот тут-то Емельян и понял, почему в папке хранятся только ксерокопии. То место в документе, где был указан оклад, в отксерокопированной версии было белым пятном. Заботливая рука при копировании закладывала конфиденциальную информацию белым клочком бумаги. Емельян, хлопая глазами, рассматривал попавшиеся ему материалы. И вот – несказанная удача. Рука, копировавшая приказ о переводе Абаджваклии, слегка дрогнула, и из-под белой бумажки едва выглядывало окончание заветной суммы. Нет, разобрать, какие именно цифры значились в окладе, было невозможно. Однако художнику удалось посчитать их количество – цифр было восемь.

Это означало, что доходы нефтяника исчислялись в десятках миллионов. Причем, речь шла о его доходах только от «Нефтьпрома». А ведь никто не отменял «Промнефть» и «Нефтьпром+», и все остальные побочные фирмы. Емельян потерял дар речи.

* * *

Однажды вечером, когда Емельян на кухне занимался приготовлением мяса по-французски, раздался звонок в дверь. Емеля очень любил готовить, и получалось это у него восхитительно. В холодильнике ждала бутылка белого вина. Ксения не любила возиться на кухне и была очень счастлива, что большую часть этих обязанностей всегда выполнял ее муж. В этот вечер она тоже крутилась у стола и резала овощи для салата. Молодые супруги собирались провести приятный вечер, ведь именно сегодня была годовщина их знакомства. На самом деле, ни Ксения, ни Щукин, не могли назвать точной даты своего знакомства, но для себя они определили девятое октября, и это была как раз эта дата.

Услышав звонок в дверь, Емельян ощутил разочарование, ему ужасно не хотелось, чтобы их беспокоили в этот вечер. Он понадеялся, что это кто-то из соседей пришел что-нибудь попросить. Раз уж все здесь коллеги, то вполне возможно, что соседи настроены друг к другу более открыто и приветливо, чем в обычном доме.

– А прикол, если это твой Арнольд, – усмехнулась Ксюша.

– Вот только его нам не хватало. Ксюш, можешь открыть, а то у меня все тут сгорит.

Ксюша Летюшова, вытерев руки, прошла в коридор и выглянула в глазок. За дверью стоял явившийся без приглашения Арнольд Абаджваклия.

Олигарх любил прийти без приглашения, и всегда – с пустыми руками. Он считал себя настолько долгожданным гостем в любом доме, что приносить с собой какой-то гостинец ему казалось просто излишним. Ксения подумала, что нет ничего удивительного в том, что Арнольд пришел посмотреть, как они тут живут, ведь именно он помог им здесь поселиться.

Она ощутила легкое волнение, ей давно хотелось поближе познакомиться с этим таинственным дядей-олигархом, который в рассказах ее мужа представлял то щедрым благодетелем, то жестоким тираном, то милым дядей, а то и вовсе какой-то демонической личностью.

Ксюша отперла дверь. Арнольд, не церемонясь, зашел в коридор и, ничуть не смущаясь, оглядел ее оценивающим взглядом.

– Здравствуй. Я – Абаджваклия. Наверное, ты про меня слышала.

– Приятно познакомиться. Ксения.

– Ммм! Как у вас вкусно пахнет. Я сегодня ужинаю с вами, – заявил пришедший, улыбнулся и, не нагибаясь, придерживая носком ботинка пятку другого ботинка, разулся. Ксения была ошарашена такой беспардонностью. С другой стороны, она понимала, что статус Арнольда позволяет ему вести себя подобным образом. Она надеялась, что он скоро уйдет, но все-таки сказала:

– Милости просим.

Арнольд, не спрашивая разрешения, прошелся по комнатам, все осмотрел, потрогал шторы, выглянул в окно, уселся на диван, потом снова встал и проследовал в коридор.

– А детскую вы еще не оборудовали?

– Пока еще нет, – холодно ответила Ксюша, в душе закипая от злости на поведение этого бесцеремонного человека.

– Если вам не хватает, я помогу. Сколько вам нужно?

– Спасибо, нам всего хватает, – нерешительно отозвалась девушка. Она прекрасно понимала, что принимать от этого человека деньги было бы крайне опасно. Неизвестно, что он попросит взамен. Он мог передумать и выселить их из квартиры, и это было бы еще полбеды, но если бы он потребовал назад уже потраченные деньги, у них могли бы возникнуть серьезные неприятности. Поэтому Ксения, которая уже поняла, что гость немного нетрезв, более твердым голосом повторила:

– Спасибо, Арнольд. Но на самом деле мы не нуждаемся.

– Что ж, не нуждаетесь, значит – не нуждаетесь. Как хотите, мое дело предложить. Пошли ужинать?

В коридоре недалеко от прохода на кухню вдоль стены стояло несколько картин Емельяна. Эти картины были нарисованы в массе своей еще в прошлом году или раньше, ведь с тех пор, как Щукин устроился в «Нефтьпром», у него уже не оставалось времени на творчество.

Арнольд остановился напротив одного из полотен и, прищурившись, принялся его внимательно рассматривать.

– Вот это да. Признавайся, кто из вас Пикассо? Сама рисуешь?

– Нет, это картины вашего племянника.

– Мне нравится. А еще есть? Я хочу посмотреть всю коллекцию. После ужина посмотрим, договорились?

Арнольд вошел в кухню и широко раскинул руки.

– Ого, вот кто у нас в роли повара, – воскликнул он, увидев Емельяна в фартуке.

– Здравствуйте... Добрый вечер. Мы как-то... не ждали, – смущенно поздоровался Щукин.

– Привет, дорогой мой! Ничего, я думаю, для меня найдется местечко в вашем уютном гнездышке? Еще бы не нашлось! А что это ты такое готовишь, как пахнет вкусно. О, да это лучше, чем в ресторане, ей-богу, дорогой мой.

Арнольд развалился на одном из кухонных стульев, чувствуя себя совершенно как дома.

– Какие восхитительные картины у вас в коридоре стоят! Ксения сказала, что это твои шедевры! Так ты, оказывается, художник? Я и забыл совсем, – улыбнулся Арнольд. Емельян в ответ расплылся в улыбке, было невероятно приятно слышать похвалу от дяди. Но его радость

была не долгой, так как уже в следующую секунду Абаджваклия продолжил: «Как тебе работа у нас? Нравится?»

Услышав вопрос гостя, супруги переглянулись. Ксюша прекрасно знала, насколько Шукин возненавидел работу, которая ему была предоставлена, но он бы никогда в жизни не осмелился сказать Арнольду об этом прямо.

– В любой работе есть свои плюсы и свои минусы, – осторожно ответил молодой человек.

– Истина. А у меня в «Нефтьпроме» чего больше, плюсов или минусов?

– Есть и то, и другое.

– И что за минусы ты находишь? Нефть – это, конечно, дело очень... специфическое, своеобразное. К тому же ты прежде никогда не работал юристом.

Абаджваклия выглядел вполне доброжелательно и Емельян понадеялся, что в сложившейся ситуации Арнольд не будет слишком строг к нему.

– Как бы вам сказать... – Емельян замаялся, посмотрел на Ксению, затем решительно продолжил, – Арнольд, давайте чуть-чуть отложим разговор о работе. Сначала поужинаем.

– Потом мы вам покажем коллекцию картин, – тут же подхватила Ксения.

Арнольд, безусловно, догадался, что, похоже, с работой у его племянника есть определенные проблемы, в курсе которых и его супруга. Иначе почему бы это они так растерялись оба. К тому же Арнольд уже несколько раз справлялся у руководителя юридического отдела об успехах Емельяна, и, к сожалению, не услышал ничего ободряющего, поэтому он в принципе догадывался, почему племянник так замаялся. Впрочем, олигарх не имел ничего против того, чтобы сначала перекусить, а уже потом перейти к вопросу о работе.

– Как, не готово еще твое фирменное блюдо, Емеля? А вы, я смотрю, прямо чувствовали, что я к вам загляну, специально такой стол накрыли. Или что, может быть, я не вовремя? Сознавайтесь, по какому поводу еды наготовили?

Арнольд сказал это с видом, говорившим, что он никуда уходить не собирается, по крайней мере, не отведав мяса.

– А вина у вас нет? – добавил глава «Нефтьпрома» и без спроса открыл холодильник, – о, великолепно. Это же абхазское, мне очень нравится ваш выбор! С удовольствием выпью бокальчик.

Ксения в недоумении поглядывала то на Арнольда, то на мужа. И этим невоспитанным хамом Емельян так восхищался? О нем муж говорил ей, как о воспитанном, начитанном интеллигенте?

Абаджваклия, а теперь это, наконец, заметил и Шукин, был немного пьян. Видимо, он уже на работе что-то выпил и перед тем, как ехать домой, решил проведать племянника. «Канаве что ли не наелся на банкете, – с неудовольствием подумал Емеля, – и решил продолжить трапезу здесь у меня».

За ужином Арнольд, видя, что супруги его явно стесняются, не требовал от них никаких рассказов и больше говорил сам, ему вполне хватало «угу» и «да-да» со стороны собеседников.

Когда бутылка вина опустела, Арнольд спросил, нет ли еще какого-то напитка и, не дожидаясь ответа, раскрыл дверцы кухонного шкафчика, в котором, впрочем, обнаружил одни лишь крупы. Ксения была неприятно впечатлена. Ей до сих пор не приходилось встречать настолько невоспитанных взрослых.

– Ну что, племянник, покажешь мне свои картины? – улыбнулся Арнольд.

Ксения осталась на кухне, она понимала, что, пожалуй, лучше супругу переговорить с дядей по поводу работы с глазу на глаз.

Емельян провел Абаджваклию в комнату, где в одном из массивных шкафов хранились его холсты. Олигарх уселся на диван, а Емеля, суется, вытаскивал из закровов квадратные и прямоугольные полотна.

– Вот эта картина – супер. Я бы у себя в кабинете такую хотел повесить!

Щукин не поверил своим ушам и обернулся. Арнольд, прищурившись, рассматривал яркую, пестрящую сочными оранжевыми мазками, абстракцию.

– Вы шутите... – пробормотал художник.

– Все нет. Показывай остальные, – вальяжно отозвался Абаджваклия, вытащил из кармана пачку сигарет и, не спрашивая разрешения, закурил. В качестве пепельницы он пододвинул себе стоявшую тут же на журнальном столике плоскую вазочку.

– Двести тысяч.

– Что вы сказали?

– Продашь этот апельсиновый взрыв за двести тысяч? – без малейшего намека на иронию спросил глава холдинга.

Емельян понял, что, пожалуй, сейчас и настал лучший момент для того, чтобы сообщить дяде о своем желании немного сменить профессию.

Щукин нервно облизнул губы, затем приблизился к Арнольду и сел рядом с ним на диван. Абаджваклия недолго думая приобнял племянника за плечи. Емеле показалось, что это сон. Одно дело, когда олигарх выступает в качестве твоего начальника, с этим еще как-то можно было смириться. Но вот сейчас чувствовалось, что это, действительно, еще и родственник. С одной стороны, этот факт делал разговор более легким. Но с другой – более сложным. Ведь одно дело – сообщить начальнику о своем решении уволиться. И совсем другое дело – поведать об этом своему дяде. Емельяну очень не хотелось потерять расположение своего нового родственника.

– Арнольд... Вы вот час назад спросили, как у меня дела обстоят с моей работой... Можно я прежде, чем обсудить картину, отвечу на этот вопрос?

Абаджваклия, снисходительно улыбнувшись, кивнул, и Емельян, резко выдохнув, чтобы почувствовать себя увереннее, сообщил, что он для себя твердо решил, что больше не хочет работать в должности юриста.

– Я бы взял тебя художником, только у нас нет такой ставки, – отозвался Арнольд.

– А дизайнеры? Может быть вам нужны дизайнеры?

Арнольд около минуты безмолвствовал, Емеле показалось, что это молчание длилось целую вечность.

Олигарх докурил, потушил окурок в вазочке, затем потрепал племянника за плечо и сказал «ну, мне пора».

– Но... Вы мне не ответили.

– Емеля, молчание – знак согласия, – улыбнулся Арнольд, и Щукин готов был запрыгать от радости, – но я сначала хотел бы посмотреть, на что ты способен. Я завтра дам тебе задание, вот посмотрим, как ты с ним справишься. Получится плохо – пойдешь стажером. Получится хорошо – будешь дизайнером.

– Дядя, спасибо вам! – радостно воскликнул Емельян, обнял Арнольда, а затем вручил ему апельсиновую абстракцию, – я вам дарю эту картину, дорогой дядя!

Емельян пребывал в полном восторге, весь оставшийся вечер он с восхищением отзывался об Арнольде, он больше ни о чем думать не мог. Он даже не вспомнил, что изначально они с супругой отмечали годовщину знакомства. Действительно, это такая мелочь в сравнении с удивительным дядей. Ксения была несколько раздосадована, и романтическое настроение, которое витало в воздухе еще полтора часа назад, сейчас полностью испарилось. Ксения была несколько подавлена всей этой ситуацией, к тому же она не была уверена, что через пару месяцев им с мужем не придется вернуться в маленькую квартиру ее отца.

* * *

На следующий день Емельян мчался на работу таким счастливым, каким он давно не был. Весь мир, казалось, улыбался ему, все люди вокруг стали дружелюбнее и милее. Накануне они с Арнольдом договорились, что Шукин передаст свои дела коллегам, а затем получит от дяди тестовое задание в области дизайна.

Идя по улице на работу, Емеля подумал, что надо будет сделать что-то приятное для жены. Только сейчас он понял, что вчера повел себя, пожалуй, не слишком корректно, забыв про их семейный праздник после визита Арнольда. Сейчас Емеле было стыдно, но в то же самое время он ощущал душевный подъем. «Подарю ей что-нибудь, или свожу в дорогой ресторан», – сказал себе Емеля. Он был исполнен веры в будущее и подумал, что вот именно в данный момент в его жизни наступает эпоха настоящих перемен. «Еще бы, когда меня так угнетала работа, я не мог и достаточно внимания уделять супруге. Но сейчас, когда я буду заниматься любимым делом, я буду всегда в превосходном настроении, и мы с Ксюшей снова станем самыми близкими людьми на свете», – мечтательно думал он.

Все утро на работе Шукин провел за передачей дел. Ему показалось, что коллеги немного странно на него поглядывают, ну и что с того. Они прекрасно знали, что Емельяна перевел в другой отдел, а ранее и взял в компанию его дядя; они были свидетелями того, как Шукин явно не справлялся с возложенной на него работой. Но молодой человек старался не думать о том, какое он произвел здесь впечатление. Он верил, что сможет вполне реабилитировать себя и свою репутацию в должности дизайнера.

Было около часа дня, когда Емеля составил ответ на очередную претензию. Но для него это была особенная претензия, и ответ на нее тоже, поистине, был особенным: ведь это была последняя юридическая работа, заключительный правовой штрих, разделавшись с которым, Емельян раз и навсегда оставил ненавистную работу в прошлом. Ощущая, будто гора упала с плеч, Емеля вышел из кабинета юридического отдела. Он был готов прямо сейчас побеседовать с Арнольдом, чтобы из первых уст узнать условия задачи, которую ему предстояло решить. Ему хотелось показать свою полную готовность к новой работе, он устремился к лифту и спустился на тринадцатый этаж. Шукин подошел к кабинету Абаджваклии.

– Вас вызывали? – строго спросила секретарша. Было похоже, что ее сегодня особенно задержали.

– Меня не вызывали, но, я думаю, что если Арнольд Алхасович не очень занят, он бы принял меня, – робко ответил Емеля и смутился, вдруг подумав, что в это самое время у Арнольда может быть какая-то серьезная встреча на высоком уровне, а он тут пришел с каким-то мелкими вопросами.

– Именно сегодня Арнольд Алхасович занят, как никогда, – сердито сказала секретарша.

Едва она успела произнести эти слова, как дверь кабинета распахнулась, и оттуда выглянул Арнольд.

– Светлана, заказывай машину на два часа, – сказал он секретарше, – я быстро отойду на обед. О, какие люди! Рад тебя видеть, друг мой, – воскликнул Арнольд, заметив стоящего в приемной племянника, – как ты там, передал дела коллегам? Уже устраиваешься на новом месте?

– Да, я вот как раз к вам шел, хотел кое-что обсудить. Но если вы уходите, я зайду в другой раз.

– Пойдем со мной, пообедаем вместе, – глава холдинга улыбнулся и, взяв художника под локоть, решительно повел его по коридору, – ты пальто оставил в гардеробе или в кабинете? – спросил Абаджваклия, пропуская племянника вперед в зеркальные двери стеклянного лифта.

– В гардеробе, – ответил Щукин, искоса поглядывая на дядю. Присущая нефтянику манера держать себя привлекала и манила Емельяна. В этом человеке было что-то и притягательное, и отталкивающее одновременно. «Держу пари, женщины от него без ума не только из-за денег», – подумал Емеля. Этот худощавый уроженец Кавказа, действительно, обладал какой-то просто гипнотической харизмой.

– Отлично, едем в гардероб, – отозвался Арнольд с присущей ему одному интонацией самодовольства и уверенности, и лифт стремительно помчал пассажиров на минус первый этаж.

– А я думал, мы в столовую.

– Да ну ее. Паровые котлетки, одни и те же рожки. К тому же там нет шаурмы!

Щукин улыбнулся, ну и шуточки у дяди. Казалось бы, никто из солидных и уважающих себя работников холдинга не станет есть на обед это сомнительное блюдо. Художник подумал, что они пойдут в одно из кафе, коих в центре было великое множество. Однако Арнольд, укутавшись в песочного цвета пальто, повел племянника к вестибюлю метро Турская, рядом с которым, действительно, располагалась палатка с шаурмой. На вертел были нанизаны огромные жирные куски мяса, и олигарх, прищурившись, стал изучать меню, висящее на стекле ларька.

– Емельян, какую будешь? Возьми с бараниной, это самая вкусная. Чего так смотришь? Не ешь такое что ли?

– Ем иногда. Неожиданно просто. А вы что же, правда, будете шаурму?

– Конечно. Моя бабушка готовила шаурму с кроликом. Скажешь, отклонение от рецепта? Но было божественно.

С двумя рулетиками из лаваша, начиненными мясом, и с пластиковыми стаканчиками черного чая дядя и племянник устроились у высокого круглого столика, стоявшего под козырьком палатки.

– Даже как-то не верится. Это так круто, – усмехнулся художник, – ведь одно дело – пить чай с олигархом в его рабочем кабинете, и совсем другое – вот так вот в дружеской непринужденной обстановке обедать в уличном кафе.

Абаджваклия потрепал Емелю за локоть и поглядел на него со снисходительной улыбкой. Арнольд за эти месяцы уже успел привязаться к своему племяннику, и даже жалел, что идея познакомиться не пришла ему в голову раньше. Он понимал, что молодой человек не такой талантливый и умный, как он сам, да и как многие люди в «Нефтьпроме», которые его окружали, однако детская непосредственность молодого художника очень умиляла нефтяника. И сейчас ему было очень приятно принимать участие в судьбе племянника, взять птенца под свое крыло. Он ощущал свою власть, как если бы судьба молодого человека полностью была в его руках.

– Друг мой, мне тоже очень приятно повидаться с тобой в обеденный перерыв. Он у меня вообще не часто бывает, знаешь ли. Просто сегодняшние события немного сбили мой график... Ну да ладно. Готов выслушать мое задание?

– Да, разумеется! – ответил Емельян, не решаясь уточнить у дяди, про какие такие сегодняшние события он говорит. Впрочем, художнику было очевидно, что у главы холдинга семь пятниц на неделе. Удивляться было нечему.

– Мне не терпится приступить к выполнению задания! – Емеля вытащил из кармана пальто блокнот и принялся заносить туда пометки, слушая дядю.

Арнольд сообщил, что в январе холдинг будет принимать участие в международном нефтяном форуме, и к этому мероприятию необходимо подготовить красочные буклеты.

– Емельян, ты знаешь английский?

– Ну, честно говоря, только на тройку, – замялся молодой человек.

– Молодец. Я вот вообще не знаю, нихт ферштейн, – усмехнулся Арнольд и продолжил рассказывать про форум.

Из объяснений Шукин понял, что подобные нефтяные съезды проходят каждый год, и есть смысл ознакомиться с теми буклетами, которые печатали в прошлом и позапрошлом году. Это значительно упрощало задачу, Емельян не сомневался, что он справится с заданием, и дядя останется доволен.

Ровно через неделю Емельян Шукин, надев свой лучший костюм и взяв папку, в которой лежали свеженькие только что отпечатанные цветные буклеты, направился на встречу с Арнольдом. Художник подготовил несколько вариантов, все они были выполнены в одной стилистике, которую Емеля почерпнул из корпоративного стиля холдинга. Несмотря на то, что руководитель отдела верстки и дизайна одобрил его работу, Емеля волновался, зная капризный нрав Арнольда.

Лаконичный стиль оформления был обусловлен отнюдь не скудностью воображения художника, а его профессионализмом. Емеля прекрасно понимал, что заказчик, мало смыслящий в искусстве, с большей долей вероятности оценит привычные ему стандартные решения, чем что-то новаторское. Абаджваклия не создавал впечатление знатока сферы изящных искусств, однако, как узнал Емельян, все предыдущие буклеты, увидевшие свет, были утверждены именно им. Поэтому молодой человек оформил буклет в уже знакомом Арнольду стиле и надеялся, что дядя оценит его работу и останется им доволен.

Емеля однако же волновался, поскольку предугадать реакцию Арнольда не представлялось возможным. В последнее время художник узнал о своем дяде много нового и далеко не всегда хорошего. Он читал в Интернете, как этот глубоко верующий христианин обращался со своими бывшими женами. Одну из них, как писали СМИ, он избил до полусмерти из-за измены. Емелю как-то передергивало от мысли, что эта рука, которая уже несколько раз брала его дружелюбно за локоть, могла бить женщину. Молодой человек не мог даже помыслить о каком-либо насилии в отношении женщины, он считал это категорически неприемлемым, любой конфликт можно решить мирным путем. Емеля, безусловно, не считал себя вправе судить, кто прав и кто виноват, так как в газетах могли писать заведомую ложь. Но все-таки его коробило от этих статей и слухов про Абаджваклию... И этому человеку он теперь нес на суд свою работу. Емеля надеялся, что у дяди будет сегодня хорошее настроение и что это благотворно скажется на исходе их разговора. Во всяком случае, самому художнику его работа очень нравилась, ведь он вложил столько души и энергии в эти листовки.

Прежде чем художник продемонстрировал Арнольду свою работу, Абаджваклия попросил секретаршу принести две чашки чая и сладости. Шукин заметил, что Арнольд всякий раз знаменует визит племянника чаепитием. Емеля пытался оценить, хорошее ли у дяди настроение. Однако по главе «Нефтьпрома» было совершенно невозможно понять, что он чувствует. Емеля, например, узнал, что в тот самый день, когда они с дядей ходили есть шаурму, на подшефном холдингу нефтяном месторождении в Имске работники устроили забастовку. Вот про какие «сегодняшние события» обмолвился за обедом нефтяник.

Шукин узнал об этом вечером, когда Ксюша ему показала заметку в Интернете. Однако днем Арнольд вел себя спокойно и холодно, будто бы его совершенно ничто в этой жизни не волновало. А вместе с тем буквально через пятнадцать минут после того, как он расстался с Емельяном, Арнольд полетел в Имск на переговоры с бастующими, исход которых должен был его сильно волновать. «Если бы я был директором предприятия, сотрудники которого объявили забастовку, я бы просто ударился в панику! И ни с каким бы племянником не пошел бы обсуждать буклеты», – думал художник. Емеля припомнил ток-шоу, где как-то выступала одна из бывших жен Арнольда, которая тоже утверждала, что это самый черствый и жесткий человек, которого она когда-либо знала.

– Показывай, что у тебя получилось, – с полуулыбкой предложил Абаджваклия, отпивая из белой аккуратной кружечки крепкий черный чай.

Емельян разложил на столе буклеты и с волнением стал присматриваться к реакции Арнольда.

– Слушай, а ничего так, – Арнольд отставил чашку и взял в руки одну листовку, – мне нравится.

Художник почувствовал, как сковывавшая его тревога отступает. Он робко смотрел на собеседника: на лице Абаджваклии появилась ухмылка, тонкие пальцы листали буклет.

– Емельян, слушай, какого хрена ты пошел в юристы?

– Ээ... В каком смысле?

– В прямом! Ты что, сам что ли не видел, что правовая сфера – не твое?

Щукин растерянно захлопал глазами, но что он мог ответить. Да, он увидел, что не годится для этой работы, но далеко не сразу.

– Осел ты, а не юрист, – не отрываясь от изучения буклета строго сказал олигарх.

Емеля опустил глаза. Да, Арнольд за словом в карман не лез, было немного обидно слышать в свой адрес такой отклик. Молодой человек все эти месяцы так старался, из кожи вон лез, ночей не спал, виноват ли он, что неверно оценил свои возможности? Ведь, действительно, он делал все, что мог.

– Не говорите так, – слегка обиженно отозвался Емельян.

– На правду не обижаются, – ответил Арнольд, – все, будешь дизайнером работать, значит, переводим тебя. Рад?

– Очень рад, – пробормотал Щукин.

– Давай отметим что ли твой перевод на новую должность. Занят сегодня вечером?

– Я? Нет, я не занят, – осторожно ответил Емеля, для которого было совершенно неожиданно услышать от олигарха такое неформальное, можно даже сказать, приятельское предложение.

– Ну, вот и славно, посидим немного в баре, надо иногда и отдыхать, неделя была адская.

Когда Емеля вышел в коридор, голова у него шла кругом. С одной стороны, все было прекрасно, Абаджваклия давал ему второй шанс, с другой стороны, сейчас он не имел права подвести, не имел права на ошибку.

* * *

Вечером олигарх усадил художника в свой автомобиль и повез куда-то. «Мы как, просто в бар, или по бабам?»

– Просто в бар, конечно, – отозвался с улыбкой Щукин, сводя вопрос дяди в шутку и надеясь, что это она и была. «Интересно, он меня проверял или правда не прочь развлечься с девушками легкого поведения? Впрочем, исходя из того, что про него пишут, может быть и правда не прочь», – думал Емельян, задумчиво глядя на улицу через тонированное окно автомобиля.

Они приехали в фешенебельный бар, располагавшийся на берегу Москвы-реки, уселись за уютным столиком на диване, и Арнольд заказал для начала по рюмке рома. В качестве закуски им тут же предложили кукурузные чипсы.

– А из серьезного давайте шашлык. По-моему, я пробовал у вас с перцем и грибами. Давайте две порции, – сразу дополнил заказ Арнольд.

Когда был озвучен тост «За чудесный вечер», рюмки опустели, а на их месте появились новые, Арнольд спросил, читал ли племянник о нем что-нибудь в Интернете.

– Читал немного, – нехотя ответил Емельян.

– Что, например? – настаивал Арнольд.

– Я читал, что в Имске бастуют ваши работники, – отозвался Щукин. Несомненно, Арнольд вряд ли был рад этой бурной активности своих подчиненных, но ситуация нынче была на слуху, и было бы как-то глупо делать вид, будто бы Емельян не в курсе. В конце концов, об этом говорили в новостях, писали в прессе. Это была объективная реальность.

– Ага, есть такое, – нехотя кивнул глава холдинга, – и как ты к этой ситуации относишься? Твой дядя плохой? Или это работники зажрались?

Емельян усмехнулся и посмотрел на Арнольда. Если бы нефтяник просто спросил, как Емельян относится к ситуации, Щукин может быть и решился бы аккуратно встать на сторону пролетариата. Но в вопросе Арнольда уже был заложен ответ, который он хотел услышать от племянника.

– Арнольд, скажу честно, я не вникал в подробности, поэтому мне довольно сложно судить, кто тут прав, а кто нет... А почему, собственно, работники бастуют? Я не могу поверить, что вы задерживаете своим сотрудникам зарплату, – ощутив, что Арнольд хотел бы поговорить на эту тему, сказал Емеля.

– Ха, да ты смотришь в корень, дорогой мой. В том-то все и дело, что зарплату они получают в срок, более того, она ежегодно индексируется. Только вот и хотелки у людей растут не по дням, а по часам. Теперь они требуют повысить зарплату.

– Я думаю, надо немного повысить зарплату, – предложил аккуратно Емельян, симпатизируя имским рабочим.

– А я так не думаю, – отрезал нефтяник, – бастующие приводят в пример своих зарубежных коллег, которые, якобы, получают в десять раз больше. Я не понимаю, в чем проблема! У нас что, граница что ли на замке? Не нравится работать у меня – не надо. Я никого не держу, да и не имею права держать – у нас свобода труда! Не нравится в «Нефтьпроме» – да ради бога! Пусть едут за рубеж, пусть устраиваются там в нефтяные компании и получают в десять раз больше. Можно подумать, им кто-то запрещает!

– Но, Арнольд, мне кажется, это не так просто – устроиться в зарубежную нефтяную компанию.

– Емельян, какой ты наивный! Конечно, непросто. Поэтому вместо того, чтобы с завистью поглядывать на соседей, лучше бы молча работали на своего благодетеля! В Имске больше работать негде, единственный работодатель – это я, это мой холдинг! Но волка сколько ни корми, он все в лес смотрит!

– Но может быть у ваших имских сотрудников слишком низкие зарплаты? Иначе почему бы они бастовали?

– Так, Емельян, все, хватит, меня уже тошнит от этих разговоров, а мне еще минимум месяц переговоры с этими смутьянами вести! Нормальные у них зарплаты, только людям всегда мало. Давай поговорим на другую тему! Неужели ты ничего более интересного про меня в Интернете не читал? Про жен что-нибудь попадалось? – спросил он с лукавой и дерзкой улыбкой.

– Про жен – это любимая тема журналистов. Об этом много пишут... – художник замаялся, – уверен, это все неправда, – поспешно добавил он.

– И что же там такого пишут? Про жен, – не унимался Арнольд, явно желая направить разговор именно в это русло.

Емельяну запомнилась та из бывших супруг олигарха, которую он якобы избил за измену, но было ли уместным сейчас рассказывать о том, как в ток-шоу она поливала грязью Арнольда и рассказывала о его жестокости и бесчеловечности. Официант принес шашлык и еще порюмке рома. Абаджваклия рассказал племяннику о нескольких международных мероприятиях, в которых в следующем году будет участвовать холдинг, намекая на то, что Щукину нужно будет постараться, и что уже сделанная им листовка – это только начало.

Но через некоторое время Арнольд снова вернулся мыслями к своей персоне и снова свел разговор к своему образу в СМИ. Художник понял, что этот эгоист от него не отстанет, пока не услышит из уст племянника пересказ какой-нибудь статьи, повествующей о скандальном олигархе и его женах.

– Я читал, что одну из ваших жен убили... – сказал Емельян, и тут же пожалел об этом, потому что лицо Арнольда помрачнело и сделалось пугающим.

– Смотри-ка, даже об этом пишут. А что еще ты знаешь о ней?

– Я специально ничего не искал... Это просто случайно попало.

– Это был 99-й год, Емельян... Сколько тебе тогда было?

– Десять.

– А мне – двадцать восемь, и я уже был состоятельным человеком. Но что такое деньги, друг мой? Зачем они нужны, когда ты не знаешь, зачем живешь?

Щукин пожал плечами. Он, несомненно, мог бы согласиться с тем, что деньги не главное в жизни, и есть вещи, которые на деньги не купишь, но с другой стороны, финансы могут решить большое количество проблем и сделать жизнь существенно комфортнее и приятнее. Арнольд, который к моменту этого разговора уже изрядно запьянел, продолжал, одной рукой приобнимая племянника за плечи, а во второй держа очередную рюмку.

– Казалось бы, мне, владельцу холдинга, грех жаловаться на жизнь, с моим достатком можно купить абсолютно все, Емельян: не то что яхту, а целый космический корабль, если не орбитальную станцию! Что, скажешь, не в деньгах счастье? Ну да, не в деньгах, а в их количестве, – Арнольд рассмеялся этой заезженной шутке, но было очевидно, что ему совсем не весело.

Емельян тоже погружался в опьяняющий дурман бара, новая рюмка сделала его мягким и податливым, он уже без прежнего страха и волнения смотрел на дядю, образ которого был особенно притягательным и таинственным в сумраке бара.

И тогда Арнольд принялся рассказывать о своей жизни. Но говорил он не о деньгах, не о том, как пришел к своему нынешнему положению. Арнольд рассказывал о своей личной жизни. Не о том, как он заработал свой первый миллион, а затем первый миллиард. Нет, было похоже, что в эту минуту деньги его в самом деле не так уж сильно заботили. Его мысли были заняты совсем другим.

– Я расскажу тебе о ней, Емельян. О моей первой жене.

Утопая в алкогольном тумане, Емеля узнал такие подробности, которые было не разыскать на просторах всемирной паутины.

Арнольд познакомился с Акелой еще будучи школьником. Новая ученица пришла в девятый класс сухумской общеобразовательной школы, где учился Абаджваклия. Между ними разгорелся страстный роман, но Арнольд понял, что это настоящая любовь, лишь после того, как его забрали в армию. Арнольд намеревался жениться на своей первой любви, как только вернется на побывку. Но так случилось, что они потеряли друг друга, жизнь развела их дороги в разные стороны. Семья Акелы переехала в Москву, и Арнольд, вернувшись со службы, почувствовал себя очень несчастным...

– Но я же тогда еще не знал, что такое Москва, Емельян. Я решил положиться на судьбу, веря, что она приведет меня к любимой. Если мы созданы друг для друга, значит, мы непременно встретимся, живя в одном городе. Впрочем, не буду лукавить, были и еще причины, которые заставили меня переехать. Сам знаешь, что у нас началось в 92-м году... Предчувствуя бурю, я уехал из Сухума при первой возможности. Оказавшись в Москве, я понял, что вряд ли когда-то смогу встретить Акелу в этом мегаполисе.

Но чудеса иногда случаются, и спустя несколько лет, уже будучи состоятельным человеком, Арнольд, идя по московской улице, встретил женщину с коляской. Это была она, его Акела, которая уже успела выскочить замуж, родить ребенка и развестись. Но все это потеряло

смысл, они снова обрели друг друга, понимая, что это и есть та самая настоящая любовь, о которой пишут в книгах. Арнольду было совершенно безразлично, что у Акелы на руках был ребенок от другого мужчины. Все эти годы он любил ее одну, и ее ребенок сразу стал для него родным и любимым.

– Но справедливость, как бумеранг, возвращает все на свои места... – с горестью произнес Арнольд и затянулся сигаретой.

– Какой бумеранг? Справедливость? Кажется, я потерял нить вашего рассказа... – пробормотал Емельян, не уловивший ход мысли собеседника и с удивлением отметивший, что в этом баре можно курить.

– Да, дорогой мой. Ты многого обо мне не знаешь. Что ж, введу тебя в курс дела. Посуди сам, для того, чтобы реанимировать холдинг, нужны были большие деньги. Очень большие деньги, Емельян. А я был твоим ровесником тогда, в 96-м году. Разве мог я заработать миллионы в двадцать пять лет? Конечно, нет... То есть честным способом не мог. Но я выкупил акции, я возродил «Нефтыпром»... Только деньги, которые я вложил в дело, не были заработаны честно. В уголовном кодексе, безусловно, остались еще статьи, описывающие преступления, которые я не совершал. А вот заповеди, Емельян, их всего десять, и я согрешил против каждой.

Щукин невольно отпрянул и устремил на дядю полный удивления взгляд. Он не мог навскидку вспомнить все десять заповедей, но не намекал ли Арнольд на убийство.

Арнольд, грустно усмехнувшись невинному удивлению племянника, продолжал свой рассказ.

Около двух лет они жили с Акелой и были абсолютно счастливы. У них было все – деньги, любовь, власть. К этому моменту Арнольд уже оставил в прошлом криминал, аккуратно уничтожил все улики, которые могли бы выдать его преступления. Он стал с виду порядочным человеком, возглавлял успешно развивающийся холдинг, а те, кто прежде стояли у него на пути, сейчас лежали в земле. Порой в бизнесе работает закон джунглей: убей, или будешь убит. Арнольд действовал на опережение и остался жив. Но он и не знал, что у него еще оставались враги, столь же опасные как он сам, готовые пойти на все, лишь бы совершить свою месть.

– Об этом происшествии говорили в новостях, может быть, Емельян, ты даже видел этот репортаж: тринадцатого апреля 1999 года в центре Москвы произошло покушение на бизнесмена Абаджваклию, – печально глядя мимо племянника произнес Арнольд. Слушая олигарха, Емельян во всех красках представлял себе эту трагическую сцену. Стрелявший попал в супругу бизнесмена, которая вскоре скончалась от пулевого ранения. Арнольд остался цел и невредим, Акела как щит заслонила его от неминуемой смерти. Она была беременна. Ей не суждено было больше стать матерью, она погибла от пули, предназначавшейся ее мужу.

– Мне, – Арнольд залпом опрокинул в себя очередную порцию алкоголя и снова поднес к губам сигарету. Емельяну показалось, что пальцы дяди дрожат. А может быть, это у него все расплывалось перед глазами.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Арнольд несколько раз был женат, постоянно заводил романы, все время изменял своим супругам и со скандалами разводился. Немногие из тех, кто знал его близко, понимали, что он так и не смог оправиться от потери Акелы. Рана в его сердце не заживала, он любил только одну Акелу, он и сейчас любил только ее одну. И всех других женщин он люто ненавидел за то, что ни одна не может заменить ему ту единственную, которую он так и не мог ни забыть, ни разлюбить, вот уже на протяжении пятнадцать лет. Он так и не смирился с тем, что ее больше нет.

На элитном кладбище в центре Москвы установлен головокружительный монумент по стоимости, пожалуй, не уступающий квартире. Эту скульптурную группу из ангелов и скорбящих фигур Арнольд установил на ее могиле, он часто приезжал сюда, чтобы поговорить со своей единственной любовью.

После смерти Акелы у Арнольда остался ее сын от первого мужа, Дамей. Этого ребенка Абаджваклия боготворил. Судьба отняла у него любимую, но у него осталось воспоминание о ней в виде чудесного мальчика. Дамей остался сиротой в четыре года, но Арнольд даже не думал о том, чтобы поручить кому-то другому воспитание малыша. Арнольд хотел каждый день видеть его, и в его глазах угадывать ее глаза, в его улыбке читать отголосок ее улыбки. Примерно через полгода после смерти Акелы, когда Абаджваклия, наконец, немного пришел в себя, он признал, что мальчику нужна мама, было неправильно, что ребенок дни напролет проводил в обществе нанятых гувернанток. Сам Арнольд, само собой, не мог уделять ребенку достаточно времени, ведь его работа, его детище, холдинг «Нефтьпром», требовала к себе внимания двадцать четыре часа в сутки, а о том, чтобы отправить Дамея учиться в заграничную школу, не могло быть и речи. «Ребенку, да и мне самому, нужна забота», – рассуждал Арнольд и, недолго думая, сделал предложение сестре Акелы, которую он знал уже давно, но на которую прежде и не смотрел как на женщину.

Этот брак, пожалуй, был самым спокойным и ровным в жизни Арнольда. Не было скандалов и истерик, но не было и любви. Через год совместной жизни супруги сошлись на том, что им лучше развестись. «Да, Арнольд, Дамею нужна мама, но и тебе нужна жена, которую ты будешь любить. Мы должны расстаться», – сказала она, и Арнольд согласился. В глубине души он продолжал любить только Акелу, он все еще испытывал неосязаемую, но сковывающую его духовную связь с ней. Но он хотел разорвать эту привязанность, потому что, увы, при всех его деньгах он не мог вернуть Акелу, и нужно было как-то жить дальше.

Стараясь забыться, Абаджваклия с головой погружался в работу. Вечерами в свободное время он напивался, принимал участие в самых диких пьяных оргиях, спал с кем попало. Он пытался заглушить боль, унять муки, в которых корчилась его душа, он бежал от самого себя. В то же самое время он обратился к религии, стараясь найти утешение для своей исстрадавшейся души в молитве. Здесь он пытался найти ответы на мучившие его вопросы: как жить дальше, когда утрачен смысл существования? Почему произошло то, что произошло? Почему мы не выбираем свою судьбу, кто ее заранее преопределил?

– Может быть, если бы меня спросили, я бы предпочел отдать все свои деньги, но быть с Акелой...

Он пытался найти ответы в священном писании, проводя часы за чтением.

Однажды на вечеринке Арнольд встретил Маргариту, роскошную фотомоделю, юную, цветущую, свежую. Абаджваклия и сам был еще молод, ему было немного за тридцать, в его волосах виднелась проседь, а его задумчивый печальный взгляд был способен сводить девушек с ума. Арнольду показалось, что в этой Маргарите есть что-то особенное, что-то, что отличает ее от других. Может быть, она чем-то внешне напомнила ему Акелу, а может быть, она просто была невероятно хороша собой. Абаджваклия очень хотелось верить, что он может снова стать счастливым, а поможет ему в этом милая, трогательная, хрупкая Маргарита.

Об их роскошной свадьбе писали в газетах и снимали телерепортажи. А все потому, что не каждый жених мог позволить себе такие пышные торжества, которые устроил глава «Нефтьпрома». Тут было, о чем снимать репортажи и писать статьи. И именно благодаря этому грандиозному бракосочетанию общественность узнала фамилию олигарха – до этого его знали лишь в определенных кругах, теперь он стал известен повсеместно.

Не менее ярким был развод этой пары. Разводились они со скандалом, с помпой, с дележкой имущества и ссорами по поводу судьбы родившейся в браке дочери. Красавица Маргарита посещала многочисленные ток-шоу, на которых, обливаясь слезами, рассказывала о зверствах сумасшедшего мужа. «Он бил меня! Запирал в чулане! Насильник! Я еле вырвалась из его плена! Это самый настоящий маньяк, шизофреник!» – рыдала Марго, картинно заламывая ручки.

Арнольд воздерживался от любых комментариев, однако, чувствуя, что общественное мнение наносит непоправимый ущерб его имиджу, сослался на измену, которая, по его словам, и стала причиной развода. «Я, поддавшись ее уговорам, покупаю очаровательную виллу в итальянских Альпах, куда она почти каждый месяц ездит с дочерью отдохнуть на природе. И совершенно случайно узнаю, что на этой вилле она уже который год проводит время с каким-то итальянским модельером! Представьте себя на моем месте. Да, не отрицаю, шлюха получила пощечину, и вполне заслуженно. Но в чулане ее никто не запирает». Нельзя сказать, что данное заявление подняло рейтинг Арнольда в глазах общественности.

При разводе адвокатам Арнольда удалось ловко повернуть раздел имущества супругов, альпийский домик достался самому Абаджваклии. Но это был не самый болезненный удар для Маргариты. Фотомодель планировала уехать с дочерью в Италию к своему любовнику. Но олигарх, прекрасно это понимая, запретил вывозить ребенка за пределы страны. Дочери на тот момент было около пяти лет. Впрочем, Маргарита была счастлива уже тем, что Арнольд не отнял у нее ребенка. Маргарита очень боялась Арнольда, ведь многое из того, о чем она со слезами рассказывала на ток-шоу, было правдой: временами Абаджваклия становился совершенно неадекватным.

Когда страсти поутихли, Маргарита попыталась уговорить Арнольда разрешить их дочери выезд из страны. «Ты же с ней все равно не общаешься!» – слезно умоляла она. «Тебе плевать на нее так же, как и на меня! Не мучай нас, дай нам возможность уехать!». Арнольд ответил, что ему и в самом деле плевать на них, поэтому он и бровью не поведет, чтобы хоть как-то изменить сложившуюся ситуацию.

– Арнольд, прошу тебя, будь человеком! Ладно я, я была дурой, что согласилась пойти за тебя замуж. Но ребенок, Арнольд, наша девочка ни в чем не виновата, не заставляй ее страдать, я прошу тебя.

– Вы получаете от меня нехилые алименты. С такими деньгами ребенок и в России может быть очень даже счастлив.

– Ребенку нужен отец... За границей я выйду замуж... Я люблю этого человека, отпусти нас.

– Ага, и еще скажи, что поселишься со своим новым мужем в моем альпийском домике! Пошла вон, шалава!

Через полгода, пребывая в приподнятом расположении духа, Арнольд позвал Марго с дочкой к себе. Усадив малышку к себе на колени, он погладил ее пушистые волосы.

– Помнишь меня? Последний раз мы виделись, наверное, год назад.

– Ты мой папа, – сказала крошка.

– Правильно. Ты хочешь уехать? Тебе не нравится в Москве?

– Не знаю.

– Тебе хочется в Италию?

– Да! – девочка хлопнула в маленькие ладошки перед самым носом Арнольда, – мы в Италии ездили на виноградники. Там так здорово!

Марго, следившая за всей этой сценой из другого конца комнаты, вся напряглась, потому что виноградники, упомянутые дочкой, принадлежали ее возлюбленному. Но Арнольд не гневался, он еще раз погладил малышку по волосам, поцеловал ее в лоб и отпустил обеих в Италию, больше не интересуясь судьбой бывшей жены и дочки, которую с тех пор растил итальянский модельер, владелец виноградников.

Следующей на крючок обаяния Арнольда попала Марианна, режиссер театра. Она была наслышана про Абаджваклию, его имя долгое время не сходило с первых полос газет в связи с громким бракоразводным процессом. Но как красиво Арнольд умел ухаживать! Как он был хорош! Может быть, его нельзя назвать красавцем, но его харизма, его энергия, его интеллект

восхищали женщин и вызывали зависть у мужчин. И нельзя забывать о том, что он был богат, баснословно богат.

Этот брак подарил Арнольду несколько счастливых лет, проведенных в коттедже на Рублевке, у них с Марианной родился сын. Однако в какой-то момент тщательно выстаиваемый фундамент семейного счастья снова начал рушиться. Когда встал вопрос о разделе имущества, а встал он весьма остро, Марианна потребовала себе коттедж, в котором они жили.

– Забирай свой замок во Франции, а нам с сыном оставь только этот коттедж.

И вновь адвокаты Арнольда не дали маху, и единственным, что досталось Марианне, оказалась половина Рублевского коттеджа. Марианна рассчитывала, что Арнольд продаст коттедж и половину вырученных денег отдаст ей. Но такой дорогой дом нельзя продать в одиночку, поэтому какое-то время после развода Марианна с сыном продолжала жить в коттедже. В один прекрасный день в доме появились строители, которые начали выкладывать кирпичную стену внутри дома, которая должна была разделить дом на две равные половины. Марианна, естественно, знала, что у ее бывшего мужа очень своеобразное чувство юмора, но это было уже не смешно. Она звонила Арнольду, она умоляла его не делать глупостей. Абаджваклия приехал тем же вечером и под стук строительных молотков заявил Марианне: «Не ты ли сама просила меня оставить тебе коттедж? Суд присудил тебе только половину. Будь я бессердечным и подлым, я бы продал этот дом, который так дорог тебе, и глазом бы не моргнул. Но я же знаю, как для тебя дорог этот дом, поэтому я считаю, что поступлю правильно, если просто разделю его пополам, и ты останешься жить здесь, где тебе так нравится!»

Коттедж с возведенной капитальной стеной посередине дома упал в цене, продать его теперь за хорошую сумму было невозможно. К тому же Арнольд заявил, что не собирается продавать свою половину.

Если бы дом находился, например, у проезжего шоссе, то полдома Марианны, теоретически, могли бы выкупить под магазины. Но это был элитный участок в отдалении от трассы, да и дом был очень дорогим. Любой, кто имел финансовую возможность приобрести недвижимость за столь высокую цену, купил бы отдельный дом вместо половины. Естественно, что не нашлось ни одного желающего приобрести половину дома за ту цену, которую запрашивала Марианна. Тем более все знали, кто владеет второй половиной дома, и это обстоятельство отпугивало покупателей. Стена разделила дом таким образом, что на половине Марианны не осталось ни санузла, ни лестницы на второй этаж. Марианна осталась фактически ни с чем, она уехала из проклятого коттеджа вместе с сыном, благодаря богу, что Арнольд хотя бы платит алименты.

После Марианны была и еще одна жена, но и с ней у Арнольда не сложилось. Емельян понял со слов дяди, что этот союз был совсем недолгим, по крайней мере, Абаджваклия даже не удосужился ни разу назвать пятую жену по имени. В этом браке детей не было, зато нервы пятая супруга олигарху потрепала основательно. Но и сама, безусловно, вряд ли поминает Абаджваклию добрым словом. После развода ей перепало не больше, чем Марианне или Маргарите.

– Так что, милые дамы, подумайте хорошенько, прежде чем выходить замуж за олигарха, – резюмировал Арнольд, было уже за полночь. Щукин не знал, что думать, он был пьян, истории, рассказанные дядей, казались фантастичными. Почему Арнольд доверил ему все эти личные, интимные подробности своей биографии? «Хотел выговориться кому попало или действительно доверяет мне?» – спрашивал себя Емельян. «Неужели все то, что он рассказал, правда? Какой необычный человек, как он играет людьми... Ведь он и мою судьбу может так же сломать забавы ради... Но как он несчастен, страдает, сам тяготится жизнью... Да разве такое возможно при его-то деньгах, влиянии, уме?» – у Емельяна в голове не укладывались все эти вещи. Казалось, Арнольд нарочно стремился сделать окружающим больно только потому, что страдал сам.

Арнольд расплатился с официантом и, пошатываясь, направился к выходу из бара, придерживаясь за Емельяна, который выпил намного меньше, и походка которого была немного увереннее. У выхода из бара их уже ждал автомобиль с шофером. Абаджваклия уселся на заднее сидение рядом с племянником и обнял его за плечи. «Если бы ты знал, какой ты счастливый, – вздохнул олигарх, потрепав засыпающего Щукина по плечу, – у тебя есть любимая женщина, заботливая, ласковая. Ты сейчас приедешь к себе, и она бережно укроет тебя одеялом, обнимет, поцелует... А, я, видимо, этого не заслужил...»

Олигарх подвез племянника к его подъезду, а сам уехал к себе домой. Емельян был сам не свой. Войдя в квартиру, он обнял Ксению, которая уже давно спала, но только сейчас проснулась, чтобы встретить его. Она тревожно вглядывалась в лицо мужа, пытаясь понять, как прошла эта необычная тусовка в баре с Арнольдом. Емельян обнял ее, – слушай, он такого нарассказывал, я даже не знаю, что и думать.

За окном накрапывал мелкий дождик, пели птицы, и начинался новый день.

Арнольд за последний месяц несколько раз летал в Имск на переговоры с проводящими забастовку работниками. Нефтяник дал понять имским сотрудникам, что повышать зарплату он не намерен. Абаджваклия проконсультировался с юристами и теперь говорил бастующим, что они сами, фактически, попали в ловушку. Предусмотренная законом процедура проведения забастовки была соблюдена не в полной мере, а значит, действия сотрудников будут расценены судом как неявка на работу без уважительной причины, то есть прогул, а за прогул может следовать дисциплинарное взыскание в виде увольнения. «Сейчас у вас есть надежная работа со стабильной заработной платой. Есть уверенность в завтрашнем дне. А если мы с вами не решим возникший конфликт полюбовно, то вы потеряете работу. Поэтому давайте забудем все обиды, которые были между нами, и как ни в чем не бывало, вернемся к работе на имеющихся условиях», – заявил глава холдинга имским подчиненным.

Вадим Снегирев, разумеется, тоже был в курсе волнений на имском нефтяном месторождении. Снегирев, как и Емельян, симпатизировал в этом споре пролетариату. Депутат позвал Арнольда на свой день рождения, который приходился на самый конец ноября, где попытался обсудить с нефтяником возникшую ситуацию.

– Арнольд, конечно, это не мое дело, но будь я на твоём месте, я бы немного повысил зарплату подчиненным, – осторожно завел разговор Снегирев, – никто не говорит, что нужно одномоментно проиндексировать заработную плату на тысячу процентов! Но повысить ее хотя бы в полтора-два раза... Все-таки, посуди сам, работники нефтедобывающих предприятий трудятся в тяжелых условиях. Восьмичасовая смена бурильщика – это не то же самое, что восемь часов сидеть в офисе!

Арнольд закатил глаза и нетерпеливо прикурил. Было видно, что разговоры об Имске выводят его из себя.

– В полтора-два раза? Да ты с ума сошел что ли? Снегирев, меня уже тошнит от этого Имска, будь он неладен! Теперь и ты туда же! Лучше скажи, Вадим, ты хотя бы раз в жизни видел буровую установку? Не видел. Вот и пожалуйста, не рассуждай о тех вещах, о которых не имеешь ни малейшего представления. Когда возглавишь нефтяной холдинг, тогда я, может быть, послушаю твой совет. А пока что давай оставим этот вопрос.

– Арнольд... Даже меня, стороннего наблюдателя, очень беспокоит вся эта ситуация, – осторожно продолжал Снегирев.

– А меня, думаешь, не беспокоит что ли? – сердито воскликнул нефтяник, – у меня тут уже на нервной почве чуть приступ панкреатита не приключился. Так что меня сейчас куда больше волнует моя поджелудочная, чем эти имские работники.

В начале декабря имский конфликт был исчерпан, сотрудники несолоно хлебавши вернулись к работе на прежних условиях. Абаджваклия чувствовал себя победителем. Хотя общественность и была возмущена тем, как разрешился этот спор, пиар-менеджерам Арнольда, сле-

дившим за его репутацией в СМИ, очень скоро удалось замять этот вопрос, поток статей про ситуацию в Имске прекратился, и вскоре про несчастных рабочих все забыли.

Декабрь 2014 года

Приближался новый, 2015-й год. Емельян уже два месяца работал в отделе дизайна в «Нефтьпроме», некоторые коллеги продолжали поглядывать на него косо. В его художественной одаренности сомнений не возникало, однако тот факт, что произошедшие карьерные изменения обусловлены родством Емельяна с главой холдинга, вызывал у коллег недовольство. Зато непродолжительное время, что Щукин занимал должность дизайнера, он еще не успел сделать никаких серьезных работ и большую часть времени потратил на ознакомление с проектами будущих мероприятий, к которым нужно было подготовить рекламную продукцию.

В середине декабря олигарх неожиданно вызвал племянника к себе в кабинет. Он спросил молодого дизайнера о его планах на будущий год, уточнил, над какими проектами сотрудники уже начали работу, осведомился об ориентировочных объемах финансирования для реализации намеченного. Видимо, Арнольд пытался понять, оценивает ли племянник масштабы денежных вложений, которые необходимы для успешной рекламной кампании. Во время беседы снова пили чай со сладостями, что уже вошло у них в традицию. На одной из инкрустированных разными породами дерева тумбочек распространяла по кабинету хвойный аромат маленькая живая елочка, украшенная светящейся гирляндой.

– Емеля, какие у тебя планы на новый год? – взяв обеими руками белую фарфоровую кружечку, спросил Абаджваклия.

– Мы будем отмечать дома, и, скорее всего, позовем в гости Ксюшиного отца, – ответил Щукин и пристально поглядел на Арнольда. Емельян подумал, что дядя снова хочет прийти к ним без приглашения. Однако художник не был уверен, что ему этого бы хотелось. Развязка имского конфликта характеризовала Абаджваклию не лучшим образом. Да и после всего, что Арнольд поведал ему в баре, Щукин чувствовал себя как-то неуютно в его компании. А что если дядя сожалеет о том, что раскрыл перед ним душу? С другой стороны, Емельян был польщен оказанным ему доверием и сейчас совсем другими глазами глядел на олигарха. От природы чувствительному и сочувствующему Емеле было больно думать о трагедии, которую пришлось пережить его дяде.

– А не хотите встретить новый год на яхте на Москве-Реке? Скажу честно, я был бы счастлив видеть тебя с супругой в числе гостей на нашем комфортабельном корабле. Это будет довольно спокойное и приятное мероприятие, скажем так, для своих. Без эксцессов. Не хочу, чтобы этот праздник прошел, как прошлый день рождения Вадика.

– А что случилось на дне рождения Вадика? – переспросил Емеля и тут же подумал, что этот Вадик, скорее всего, тоже какой-нибудь до невозможности солидный господин, и, наверное, вопрос прозвучал слишком фамильярно.

– Да мы упились все вусмерть, а дело было в тире, так я чуть не прострелил Снегирева.

Емельян удивленно смотрел на собеседника, ну и развлечения у богатых.

Но приглашение, прозвучавшее из уст магната, казалось совершенно невероятным. Может быть, дядя шутит. Однако сама идея отметить новый год в компании Абаджваклии показалась очень привлекательной.

– Соглашайся, дорогой мой! Заодно мой день рождения отметим, ты же знаешь, я родился первого января, – добавил Арнольд, подмигнув, – не откажи, друг мой! Никакой стрельбы в этот раз, все будет прилично. Ну как, согласен?

Емельян нерешительно кивнул: «я очень тронут, спасибо большое за приглашение».

– Отлично, я тогда тридцать первого в шесть вечера за вами машину пришлю. Стиль одежды свободный: можно во фраке, а можно в футболке, как хочешь. Снегирев будет в поло,

на него ни один фрак и не налезет! – добродушно рассмеялся Арнольд. Было видно, что мысль об этом Снегиреве вызвала у него искреннюю улыбку.

– А ты не знаком еще с Вадимом? Ну, вот и познакомишься. Мой друг хороший, депутат Государственной думы, между прочим. Приходите, Емельян.

– Это большая честь для нас, – смущенно ответил художник, – дорогой дядя, спасибо вам за приглашение. Мы придем!

– Я рад, – улыбнулся Абаджвакля, – мы тридцать первого отплываем, а возвращаемся второго. Так что возьмите с собой все необходимое.

Они еще немного посидели, Арнольд рассказывал, как прошло подобное мероприятие в прошлом году. У Емельяна кружилась голова от фешенебельности и роскоши, которыми так и веяло от Арнольда и всех его затей.

– Ну что, пора возвращаться к работе, – наконец сказал Арнольд, поглядев на часы, а то я тебя отвлекаю, да и мне пора.

* * *

Вечером Емельян с восторгом рассказал жене о том, что Арнольд пригласил их отпраздновать новый год, а заодно и день рождения самого дяди, на яхте. Ксюша была очень удивлена и обрадована, прежде они с мужем никогда не бывали на подобных светских вечеринках, а принять участие в таком мероприятии ей казалось очень привлекательным. Ксения спросила мужа, не знает ли он, кто еще будет в числе гостей.

– Возможно, на этом мероприятии выступят какие-нибудь звезды! Дядя тебе не раскрыл эту интригу, кто еще в числе приглашенных? – расспрашивала Ксюша за ужином.

– Он только обмолвился, что придет его хороший друг, депутат Госдумы, Грачев, что ли, или Воробьев. Больше ни про кого я пока не слышал. Хотя мне тоже очень интересно, наверняка, там будет всякая элита.

– Надо платью приличное купить, а то мне даже надеть нечего, – заключила Ксения и весело чмокнула мужа в щеку.

В кухне работал телевизор, закончился выпуск новостей, после которого началось политическое ток-шоу. Супруги не собирались его смотреть, они и выпуск новостей в общем-то пропустили, потому что разговаривали о своем. Емеля готовил чай, а Ксюша поленилась идти за пультом, чтобы найти более интересную передачу.

– О, я помню этого толстяка, – кивнула Ксюша на телеэкран, – он обычно довольно интересные мысли высказывает. Давай немного посмотрим. Может, подкинет мне идею для статьи на предстоящую конференцию, у нас как раз тема «Актуальные вопросы законодательного процесса».

– Законодательного? Он депутат что ли? – спросил Емеля, наливая чай супруге.

– Депутат, да, но не помню, от какой фракции.

Щукин посмотрел на экран и как раз увидел всплывшую выноску «Депутат ГД РФ Вадим Снегирев».

– Емеля, ты чего, аккуратнее! – Ксюша выхватила из рук мужа чайник, поскольку Щукин начал лить воду мимо кружки.

– Ксюш, это тот самый депутат, который будет на тусовке у дяди!

Супруги решили посмотреть ток-шоу хотя бы до первой рекламы.

Участники передачи обсуждали возможность введения новой льготы при оформлении полисов страхования автогражданской ответственности для некоторых категорий граждан. Кто-то говорил, что надо расширить круг граждан, которым предоставляется льгота. Другие утверждали, что размер льготы должен быть более весомым.

– А какое у вас мнение, Вадим Дмитриевич? Вы известны своими оригинальными суждениями, – приторно усмехаясь, обратился телеведущий к Снегиреву.

– Вы совершенно правы, Владимир, – кивнул с улыбкой депутат, – я категорически против льгот.

В зале послышался смех, смеялся и ведущий передачи, засмеялся и Снегирев.

– Нет, я говорю совершенно серьезно. С моей точки зрения, введение льгот, причем повсеместное, – это лишь полумера. И я легко объясню, почему. Вот мне, например, совершенно не принципиально, заплачу я за полис десять тысяч или двадцать. Потому что ни первая, ни вторая сумма не составляет половины моей зарплаты.

– Как вы неосторожно раскрываете размеры своих доходов, – вставил ведущий, и снова оператор показал лица смеющихся участников ток-шоу, – впрочем, о ваших доходах мы и без ваших слов бы догадались – часы у вас самые что ни на есть элитные, – добавил ведущий.

– Ваши ничуть не дешевле, – с улыбкой кивнул Вадик на слегка засученный рукав ведущего, из-под которого виднелись дорогие часы.

– Я не народный избранник!

– Вы – народный любимец, – парировал Вадик, и зал снова хохочет.

– Когда у гражданина высокий уровень дохода, ему эти льготы не нужны, – продолжал Снегирев, не обращая внимание на подтрунивающего над ним ведущего, – поэтому я выступал и всегда буду выступать не за введение льгот, а за реализацию конституционного принципа, который гласит, что Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека! Я убежден, что первостепенным вопросом является не введение льгот, а повышение уровня жизни! Повышение пенсий, стипендий, повышение зарплаты для граждан, работающих в государственных предприятиях и учреждениях, поддержка предпринимателей.

– *«Что говорит! И говорит, как пишет!»*. Вадим Дмитриевич, вы прямо как Чацкий, – перебил его другой участник передачи, седовласый господин в очках, – только мне вот очень интересно, откуда вы предлагаете брать деньги на реализацию всех этих мероприятий? Из какого источника вы предлагаете финансировать повышение доходов населения?

– Да Снегирев же нам только что признался, что у него собственные доходы очень даже высокие. Вот, из своей зарплаты будет перечислять, – как всегда метко вставил телеведущий, и все вновь заулыбались.

– В каждой шутке только доля шутки, – поспешил пояснить депутат, – вы почти угадали, Владимир. Я уже выдвигал инициативу по введению дифференцированной шкалы налогообложения. Я выступаю за введение налога на сверхдоходы и на сверхприбыль. Я убежден, что вырученные таким образом денежные средства будут способны улучшить уровень жизни россиян!

– Вадим Дмитриевич, сегодня вы говорите о налоге на сверхприбыль, а завтра я не удивлюсь, если услышу у вас про «землю – крестьянам и фабрики – рабочим», – язвительно отозвался седовласый участник передачи.

– Правильно. А власть – советам, – не растерялся Снегирев, вновь вызвав своим заявлением улыбки на лицах участников передачи, – уже и сейчас в бюджете есть деньги для реализации по крайней мере четверти моих задумок. Просто сегодня эти деньги уходят на другие цели. Вон, днем и ночью, в горе и в радости, в болезни и в здравии – перекладываем асфальт на столичных улицах.

– Вадим Дмитриевич, для реализации ваших «задумок» нужны триллионы, и вы теперь открытым текстом, цитируя большевистские лозунги, призываете изымать эти деньги у олигархов! – возмущенно воскликнул седовласый.

– У буржуазии, – посмеиваясь, уточнил ведущий и тут же выпалил, – мы уходим на рекламу, но когда вернемся, будет еще жарче! Не переключайте!

А на экране уже поплыла пачка майонеза.

– Удивительно, что олигарх дружит с депутатом, от которого исходит инициатива ввести налог на сверхдоходы, – усмехнулась Ксюша, – может быть, ты перепутал, и в гостях у Арнольда будет другой парламентарий?

– Нет, я уверен, что это именно он. Дядя сказал, что его друг толстый, – отозвался Емелья, – но, пожалуйста, давай не будем смотреть дальше. Меня эти пять минут страшно утомили.

Супруги переключили телевизор на свой любимый канал о природе и пили чай под миролюбивый рассказ о китайских журавлях.

* * *

На следующий день, столкнувшись с дядей в столовой, Емельян снова свел разговор к предстоящему мероприятию.

– Скажите, а кто еще в числе приглашенных? Наверное, будет ваш приемный сын, про которого вы мне рассказывали? – желая показать, как внимательно он слушал в баре Арнольда, спросил Щукин.

– Приемный сын? Разве я тебе не сказал, что мы с ним в ссоре? Нет, его не будет, – отозвался помрачневший Абаджваклия.

– Нет, про ссору я ничего не знал... – извиняющимся тоном пробормотал Емельян.

– Будут двое моих лучших друзей с семьями. Во-первых, депутат Снегирев. Его супруга Адель возглавляет очень крупный благотворительный фонд, – рассказывал Абаджваклия, когда они устроились за столиком. Щукин заметил, что олигарх на этот раз взял диетический бульон и отварное рыбное филе.

– Готовитесь к празднованию нового года? – не удержался от комментария Емельян, кивнув на тарелку Абаджваклии. Арнольд недовольно скривил рот.

– Нет. Я себя плохо чувствую, – невесело отозвался нефтяник, и Емельян тут же пожалел своей неудачной шутке.

– Простите... – смущенно сказал он.

– Забей, – Арнольд не выглядел обиженным, он вернулся к теме нового года, – а второй мой друг – Рошен. Мы с ним в школе вместе учились. Представляешь, я его уже двадцать лет зову в «Нефтьпром». Нет, не идет, зараза. Ему, видишь ли, в Сухуме спокойнее пекарню держать. Но я его за это очень уважаю.

– А этот Рошен – не олигарх?

– Ха! Тебе только олигархов подавай! Да булочник он обычный! – ответил Арнольд, вытаскивая из кармана блистер с таблетками. Емельян не успел разглядеть название, Абаджваклия быстро выдавил на ладонь две таблетки, запил их водой и принялся есть рыбное филе, – так что, дорогой мой, мы будем практически в интимной обстановке, человек десять или двенадцать, около того.

* * *

Емельян ни минуты не сомневался в том, что подарить дяде на новый год. Он понимал, что Арнольду не нужна очередная малахитовая подставка для канцелярских принадлежностей или дорогушая шариковая ручка в серебряном корпусе. Художник собирался подарить дяде портрет, над которым он уже начал работать. Молодой человек изобразил Арнольда на фоне абхазских гор и морского берега, стоящим на песке. Получалось что-то вроде фотографии в стиле «селфи», как если бы Абаджваклия сам себя запечатлел на фоне природы родного края. Картина получалась яркой и живой, она понравилась не только самому Емельяну, но и его жене.

Художник всегда с тревогой и волнением ждал, как супруга оценит его очередное произведение. Поглядев на еще не оконченное полотно, Ксения сказала, что изображенный на картине больше похож на самого Щукина, чем на Арнольда. «Не подумает ли твой дядя, что это твой собственный автопортрет?» – усмехнулась она. Ксения уже не первый раз отмечала некоторое сходство между мужем и его дядей, и Емельяну это ужасно льстило. Он всерьез задумался над этим замечанием и постарался придать мужчине на картине больше сходства с Арнольдом.

В последний день уходящего года супруги надели вечерние наряды, упаковали портрет в крафтовую бумагу и сели в приехавший за ними автомобиль, который помчал их к причалу. Кое-где воды Москвы-реки были скованны льдом, однако столичные судоходные компании предлагали круизы на комфортабельных яхтах и теплоходах. Один из таких кораблей и был зарезервирован Арнольдом для новогодней вечеринки. Автомобиль высадил пару у причала и быстро уехал, а молодые супруги растерянно осмотрелись по сторонам, пытаясь понять, куда им идти.

– Вот будет весело, если твой дядя нас разыграл! Мы тут померзнем с полчаса, а он нас вовсе и не ждет ни в одном из кораблей, – усмехнулась Ксюша.

– Он себе никогда этого не простит, ведь в этом случае он лишится нашего чудесного подарка, – с улыбкой отозвался Емельян.

В этот момент к причалу подъехала машина, из которой доносилась громкая музыка. Это был очень представительный белый джип, который припарковался буквально в нескольких шагах от них. Из джипа элегантно выпорхнула очень красивая ухоженная женщина средних лет в белом норковом манто, Емельян невольно залюбовался ею. Бывают женщины, которые только одним своим появлением способны взволновать любого мужчину. Со стороны водительского сидения появился ее упитанный спутник, и Емельян ощутил легкое разочарование. Глядя на эту пару, художник с неудовольствием подумал, что такая красавица с этим толстяком наверняка исключительно ради денег. Наверное, тоже заказали себе яхту на новый год, а может быть, у них даже собственный теплоходик. Еще через мгновение из машины на улицу выскочили трое детей: девочка лет четырнадцати и два мальчика десяти-двенадцати лет. И, разумеется, дети тоже были разодеты как маленькие цесаревичи.

Ксюша отвернулась и смотрела на реку, по которой в блеске огней плыла яхта со стеклянными стенами, внутри, похоже, уже начали провожать уходящий год. А Емельян все не мог оторвать глаз от красавицы в белоснежной шубке. «Вот это женщина, – подумал он. – Повезло же толстяку! И почему-то мне кажется, что я его где-то уже видел... Ах, какая женщина!». Ее плотный спутник по телефону распорядился, чтобы помощник подъехал забрать машину, а затем обратился к красавице: «Что-то я не могу понять, в каком корабле Арнольд».

– Позвони ему и спроси, Вадя, ну что ты как маленький, – отозвалась женщина, поправив слегка съехавшую набекрень широкополую шляпу своему кавалеру.

Емельян ощутил прилив радости – они тоже гости Абаджваклии, им предстояло встречать новый год вместе. Сам не ожидая от себя такой смелости, Емельян шагнул по направлению к паре и обратился к ним, не сводя глаз с красивой дамы: «С наступающим Новым годом! Кажется, вы тоже приглашены к Арнольду Абаджваклии? Мы вот тоже не можем понять, где его искать».

Емельян подумал, что сейчас его окатят тем презрением, которое иной раз выказывают люди, обладающие деньгами и властью. К его удивлению Вадим Снегирев, а это оказался именно он, приветливо улыбнулся и, сделав несколько шагов навстречу Щукину, протянул ему руку. «Вы, должно быть, Емельян? Очень приятно познакомиться! Арнольд говорил, что вы с супругой будете в числе гостей. Меня зовут Вадим. Знакомьтесь, моя супруга Адель, а это Ольга, Миша и Рома». Емельян в свою очередь представил новым знакомым свою супругу. Когда Снегирев выяснил, к какому кораблю им нужно идти, вся компания направилась в указанном направлении.

На яхте уже были Арнольд и тот самый булочник Рошен с женой и сыном. Забронированная олигархом яхта имела стеклянные стены, но были в ней и отдельные каюты, которые полностью скрывали пассажиров от глаз любопытных прохожих на берегу. В корабельной гостиной, из которой открывался восхитительный вид на ночную Москву, располагался большой плазменный телевизор и был накрыт шикарный стол.

– До полуночи никакого караоке, – со смехом заявил Арнольд входящим в залу гостям, и Емельяну показалось, что это какая-то шутка, обращенная именно к Снегиреву, – как я рад вас всех видеть! Рошен, познакомься с моим племянником Емельяном. Помнишь, я говорил, что Вадик посоветовал мне начать общение с каким-нибудь «неучтенным» родственником! Вот что из этого получилось.

Емельян нерешительно топтался посреди гостиной, сняв шапку и отведя за спину холст, обмотанный бумагой. Ксюша чувствовала себя не так неловко, она с любопытством оглядывала окружающую их роскошь обстановки.

– Ксения, Емельян, не смущайтесь, почувствуйте себя как дома, пальто можно повесить вон там, – неожиданно услышал художник сладкий как мед женский голос, и в то же мгновение его окутал изысканный аромат духов. Адель неслышно подошла к ним сзади. На фоне этой красоты терялись и как-то меркли все остальные женщины на корабле, которых Щукин видел: его собственная супруга Ксения, жена Рошена Дзыкут, дочь Снегирева Ольга. «Должно быть, это не столько Вадим друг Арнольда, сколько Адель – его любовница», – пронеслось в голове у художника. Он был уверен, что такая шикарная женщина просто не может искренне любить этого толстого депутата. Должен быть у нее более симпатичный любовник, даю голову на отсечение, – подумал Емельян. Он уже мечтал, как напишет портрет этой обольстительницы. А там, кто знает, может быть, очарованная его работой Адель будет и с ним ласкова... Ксения увела потерявшего голову мужа к импровизированному гардеробу.

Впечатление, будто бы Адель не любит Вадима, было ошибочным, потому что депутат сам из себя кое-что представлял. Именно с Вадимом Снегиревым в далеком 1996 году Арнольд собрал сумму, необходимую для выкупа акций «Нефтьпрома». Тогда еще Вадик не имел никакого отношения к Государственной думе, он только закончил вуз и получил диплом технолога молочной продукции. Правда, Снегирев на тот момент уже устроился работать в штаб партии, членом которой оставался и по сей день. Но знания в области химии, приобретенные им в вузе, и помогли им с Арнольдом получить хорошие деньги: при подписании договора займа они использовали чернила, которые со временем стали бесцветными. Заимодавец не сумел доказать, что одолжил Абаджваклии миллионы, в расписке не оказалось подписи Арнольда. Этот трюк, который и задолго до Арнольда проворачивали ловкие мошенники, естественно, не был единственным прегрешением в карьере олигарха. Еще задолго до того, как Абаджваклия надумал заполучить в собственность холдинг, он совершил немало преступлений, за счет которых изрядно обогатился. Однако для выкупа акций собственных средств ему не хватало. Но Арнольд на момент заключения договора займа был уже состоятельной личностью, иначе бы ему никто ничего не одолжил. Полученные по договору деньги, которые Арнольд заведомо и не смог бы вернуть в оговоренный срок, он и использовал для выкупа акций «Нефтьпрома» и для оздоровления загибающегося холдинга.

Когда Арнольд почувствовал свое финансовое могущество в начале нулевых, он понял, что ему необходим свой человек во властных структурах, который смог бы продвигать идеи, выгодные олигарху. Это должен был быть надежный человек, которому Абаджваклия доверял бы как себе самому. Вадим Снегирев оказался идеальным кандидатом, потому что он не только был надежным и преданным другом Арнольда, но к этому времени получил юридическое образование и был верным приверженцем одной из политических партий, представители которой занимали порядка тридцати кресел в парламенте. Арнольд аккуратно предлагает лидеру партии негласную финансовую поддержку на предстоящих парламентских выборах, взамен кото-

рой просит о небольшом одолжении. И вот в следующий созыв Государственной думы проходит счастливый Вадим Снегирев. Вадим искренне верил, что сможет изменить жизнь людей к лучшему. Во всяком случае, он верил в это, когда впервые переступил порог здания Думы на Охотном ряду. И пришел он не с пустыми руками, он принес в портфеле наброски законопроектов, которые уже давно обдумывал и пытался примерить на российскую действительность.

Арнольд всегда шел к своей цели по головам и трупам. А вот Вадим оказался гораздо более законопослушным гражданином, который, по крайней мере, к физическому устранению противника никогда бы не прибегнул. Вадима даже можно было назвать порядочным человеком. Порядочные люди редко достигают высоких должностей, сохранив при этом свою порядочность. Однако Вадиму это удалось, поскольку ему не пришлось марать руки, для того чтобы быть избранным в парламент, это за него сделал Арнольд, кровожадный и беспринципный нефтяник.

Но идеальных людей не существует, и Снегирев тоже не лишен недостатков. Уже много лет как он не мог избавиться от наркотической зависимости. Все это началось еще в студенческие годы, когда будущий депутат приехал в Москву, чтобы поступить на химический факультет престижного вуза. В семнадцать лет он был еще очень далек от политики, он был вдохновлен примером Менделеева, мечтал открыть доселе неизведанные элементы таблицы. Но на факультет он не прошел по конкурсу, а вернуться ни с чем домой в родной город он не мог, к тому же в спину абитуриентам-неудачникам дышала армия. Поэтому Вадик поступил, куда смог – на инженера-технолога молока и молочной продукции в менее престижный вуз.

Студенты, много занимавшиеся химией, имели доступ к некоторым препаратам и веществам собственного подпольного приготовления. Доза за дозой, сначала вроде бы в шутку, только попробовать. Но где грань между «в удовольствие» и «не могу остановиться»? Вадим и сам не заметил, когда дошел до точки, после которой повернуть назад уже было невозможно.

В отличие от Абаджваклии, которому в делах сердечных вечно не везло, Вадима ждал успех на личном фронте. Он женился на очень хорошей женщине, которая не бросила его, даже когда узнала про наркотики. Адель Маслоу была уроженкой США, потомком белых эмигрантов, бежавших в 1917 году из России. Она с детства восхищалась своей исторической родиной и мечтала вернуться сюда, несмотря на то, что ее родители были убеждены, что в России до сих пор всем заправляют коммунисты. Они были категорически против возвращения дочери в Россию, но гордая и упрямая Адель настояла на своем. Она переехала в Москву в конце 90-х, ей удалось реализовать свою мечту и организовать здесь благотворительный фонд. Фонд помогает детям-инвалидам, а также оказывает паллиативную помощь неизлечимым больным.

Когда Вадим познакомился с Аделью, он уже переориентировался с молока на юриспруденцию и работал в региональном отделении партии. Арнольд по дружбе иногда помогал Вадиму решить его финансовые проблемы, но уговорить Снегирева пойти работать в «Нефть-пром» ему так и не удалось. Арнольд мечтал о богатстве и власти, а Вадим хотел быть полезным своей стране, а для этого, по его мнению, необходимо было заниматься именно политикой. Он верил в призрачные идеалы, надеялся, что сможет изменить жизнь своих сограждан. Он всегда был искренним патриотом, по крайней мере, с самим собой он был честен, и, положив руку на сердце, мог сказать, что пошел в партию не ради денег или славы, не в надежде занять высокооплачиваемую должность, а лишь с намерением улучшить жизнь своих сограждан. Эти взгляды и искреннее желание помогать людям очень сблизили Вадима с Аделью, которая однажды появилась в штабе партии и предложила сотрудничество, ссылаясь на то, что ее благотворительному Фонду нужны спонсорские взносы и пожертвования, в то время как самой партии такое сотрудничество добавит популярности на грядущих выборах. Между главой благотворительного фонда и членом партии завязался страстный роман.

А спустя несколько лет Арнольду пришло в голову, что его верный товарищ Вадим вместо того чтобы прозябать в штабе, может пройти в думу и продвигать его, Арнольда, интересы.

Горцу не были интересны законопроекты, которыми грезил сам Снегирев. Единственное, о чем Арнольд попросил друга, так это забыть навсегда о дифференцированной шкале налогообложения, проект которой Вадим давно вынашивал. Абаджваклия совсем не хотел платить лишних налогов. Однако Вадим, оказавшись в депутатском кресле, все же попытался провести законопроект налоговой реформы. Разумеется, документ был принят в штыки думским большинством.

«Сейчас, когда налоговая ставка составляет 13 %, это приемлемая сумма. Тот, кто получает большие прибыли, возвращает государству положенные 13 %. Если повысить ставку, крупные налогоплательщики просто начнут скрывать свои доходы. Сегодня мы получаем с них 13 %, а если принять ваше предложение, господин Снегирев, то мы вообще ни рубля не получим с них, они уйдут в тень, потому что никто не захочет платить 50 % от прибыли!» – единодушно говорили ему коллеги.

Законопроект был отклонен, а Вадим надолго впал в депрессию, во время которой снова обратился к наркотикам, о которых было забыл на время, увлеченный своей законотворческой работой. Но зато те идеи, которые через своего ставленника проводил Арнольд, как правило, оказывались созвучны с мнением тех депутатов, которые так же, как и Вадим, лоббировали интересы собственников крупнейших предприятий. Поэтому иной раз думское большинство с готовностью поддерживало инициативы Снегирева.

Адель была счастлива, когда рядовой член партии, за которого она вышла замуж, стал депутатом. Она внимательно следила за тем, чтобы Вадим не возвращался к наркотикам, обращалась за помощью к лучшим наркологам, покупала препараты, которые они советовали. Только бывших наркоманов не бывает, и Вадим иногда тайком продолжал употреблять запрещенные вещества. И на вечеринку по случаю Нового года Снегирев пришел с пакетиком марихуаны, припрятанным во внутреннем кармане пиджака, ведь и Арнольд иной раз не отказывал себе в удовольствии побаловаться наркотиками, особенно когда на следующий день не надо было на работу.

* * *

На улице было совсем темно, и казалось, что сидевшие в ярко освещенной корабельной гостиной были видны прохожим как на ладони. Компания сидела за столом, накрытым белой скатертью, все пили вино и обожаемые Арнольдом сладкие ликеры, ели салаты и изысканные закуски. Ксюша и Емельян уже не чувствовали себя смущенно, они были рады, что пришли. Дзыкут, супруга Рошена, оказалась очень милой женщиной, что называется, из простых, Ксюша и Емеля с удовольствием с ней беседовали.

Ближе к полуночи корабль подплыл к самой Красной площади, по телевизору с поздравительным словом выступал президент Валентин Грудин.

– Недавно у нас с ним опять были бесконечные телефонные переговоры, – кивнул в сторону экрана Арнольд, обращаясь к Вадиму.

– Вы знакомы с президентом? – с восхищением спросил Емельян.

– А как же, – отозвался олигарх с чувством собственного достоинства. Емельян и Ксения удивленно переглянулись, они до сих пор не могли привыкнуть к этому кругу общения, в который их занесло волею судеб.

Куранты на Спасской башне пробили двенадцать раз. Как и положено, под гимн были подняты бокалы шампанского, гостиная наполнилась звоном хрусталя. После салюта над Кремлем Вадя подошел к Арнольду и по-дружески приобнял его за плечи.

– С днем рождения, Нольда! – сказал он и вручил небольшой подарочный мешочек. Затем Рошен поздравил Арнольда, настала очередь Щукина. Он ощутил сильное волнение,

ему очень хотелось, чтобы картина дяде понравилась. Он с улыбкой подошел к Арнольду, протянул ему замотанный в крафтовую бумагу холст в раме и обнял горца.

Емеле показалось, что его Арнольд обнял крепче, чем остальных поздравлявших, или ему просто хотелось в это верить. Олигарх сорвал бумагу с холста и увидел картину, дышащую морским ветром с солеными брызгами, величием гор, от которой так и веяло теплом абхазского лета. «Вот это да, – усмехнулся он, рассматривая полотно, – как ты точно все подметил! Смотрите, это же просто здорово, а?» И Арнольд развернул картину так, чтобы ее рассмотрели все присутствующие. Картина действительно произвела фурор, все очень хвалили художника, который был в эту минуту счастлив как никогда.

Ольга Снегирева, старшая дочь депутата, которая до сих пор не проявляла никакого интереса к происходящему вокруг и даже откровенно скучала, теперь как будто оживилась и тоже хвалила картину, нарисованную Емельяном. Раньше она и не знала, что у Арнольда Абаджваклии есть племянник, который к тому же оказался очень симпатичным молодым человеком. Импонировало ей и то, что он был художником, личностью творческой, а значит, по ее мнению, прекрасной. После всех этих занудных политиков и бизнесменов, от скучных разговоров которых ей хотелось выбраться за борт, Емельян показался ей особенным.

«Цитируя прекрасную новогоднюю комедию: танцуют все!» – вскоре объявил Арнольд. Емельян, к этому моменту уже выпивший не один бокал шампанского, осмелел и решил было пригласить на танец Адель. Однако пока он смущался и все не знал, как подойти к этой прекрасной женщине, Адель пригласил на танец Рошен. Танцевать с Ксюшей Емельяну не хотелось. К Шукину подошла Ольга Снегирева и сказала, что картина ее очень впечатлила. «Я и не знала, что вы художник. А вы, оказывается, не просто художник, но еще и очень талантливый!» Емельян расплылся в улыбке и пригласил молоденькую девушку танцевать.

Едва только Шукин закурился в медленном танце с дочерью депутата, к Ксюше подошел сам Абаджваклия.

– Ксения, можно ли тебя пригласить на танец?

– Я не танцую, – смущенно выпалила девушка.

– Ксюш, у меня сегодня день рождения. Пожалуйста, я тебя очень прошу.

Ксении было боязно танцевать с олигархом. Но, не найдя аргументов для отказа, она так и быть согласилась: она ощутила у себя на талии руку нефтяника, другой рукой он деликатно и галантно держал ее изящное запястье. Ксения краем глаза видела, как недалеко от нее в паре кружатся упитанный депутат и Дзыкют, а чуть поодаль Емельян вальсирует с Ольгой.

– Ксения, ты сегодня обворожительна как никогда, – начал Арнольд.

– Новый год все-таки, – смущенно отводя глаза, отозвалась она. Нельзя сказать, что ей были неприятны комплименты этого человека, но в них сквозила такая неприкрытая сексуальность, что Ксюша смущалась принимать их.

– Новый год... А может быть ты такая красивая в честь моего дня рождения?

– И это тоже. Сколько же исполнилось Арнольду Абаджваклии? – спросила Ксения и тут же подумала, что вопрос нетактичный.

– Арнольду Абаджваклии сорок четыре. Как, по-твоему, это много или мало?

– Смотря с чем сравнивать, – Ксюша усмехнулась. Она думала, что олигарх постарше. Видимо, проседь в волосах и усталые глаза делали Арнольда несколько старше своих лет. Ксении было приятно, что сегодня Арнольд был куда более галантным и вежливым, чем в их прошлую встречу, ей начало казаться, что она и сама, как ее муж, начинает попадать под колоссальное обаяние этого человека.

Праздничные дни на корабле пролетели весело и быстро. За это время Арнольд с Вадиком и Емельяном успели покурить принесенную Снегиревым траву, из-за чего Вадя и Шукин едва не рассорились со своими женами; некоторые гости уже успели заскучать. Не обошлось и без караоке, большим любителем которого оказался толстяк Вадим, нельзя сказать, что пел

он хорошо, но однозначно развеселил своим соло всю компанию. Второго числа гости разъехались по домам. Емельян пребывал под сильным впечатлением от чарующей Адели.

– Олигархи эти ничем не отличаются от обычных людей, – заявила Ксения, – им лишь бы выпить и погулять.

– Ну да, – отозвался Емельян, – только размах побольше.

Январь 2015 года

В первый рабочий день января Арнольд вызвал племянника к себе в кабинет.

– Дорогой мой, тебя и еще одного сотрудника из отдела рекламы я хочу отправить на предстоящий форум в Париже. Там как раз речь пойдет о всяких передовых идеях в области дизайна для крупных корпораций. Я считаю, вам стоит побывать, перенять международный опыт, так сказать.

Щукин пришел в восторг от этой новости, так как это означало, что его талант оценивают по достоинству. «И каким же я, в самом деле, был ослом, пытаюсь реализовать себя в юриспруденции!» – думал Емельян. Художник предполагал, что тут сыграло свою роль впечатление, произведенное подаренным портретом.

– Узнаешь? – усмехнулся Абаджваклия, кивнув в сторону. Емельян проследил его взгляд и обнаружил на стене кабинета главы холдинга тот самый портрет.

– Дядя! Как это чудесно! Я рад, что вам понравился подарок, – расплылся в улыбке художник, тронутый до глубины души.

Щукин собрал свое портфолио, почитал в интернете про форум, и через пару дней улетел в командировку, полный самых светлых надежд на будущее.

Вечерело, за окнами становилось темно, Ксюша была дома одна. С одной стороны она гордилась, что в настоящее время ее супруг наконец-то занимался чем-то дельным. Но с другой – теперь она видела мужа совершенно в ином свете. Когда он был увлечен юриспруденцией, они могли часами дискутировать по тем или иным правовым вопросам. Емельян все больше восхищенно слушал, а Ксюша рассказывала. Теперь же, получив должность дизайнера, Щукин поспешил бросить вуз, вычеркнул всю правовую сферу из своего круга интересов и больше ничего не хотел знать о юриспруденции. Вместе с тем Ксении казалось, что и ее саму он точно так же вычеркнул из своей жизни, как будто больше она не волновала и не радовала его как раньше, как будто она больше не была ему интересна. Емельян распевал дифирамбы своему обожаемому благодетелю, а супруге даже комплиментов больше не делал, как будто просто не замечал ее, увлеченный своей новой и интересной жизнью. Ксюша была не слепая и прекрасно видела, какими взглядами пожирал ее муж эту Адель Маслоу на новогодней вечеринке. Ксюша даже не была уверена, что ее супруг на самом деле поехал на форум в Париж по заданию Арнольда. А что если он уехал куда-нибудь с этой Аделью, или еще с кем-нибудь. Ксюша, так же как и Емеля, подумала, что эта шикарная женщина не может всерьез любить пухлого Вадика (по крайней мере, на фоне темпераментного горца Снегирев несколько проигрывал). Впрочем, Ксюша и не отрицала, что если не обращать внимания на обхват талии, Вадима даже можно назвать обаятельным, уж очень у него светлая и добрая улыбка.

При всем при этом Ксения предпочла бы, чтобы Емельян нашел себе какое-то другое увлечение, потому что ей казалось, что находясь в компании этих людей, которые явно не считают его ровней, он может по своей глупости и наивности попасть в неприятности. Она не очень-то верила в искреннюю симпатию Арнольда к племяннику, ей казалось, что этот человек просто играет ее мужем, а потом, когда ему надоест строить из себя хорошего папочку, он просто вышвырнет Емельяна на улицу и забудет его навсегда.

В дверь позвонили. От всех этих мыслей Ксения была сильно не в духе и потому в первую секунду решила сделать вид, что никого нет дома, и просто не открывать. Звонок повторился, потом еще раз, стоявший за дверью был настроен решительно. Ксюша вышла в коридор и осто-

рожно выглянула в глазок. На лестнице стоял Абаджваклия. И он вновь надавил на звонок со словами «Ксения, я же знаю, что ты стоишь и смотришь в глазок. Открой, пожалуйста, дверь, нам надо поговорить».

Ксения была растеряна и испугана этим неожиданным визитом. Она приоткрыла дверь, и Арнольд, решительно дернув ее на себя, вошел в квартиру.

– Здравствуй. Спасибо, что пускаешь в гости.

– Я вас еще никуда не пускала, – скрестив руки на груди, отозвалась девушка, – Емельяна нет, он в командировке.

– Знаю. Нет, если ты занята, я уйду.

– Арнольд, я вас не понимаю. Если вы по делу, то заходите. Если вы так, от скуки пришли, то, пожалуйста, идите искать развлечений где-нибудь еще.

– А я по делу, – усмехнулся Арнольд. Он захлопнул за собой дверь, снял песочного цвета пальто, повесил на вешалку. Ксения стояла, не решаясь что-либо сказать, только сердито и недоверчиво смотрела на него.

– Помогите мне, пожалуйста, снять ботинки.

– Арнольд, что за шуточки? Лучше идите, куда шли, – сердито воскликнула Ксюша, сняв с вешалки пальто и протягивая его обратно Арнольду.

– Ксюш, ты не так поняла. Я не издеваюсь над тобой. Я просто болен, нагнуться не могу, – Арнольд потер рукой живот.

– Что ж, значит, в мире есть хотя бы намек на справедливость, – вполголоса сказала девушка.

– Намек на справедливость? Что ты имеешь в виду? – нахмурился Арнольд, – говори!

Ксюша смутилась, поскольку не думала, что нефтяник расслышит ее «реплику в сторону». Но Абаджваклия внимательно смотрел на нее.

– Арнольд, я считаю, что вы поступили неправильно по отношению к вашим имским подчиненным, – наконец отозвалась она.

– Всем не угодишь, – усмехнулся нефтяник, – ну ладно, можно я пройду в ботинках? – вешая пальто обратно, как ни в чем не бывало продолжил Абаджваклия.

– Но только если вы на самом деле пришли по делу, – как можно более строго ответила девушка. Арнольд вытер ноги о коврик и прошел на кухню, где бесцеремонно заглянул в холодильник и вытащил на стол тарелку с вареной курицей.

– Угостишь курочкой? И сделай чайку, хорошо?

– Что вы себе позволяете?

– Ксюша, прости мне мою невоспитанность, – улыбнулся Арнольд, усаживаясь за стол.

Ксении хотелось выгнать этого незваного гостя на улицу, но она боялась. Она понимала, что без покровительства этого человека у них с мужем бы не было квартиры, а у Емельяна и вовсе не было бы нормальной работы, однако Ксюша опасалась, что рано или поздно этот сумасбродный благодетель начнет требовать от них что-нибудь взамен. Она подумала, что этот момент наступил. Ксения на всякий случай осмотрелась, думая, что можно схватить на случай необходимой обороны, и, убедившись, что на кухне всего хватает и путь в коридор совершенно свободен, она немного расслабилась. А там кто знает, может быть, он и правда болен, может быть, на голову. Ксюша, то и дело подозрительно оглядываясь на Арнольда, отщипнула от тушки несколько крупных кусков мяса и поставила разогреть в микроволновку. Арнольд не выглядел хищником, который пришел за добычей. Если бы он был намерен приставать к девушке, он бы вел себя иначе, он бы уже это сделал. А тут было что-то другое, Ксюшу начало разбирать любопытство.

– Так по какому вопросу вы пришли?

– Ксюш, можно на «ты»... Да просто плохо мне... Грустно... Не с кем поделиться печалью.

Девушка с недоверием поглядела на олигарха. Она ожидала услышать все что угодно, но только не это. Как бы в подтверждение своих слов Абаджваклия горько вздохнул.

– Но я не уверена, что смогу вам... тебе чем-то помочь.

– Если ты просто меня выслушаешь, ты уже мне очень поможешь.

– Что ж, хорошо, Арнольд. Я слушаю тебя.

* * *

– Ксюша, скажи мне, – с печальной полуулыбкой начал свою исповедь Арнольд, размешивая чайным пакетиком кипяток в кружке с надписью «Доброе утро, любимый», – Как ты думаешь, почему я так неожиданно появился в вашей жизни? Почему вдруг стал принимать участие в судьбе твоего мужа?

– Мы с Емельяном не раз гадали на этот счет. Мы успели убедиться, что ты, Арнольд, полон сюрпризов, поэтому ответ может быть каким угодно.

Абаджваклия двумя руками обхватил кружку и отхлебнул чай, испытующе глядя на собеседницу и все еще ожидая ответа на свой вопрос. Ксюше стало не по себе. Может быть, он собирается сказать, что давно в нее влюбился и придумал всю эту историю только ради того, чтобы познакомиться с ней. «Нет, – Ксения покачала головой, – не может такого быть».

– Я не знаю. Я предположу, что ты поссорился с кем-то из близких, со своим сыном, быть может, тебе не хватает внимания, семьи. Вот ты и решил начать общение со своим племянником, который тебе как раз годится в сыновья.

– Ксюша, ты не представляешь, насколько ты сейчас точно угадала, – усмехнулся Арнольд. Он даже забыл про курицу, которую было начал есть. – Ты проницательна.

Девушка улыбнулась, для нее было большим облегчением узнать, что подтвердилась самая безобидная из ее догадок. Ксения неплохо разбиралась в людях, и часто для нее были очевидны причины поступков людей, которые, казалось бы, не лежали на поверхности.

– Ты совершенно права, – повторил Арнольд, – у меня был любимый пасынок, Дамей. Некоторое время назад он разочаровал меня до глубины души, мы больше не общаемся. Я расскажу тебе, выслушай меня.

Нельзя сказать, чтобы Ксюша мечтала провести свой вечер именно так, выслушивая жалобные истории из жизни олигарха, но и отказать ему она уже не могла. Спасибо, не пристаёт к ней. Девушка заметила, что тарелка гостя опустела, и вытащила из холодильника торт. Раз уж придется весь вечер выступать в качестве слушателя, то можно скрасить эту скуку вкушением к чаю. Она отрезала два куса торта.

– Это мне? Спасибо, дружок, но мне будет плохо от сладкого. А вот от бутербродика я бы не отказался!

– Арнольд, честное слово, ты просто невыносимый человек, – покачала головой Ксения, улыбнувшись, но она сказала это мягко, почти без упрека. Просьба Арнольда звучала искренне, он словно никогда и не задумывался, что его поступки и слова напрочь лишены такта, – с чем тебе бутерброд?

– Да хоть с докторской колбасой.

– Лобстеров у нас и нет, – отозвалась Ксения, с неохотой открывая холодильник. Ей не нравилось, как вел себя ее гость.

Когда бутерброд был готов, а кружки наполнены горячим чаем, Ксения, наконец, уселась за стол, чтобы выслушать длинную исповедь Арнольда о его пасынке, место которого в сердце олигарха должен был занять Емельян.

Арнольд рассказал о своей первой жене Акеле, которая пятнадцать лет назад погибла от пули, предназначенной ему. У нее остался малолетний сын, которого Арнольд воспитывал. Дамей оказался очень музыкальным ребенком, который с огромным удовольствием занимался

музыкой, играл на рояле, упражнялся в вокале, и, как многие дети, мечтал о карьере эстрадного певца. Абаджваклия же наперед решил, как должна сложиться судьба Дамея. Он и слышать не хотел о музыке. Всю эту творческую галиматью Арнольд считал чистым ребячеством. Когда твой отчим, любящий отчим, – глава нефтяного холдинга, глупо было идти по другой дороге. «Ты будешь нефтяником, как и я. В крайнем случае – международником». Но пасынку был абсолютно неинтересен бизнес Арнольда. Однако олигарх считал, что Дамею нужно было начинать вникать в дела как можно раньше, чтобы потом стать его правой рукой, а там, как знать, может быть, и унаследовать бразды правления. Сын Акелы был категорически против, но последнее слово в семье Арнольда всегда оставалось за главой семьи.

Поэтому после окончания школы Дамей вынужден был поступить в престижный вуз, который готовит дипломатов и международных. Арнольд и сам видел, что пасынок ничего не понимает в естественных науках, которые необходимы нефтянику, однако с иностранными языками дело у него обстояло гораздо лучше, поэтому Абаджваклия направил подростка учиться на факультет международного права, которое необходимо будущему главе холдинга.

Дамей старался быть непокорным хотя бы там, где это было возможно, поэтому выбрал одно из самых не перспективных с его точки зрения направлений – Балканы. Арнольд, впрочем, не высказал недовольства, ведь он считал, что главное – понять основные принципы международного права, изучить которые можно на любом примере, хоть даже и на примере Балкан. Для Арнольда было важно, чтобы Дамей научился понимать положения международных договоров. «Нефтьпром» заключал массу договоров с иностранными корпорациями, поэтому люди, которые блестяще разбираются в тонкостях международного права, были здесь на вес золота.

Однако учиться Дамею было совершенно неинтересно, хотя он был не глуп и даже старался. Чтобы хоть как-то заинтересовать пасынка в специальности, Абаджваклия стал приглашать домой дипломатическую элиту, чтобы эти серьезные, увлеченные своим делом люди своим примером вдохновили его мальчика.

Однажды среди приглашенных в их дом появился дипломатический работник одной из стран, некогда входивших в состав Югославии. С ним Дамей сошелся сразу, во-первых, потому что уже немного понимал язык этой страны, а во-вторых, потому что Учиябич тоже страстно увлекался музыкой. Дамей, казалось, наконец-то был впечатлен, хотя его интересовал не столько дипломатический аспект, сколько сам человек. Арнольд был несказанно этому рад и начал приглашать Учиябича в гости чуть ли не каждые выходные, а вскоре Дамей и балканский дипломат начали встречаться уже и без Арнольда. До поры до времени Арнольд и не догадывался, что эти встречи не имеют никакого отношения к дипломатии. А когда догадался, было уже поздно. Выяснилось, что Учиябичу нравятся мужчины, и Дамей, впечатленный югославом, тоже испытывал к нему чувства более глубокие, чем к простому наставнику. В какой-то момент Арнольду доложили об этой связи. Дамею очень повезло, что в то самое мгновение, когда отчим узнал правду, он не попался ему под руку. Абаджваклия, уроженец Сухума, придерживался весьма традиционных взглядов и не был толерантен по отношению к сексуальным меньшинствам. Арнольд готов был убить Дамея, а заодно и югослава Учиябича.

В тот же день олигарх переписал завещание, лишив пасынка абсолютно всего, а также заблокировал его счета. Дамей, скоро узнавший, что Арнольд готов убить его в прямом смысле слова, не теряя ни минуты, вместе с Учиябичем сбежал за границу. Все это случилось около года назад. С тех пор нефтяник и слышать не хотел ни о каком Дамее, хотя у него, само собой, были некоторые сведения о том, как он живет. Дамей сейчас играл на фортепьяно в каком-то балканском джаз-бэнде и продолжал жить с Учиябичем.

Теперь Арнольд остался совсем один. С детьми от прошлых браков он не общался, Дамея из жизни вычеркнул, разведен. Несмотря на то, что главе холдинга некогда было скучать, ведь большую часть его жизни занимала работа, все-таки ему было грустно и одиноко, а в последнее

время и вовсе стало казаться, что жизнь потеряла всякий смысл. А тут как-то раз Снегирев, этот толстяк депутат, посоветовал Арнольду связаться с кем-то из более дальних родственников, с кем он прежде не общался. Вадим знал, что для Арнольда, каким бы ни был скверным его характер, очень важно иметь рядом с собой близкого человека, ощущать связь с родственниками.

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, – отозвалась, наконец, Ксюша, когда Арнольд завершил свой рассказ.

– Да... может быть, это божественное провидение... Ты веришь в Бога? – спросил Арнольд, и только тогда Ксения заметила, что он уже давно крутит в руках какие-то деревянные бусы. Присмотревшись, она поняла, что это самые обыкновенные четки из темных деревянных шариков с крестиком и пушистой кисточкой.

– Я крещеная, но не могу назвать себя верующей... А ты, – она кивнула на четки, – как вижу, ты – да?

– Да. Я верю. Я верю, потому что иначе ничто не имеет смысла. Я надеюсь, что после смерти встречу с Акелой... Ох, как мне тяжело без нее... – проговорил Абаджваклия с глубокой скорбью на лице. Пальцы, перебиравшие древесные шарики, застыли в немом оцепенении.

– Ты сказал, что прошло уже пятнадцать лет, – удивилась Ксюша. Она вспомнила, что в амбарных счетах, которые она видела в детстве, были точно такие же костяшки, как в этих четках, только насажены они были на параллельные металлические пруттики. Расчет и вера.

– Пятнадцать лет... Кто бы мог подумать? Но вечная любовь существует... И это тяжелое бремя... – Абаджваклия невесело улыбнулся.

– Хочешь сказать, что все еще любишь ее? – спросила Ксюша Летюшова, невольно наблюдая за перебиравшими четки тонкими пальцами.

– Да, – Арнольд с грустной ухмылкой оперся лбом на ладонь руки.

– Такое возможно?

– Да я и сам не рад, но что я могу с собой поделать.

Даже если Арнольд разыгрывал перед ней мелодраму, и она была всего лишь зрительницей в театре одного актера, Ксюша все же посмотрела на Арнольда другими глазами. Разве не вызывает сострадание человек, который любит всем сердцем, любит и страдает день за днем на протяжении вот уже пятнадцати лет. Человек, который, видимо, ненавидит других людей за то, что они счастливы, за то, что другие способны смириться с утратой и найти радость в чем-то новом. А вот он никак не может залечить свою душевную рану, и время не помогало – Акела стояла перед его глазами как живая, он слышал ее голос, он помнил запах ее волос. И в том, что она больше не живет, не дышит, был виноват он, Арнольд, ведь в нее попала пуля, предназначенная ему. Он с радостью бы лег в могилу рядом с ней, а лучше вместо нее, только бы не испытывать этой безнадежной всепоглощающей тоски по человеку, которого ты больше никогда не увидишь. Оставаясь один, Арнольд иногда представлял себе, какой бы она была сейчас, как бы она выглядела, изменилась ли бы она с тех пор. Он мечтал, с мучительной дрожью, со слезами на глазах, как он касается пальцами ее волос, уже слегка тронутых сединой, как они стареют вместе, как они воспитывают вместе их общего ребенка... Но часы ее жизни навсегда остановились на отметке двадцать восемь лет и три месяца, ни годом, ни минутой больше, и у них никогда не будет ребенка.

– Но ты же потом столько раз был женат. Ты не любил всех этих своих жен? – спросила Ксения, подлив собеседнику еще чаю.

– На какое-то время я забывался, думая, что нашел новую любовь. Но потом понимал, что люблю все равно только Акелу... Знаешь, у меня только одна надежда – на загробный мир. И то, если верить Священному Писанию, мученики попадают в рай, а грешники в ад... Значит, я зря тешу себя пустой надеждой.

– Мне кажется, это какое-то безумие, – сочувственно покачала головкой Ксюша, – разве можно жить одной лишь надеждой на жизнь после смерти? – в это девушка не могла поверить.

– Нет, конечно, нельзя. Ты совершенно права, – в глазах Абаджваклии блеснул огонек, и Ксюше это не понравилось. Очень не понравилось, она тревожно взглянула на часы.

– Арнольд, уже поздно, пора потихоньку и расходиться, – осторожно сказала она, – тем более и угощения все съедены...

– Ждешь кого-нибудь?

– Нет, с чего ты взял?

– Хочешь меня спровадить. «Ну как всегда! На самом интересном месте!» Помнишь, из какого мультфильма эта фраза? – Арнольд улыбался.

– Помню... – Ксении казалось неуместным шутить после всего, что он рассказал ей. – Слушай, Ксюш, если мое присутствие тебя смущает тут, в квартире... Давай просто пройдемся по улице...? Милая, это ведь ни к чему не обязывает... Я вижу, ты меня боишься. Я не желаю тебе зла, честное слово. Да, не скрою, ты мне нравишься, но без твоего согласия я даже не возьму тебя за руку.

– Арнольд, пожалуйста, уходи. Да, я тебя действительно боюсь, – сказала Ксения. Все ее существо противилось этому человеку и в тоже время как будто бы начинало поддаваться ему.

– Ксения, в чем дело? Я открылся тебе, рассказал о себе вещи, которые мало кому могу доверить. Я надеялся, что встречу в твоём лице друга, может быть сестру или... А ты гонишь меня прочь? Ведь я один, совсем один. Ты только подумай: по праздникам, вот как в новый год, все собираются семьями, окружают себя дорогими и близкими людьми... А мне даже этот семейный праздник встретить не с кем, я позвал друзей, и все равно был ужасно одинок и несчастен...

– Но разве не твоя вина в том, что ты одинок? – спросила Ксения. Арнольд поднял на нее глаза, и впервые за все время, какое он знал ее, он увидел в ней такую силу духа, которой не замечал ранее. В ее вопросе была вся ее простая и незатейливая мораль, мораль любви, искренности и чистосердечия. Арнольд смутился и потупился.

– Кто же спорит... Конечно, моя. Но что сделано, то сделано... Ксюша! Послушай, все видят меня через призму моего финансового состояния. И бывшие жены, и все мои дети, и родственники, и друзья. Ты не представляешь себе, как это больно, когда в тебе не видят человека. Ты интересен окружающим только тем, что ты богат, только тем, что они могут с тебя что-то поиметь. Тошно от этого, Ксюша! А Емельян твой смог ли разглядеть меня из-за денежной завесы? А, – Арнольд отчаянно махнул рукой, – он бы испугался, увидев черноту моей души, твой муж невинен, как девица. А ты, – Арнольд резко наклонился и указал в Ксению пальцем, – ты боишься меня, потому что, о, ужас, он – олигарх, он – дьявол во плоти! Да, Ксения – я дьявол! – глаза Арнольда горели лихорадочным огнем, – дьявол, да только мне от этого не легче... меня спросили что ли, когда ее убивали? О если бы мне дали выбор: оставить себе Акелу или богатства? Я такой же человек, Ксения, как и все смертные! Я человек! Я не всесилен, не властен над своей судьбой! Все эти деньги – это лишь иллюзия счастья, ты понимаешь, что счастье нельзя купить?

Арнольд закрыл лицо руками, Ксения тревожно на него смотрела.

– Но я же не ошибся? Мне показалось, что ты не такая как все. Я подумал, что ты способна видеть больше, чем видят глаза... Ты похожа на нее, Ксения.

Ксюша вздрогнула, так вот почему он здесь, она напоминает ему его любимую, так скоро утраченную. Он пришел к ней излить душу потому, что она казалась похожей на его погибшую жену. Каждому человеку иногда нужно выговориться, поделиться своей печалью, спросить совета, нужно, чтобы тебя просто послушали, покивали головой, многозначительно помолчали, не глядя в глаза. Неужели это так сложно? Нет. «Так зачем же я его гоню?» – устыдилась Ксения.

Ксюше было приятно услышать, что она похожа на ту, которую он так любил. Он столько говорил об Акеле, было очевидно, что в его мире она занимала и будет занимать центральное место, так что сравнение с ней уже само по себе комплимент. С другой стороны, кто знает, может быть, его последующие жены слышали эту же красивую легенду, будто бы они так похожи на Акелу, а ему так нужно было их утешение, сострадание. Говорят, что женщины любят ушами, может быть, это касается и не всех женщин, однако Ксения понемногу прониклась симпатией к своему печальному собеседнику.

– Прости, я не хотела тебя обидеть. Я тебя не так поняла, – сказала девушка, чтобы нарушить воцарившееся в кухне молчание, – я исходила из стереотипа, что олигарх – непорядочный человек. Логично предположить, что если он приходит к тебе, то вряд ли у него благие намерения... послушай, Арнольд, мы с тобой едва знакомы. Я тебя совершенно не знаю, поэтому мне не на что опираться, кроме расхожего стереотипа.

– Да, я понимаю. Все, абсолютно все, видят меня через призму этого пресловутого стереотипа, не лишеного, впрочем, вполне реальных оснований... Хотя ты знаешь, все, хватит обо мне. Расскажи мне о себе. Я ведь тоже о тебе ничего не знаю, хотя я вижу, Ксения, что ты – особенная. Иные, как узнают, кто я такой, сразу лезут флиртовать, стремятся привлечь мое внимание, хотят понравиться. А ты, напротив, с самого начала дала понять, чтобы я к тебе даже не подходил.

– Арнольд, я замужем, – отрезала Ксения, но слегка смутилась, потому что ей самой показалось, что это прозвучало с некоторым кокетством.

Арнольд обрадовался, почувствовав, что девушка, кажется, начинает ему доверять, самое главное теперь было не уступить уже завоеванную позицию.

– Ксюша, друг мой, я это прекрасно понимаю. И именно поэтому я пришел к тебе, я пришел поговорить, я вовсе не напрашиваюсь к тебе в постель. Если бы мне нужно было то, чего ты так боишься, я бы поехал по другому адресу. Ты, видимо, продолжаешь смотреть на меня через все ту же пресловутую призму, ты не видишь во мне человека, обычного человека, который способен страдать и печалиться, которому нужна дружеская поддержка. Тебе кажется, что раз я олигарх, значит я хищник, самец, все помыслы которого устремлены к одним лишь постельным утехам. Нет, не буду лукавить. Я вряд ли когда-нибудь откажусь от прелюбодеяния. Но сейчас мне нужно совсем иное. Мне нужна твоя дружеская поддержка, мне нужен человек с добрым сердцем и светлой душой, который не отвернется, не бросит меня одиноко сгорать в своей печали, а выслушает и поддержит.

Ксения, тронутая его исповедью, сама не замечая как это произошло, протянула руки и взяла руку Арнольда в свои. Она готова была выслушать и поддержать. Ей оказали доверие, она не могла им пренебречь, она готова была стать верным другом этому человеку, каким бы странным он ни был.

Они еще долго беседовали в этот вечер, Арнольд плавно перешел от рассказа о себе к разговору о вере, к теологии, в этой сфере он был настоящим знатоком. Он хорошо знал Библию, труды Аквинского и многих других христианских апологетов, он оказался сведущим и в буддизме, и в исламе, и в иудаизме. У Ксении в голове не укладывалось, что этот миллиардер, которого, казалось бы, должны интересовать одни лишь деньги, настолько трепетно относится к религии. И это не было показной набожностью, Абаджваклия сыпал цитатами из Священного Писания, приводил научные и философские точки зрения по каждому вопросу, и это был искренний неподдельный интерес. Емельян, наверное, не знал и тысячной доли того, о чем захлеб рассказывал Арнольд. Ксения и раньше не сомневалась в том, что, чтобы стать таким богатым, надо обладать интеллектом выше среднего, но Арнольд ее просто поразил. Она видела, что познания Абаджваклия в вопросе религий просто неисчерпаемые. Ксения тоже неплохо разбиралась в теологии, эта сфера была смежной с вопросом религиозных правовых

систем, который всерьез волновал ее, как молодого преподавателя. Но Арнольд, казалось, мог говорить вообще на любую тему, какую ни предложи, и в каждой сфере он казался сведущим.

– Арнольд, я забыла, какое у тебя образование? Ты, должно быть, не только нефтяной закончил, но и философский факультет?

– Ты будешь смеяться. Я закончил десять классов.

– А после школы?

– Нигде не учился. Ну, в армии был. Остальному жизнь научила.

– Не может быть!

Арнольд усмехнулся, когда увидел, как Ксения уставилась на него в изумлении. Теперь он и сам ощущал, что ему удалось произвести впечатление, это было хорошо. Арнольд понимал, что такую девушку, как Ксения, можно было завоевать только так – через жалость, сострадание, а также покорив ее умом. Но и торопиться не стоило, поэтому они просто сидели в кухне и разговаривали о жизни.

Было уже за полночь, когда Ксюша заперла за Арнольдом дверь. Таких людей она прежде не встречала, это был какой-то феномен. Учась в аспирантуре, среди профессоров в вузе, безусловно, Ксения встречала очень и очень умных и начитанных людей, которыми она восхищалась. Но Абаджваклия, казалось, готов был заткнуть за пояс и этих профессоров со своими десятками классами образования. Это еще раз подтверждало ее мысль, что глупец никогда не станет богачом. «Остальному жизнь научила, – как он сказал это», – думала Ксения, прокручивая в голове их долгий разговор.

Но Ксюша не была настолько наивна, чтобы поверить в то, что Арнольд хочет от нее только дружбы, она понимала, к чему все это ведет. Ксения поймала себя на мысли, что ей страшно уже не от того, что рано или поздно Арнольд будет настаивать на близости, а от того, что она уже почти была к ней готова. «Решусь ли я на измену?» – думала она. С другой стороны, она прекрасно понимала, что для олигарха она просто очередная игрушка, о которой он быстро забудет. «А как я буду после этого относиться к себе? Как буду смотреть в глаза Емельяну?» Однако она понимала, что если Арнольд продолжит появляться в ее жизни, она не сможет устоять. Ксения повалилась на постель и заплакала, уткнувшись лицом в подушку. Ей было стыдно своей, пока еще не совершенной, но уже измены.

Арнольд же, укладываясь спать, мечтательно улыбался. В его голове крутилось, что эта девушка особенная, не такая, как другие, что она так похожа на Акелу. Арнольду было приятно, что Ксюша оказалась очень умной и начитанной, хотя ничто и никогда не смогло бы убедить его в том, что мужчины умнее и способнее женщин.

Январь – май 2015 года

Спустя некоторое время искра симпатии разгорелась пламенем страсти, и Ксюша, не сумев устоять перед очарованием олигарха, оказалась в его объятиях. Арнольд отправлял племянника на конференции по маркетингу, проходившие по всей Европе, а сам, едва только художник уезжал в аэропорт, с букетом цветов появлялся в квартире Ксении, с волнением его ждавшей. Ксения и Арнольд оба испытывали угрызения совести. Желая хоть как-то загладить свою вину перед племянником, Арнольд преподнес Щукину потрясающий подарок: художественную студию на крыше дома. Это была светлая и уютная квартира, одна из комнат которой имела стеклянную стену, которая пропускала много света, такого необходимого в мастерской художника. Здесь было все, что необходимо для жизни – кухня, санузел и спальня. Этот подарок оказался сюрпризом и для Ксении, она обнимала супруга и поздравляла, как будто бы ничто не стояло между ними.

Однажды Арнольд, вновь направив племянника за рубеж, на этот раз в Милан, вечером пришел к Ксюше, и посмотрел на нее как-то по-особенному тепло и нежно.

– Ксения... Я без цветов сегодня, но у меня тут есть кое-что еще для тебя. Никогда не знаешь, к чему тебя ведет извилистой дорогой судьба... Я теперь понял, для чего в моей жизни произошла ссора с Дамеем: чтобы я предпринял попытку найти новых родственников. Емельян – очень хороший человек, и я рад, что обрел его. Но целью был не он. Судьба вела меня к тебе, Золотко мое... И я не имею права отвергать этот подарок судьбы. Я хочу быть с тобой всегда, выходи за меня замуж, – и Арнольд протянул ошарашенной Ксении коробочку с кольцом.

– Ты шутишь надо мной, жестокий человек, – не веря своим глазам, в оцепенении прошептала девушка.

– Нет же! Ксения, ты мне понравилась с первого взгляда! Но ты – супруга моего племянника, и я не позволял себе смотреть на тебя в этом ключе. Но я не мог ничего с собой поделать. В Новогоднюю ночь я понял, что ты – это и есть Акела. Новая, переродившаяся, которая создана для меня. На этот раз уже точно для меня. Но по какой-то ошибке судьбы ты принадлежишь другому, мы должны исправить эту ошибку. Ксения, милая, – Арнольд взял ее руки в свои, – мы должны быть вместе, разве ты не чувствуешь этого? Я очень люблю Емельяна, но ты достойна лучшего супруга, ты достойна лучшей жизни, я дам тебе все, я все положу к твоим ногам, дорогая моя. Я хочу, чтобы ты всегда была подле меня, чтобы мы шли по жизни рука об руку.

Ксюша заплакала и, не в силах вымолвить ни слова, замотала головой. Она, может быть, в глубине души и лелеяла хрупкую надежду, что для Арнольда она когда-нибудь станет чем-то более серьезным, чем просто любовница. Но что это все произойдет так скоро, через несколько месяцев после начала их бурного романа. Как она сможет объяснить все это Емельяну?

Арнольд обнял плачущую Ксюшу и гладил по плечам.

– Ксюша, ну что случилось? Ксюшенька... Милая, не плачь, прошу тебя. Ты не ответила, ты согласна?

Арнольд опустил на колени и обнял плачущую девушку.

– Ксюшенька, ты не веришь мне? Неужели ты не любишь меня? – в глазах Арнольда читалась неподдельная тревога, он не был готов смириться с отказом.

– Арнольд... Арнольд... Я люблю тебя, – сквозь слезы проговорила Ксюша, – но как же Емельян?

– Мне тоже больно его расстраивать, но сейчас речь не о нем. Сейчас мы говорим о нас!

– Арнольд... я согласна, – наконец ответила Ксения, и Арнольд принялся осыпать поцелуями ее мокрое от слез лицо.

– Если хочешь, я сам скажу об этом Емельяну.

– Нет, милый, я должна сделать это сама.

Май 2015 года

Емельян вернулся из командировки, переполненный впечатлениями. Он очень любил Европу, путешествия всегда наполняли его энергией и радостью, которые со временем угасали, пока на горизонте не возникала возможность поехать куда-нибудь вновь. Он побывал в очаровательном итальянском городе, общался с передовыми дизайнерами, узнал много нового. Шукин был очень рад, что он ездит в эти поездки с коллегами, а не с супругой. Да, он всегда с восторгом рассказывал жене про свои рабочие командировки, но ему было куда удобнее путешествовать одному, жена была бы чем-то вроде родителя при подростке, она его стесняла. Ему хотелось быть свободнее, чем он чувствовал себя рядом с ней.

Художник, как и всегда, вез в чемодане сувенир для супруги, который, непременно, отведает и он сам – бутылку хорошего итальянского вина. Емельян возвращался домой в такси и мечтательно думал о том, куда его отправят в следующий раз. «Нет, однозначно легче любить Ксюшу на расстоянии. Если мы видимся редко, мы не успеваем надоест друг другу. Вот и теперь, я вернулся, может быть, всего на неделю, а потом снова умчусь куда-нибудь» – мечтал

художник. Очень бы хотелось в Рейкьявик. «Я намекну дяде, что в следующем месяце будет очень крупный конгресс в Исландии» – с улыбкой подумал Щукин.

Он вошел в квартиру и почувствовал, что с кухни доносится вкусный аромат. «Ксюша дома, она ждет меня, мы с ней сейчас выпьем вино», – пронеслось у него в голове.

Когда они с женой уселись за стол, девушка разложила в тарелки креветки, Щукин поставил на подоконник свой сувенир. От Емельяна, впрочем, не укрылось, что Ксения была как будто чем-то расстроена или взволнована. Художник подумал, что с таким лицом, какое было у его супруги, можно было объявить о нежеланной беременности, однако это вряд ли было возможным, близости между ними не было уже очень давно.

Художник рассказывал о своей поездке, а затем, видя, что его речи не слишком-то занимают супругу, спросил, наконец, серьезно, что же случилось.

– Емельян... Дорогой мой Емеля... Я не знаю, с чего начать. Впрочем, не буду ходить вокруг да около. Мы с тобой уже давно живем, как брат с сестрой... Ты же понимаешь, о чем я... Но, согласись, это не может продолжаться бесконечно. Я очень тепло отношусь к тебе, ты мой настоящий друг, ты мне, действительно, дорог, как брат. Но любви между нами не осталось... Давай разведемся.

Емельян в недоумении посмотрел на жену.

– Ксения, дорогая, что ты такое говоришь! Боже мой, тебя, наверное, очень расстраивает, что я вечно уезжаю в командировки? Какой же я идиот! Я все это время думал только о себе, я уезжал из Москвы, меня вечно не было дома. Ксюшенька, солнышко, прости меня, я больше никуда не уеду! Если хочешь, давай в следующую командировку мы поедем вместе! Давай вместе поедем в Исландию, а? – сказал страстно Емельян. Да, он и сам понимал, что любви между ними уже давно не было. Но была привычка, была привязанность. Щукин не готов был вот так просто отказаться от этой привязанности. Допустим, через полгода, но не сейчас! Сейчас об этом даже речи быть не могло, он был не готов к этому.

Ксения обняла Емельяна и сказала, что она вовсе не сердится и не обижается на него, ведь его вины тут нет. Прошла любовь – это самое главное, но они будут видеться, общаться, и свободно начинать новые отношения, заводить романы.

– Романы?! Неужели ты думаешь, что я завел роман?!

– Емельян, нет, это я завела роман.

Художник посмотрел на Ксюшу так, словно видел ее впервые в жизни.

– То есть ты хочешь сказать, что ты нашла себе другого, а меня собираешься бросить?

– Да, Емельян, поскольку между нами давно уже нет любви. А я полюбила.

– Ксения! – Щукин вскочил со стула и схватился за голову, – нет, Ксюша, это просто подло с твоей стороны! Я не верю! Я буду жаловаться! Я прямо сейчас пойду и пожалуюсь, знаешь кому? Арнольду, он найдет управу на твоего любовника, найдет, я знаю, – порывисто сказал Емельян. Ксения глядела на него с жалостью, сложа руки на груди.

– Ты думаешь, я шучу? Нисколько! Я пойду к Арнольду! Да-да, к Арнольду! И расскажу ему, какой ты оказалась!

– Да он и так все знает.

– Откуда? – удивленно хлопнул глазами художник.

– Емеля, ты даже не спросил, с кем у меня роман. Я ухожу к Арнольду.

Щукин, открыв рот, уселся на стул. Он не мог поверить, что его супруга оказалась такой вероломной, что она могла так поступить с ним. Он чувствовал себя несчастным, одиноким, использованным. Он-то, дурак, думал, что его отправляют в командировки, потому что он оказался лучшим из лучших, потому что он оправдал надежды Абаджваклии, а оказывается, это был лишь способ от него избавиться! Теперь ему стало понятно, почему дядя ни с того ни с сего вдруг вручил ему эту студию, будь она проклята! Немного остыв, Емельян осознал, что не испытывает настоящей ревности, а только лишь потрясение от того, что его привычный уклад

жизни должен измениться. Уже около полугода у них с Ксюшей не было близости, поскольку ни одному, ни второму этого не хотелось. Он понимал, что любви между ними уже не было, но все-таки это предательство. Вот так вот у него за спиной жена ему уже какое-то время изменяла, а при этом твердила, что боится Арнольда. Да, женщины, хитрые обманщицы, но Арнольд, от него художник не ожидал такого предательства. Но он знал, что этот человек мастерски играет чужими судьбами и управляет ими, как марионетками, и это было очередным тому доказательством.

– Ксения, если бы ты только знала, какого он мнения о женщинах. Этот человек не сделает тебя счастливой. Я не могу поверить, что ты уходишь к нему только из-за денег, мне кажется, что после стольких лет я все-таки знаю тебя. Ты не способна на брак по расчету, значит, ты полюбила его. Но неужели ты рассчитываешь на взаимность? Думаешь, он тебя любит? Да лапшу он тебе на уши вешает, а ты веришь! Послушай, Арнольд не может полюбить никого другого после того, как потерял свою первую жену, он сам это говорил, и не один раз. Ты очень скоро поймешь, какую ошибку ты совершила. Ксения, уходи к кому угодно, но только не к Арнольду, он сделает тебя несчастной, – неустанно твердил Емельян, пока Ксения заканчивала укладывать свои вещи, она только качала головой, но ничего не отвечала, она была тверда в своем решении.

Емельян решил, что ему надо пойти и поговорить с Арнольдом по-мужски. Он даже представлял себе, как бьет Арнольда. Шукин прекрасно понимал, что он во многом проигрывает Абаджваклии, и это выводило его из себя. Емельян подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. Что же, он молод, довольно красив, у него есть работа и прекрасная студия, и он с сегодняшнего дня совершенно свободен.

– Спасибо, конечно, что ты уходишь к Абаджваклии, а не к толстому Снегиреву, – усмехнулся Емельян. Он подошел к картине, которая стояла неподалеку от зеркала, взял ее в руки и долго смотрел на Ксюшин портрет, потом поставил ее лицом к стене. В голове у художника крутилось множество мыслей, среди которых две выделялись наиболее отчетливо. Первая – пойти поговорить с Арнольдом. Вторая была целиком и полностью заполнена прекрасным образом Адели Маслоу. «Что ж, если я теперь свободный человек, то мне никто не указ, могу делать, что хочу», – думал Емельян, наблюдая, как Ксения, вздыхая, собирает последние свои вещи и уезжает от него навсегда.

* * *

Емельян, естественно, не собирался вызывать дядю на дуэль, но он понимал, что в сложившейся ситуации имеет полное право прийти к обидчику и высказать свое мнение о случившемся. Более того, он считал, что просто обязан это сделать. Емельян был переполнен эмоциями, и уже видел, как он в сердцах говорит дяде: «Не нужны мне твои подачки! Забирай назад свою студию и квартиру, подавись ими! Как можно было так поступить, у собственного племянника увести жену! Да ты свинья, Арнольд!»

«Разлучник! Он никогда не будет счастлив», – думал художник, хотя в глубине души он чувствовал, что он сам уже давно не любит Ксюшу. Их связывала дружба и привычка, но никак не любовь. Ему бы не было так больно и обидно, если бы они расстались сами, без помощи Арнольда, но теперь Емеля чувствовал себя обманутым и униженным.

В тот же вечер после разговора с Ксенией художник вбежал в двери «Нефтьпрома». Когда его пропуск сработал на входе в здание, Емельян со злорадным удовольствием подумал, что его хотя бы не уволили, не выкинули на улицу в ту же минуту. Он, не замечая ничего вокруг, со всех ног помчался к лифту, поднялся на тринадцатый этаж и влетел в приемную Абаджваклии. Емельян опасался, что, может быть, в этот поздний час он уже не застанет дядю на рабочем месте, и ему придется копить в себе невысказанный гнев до завтрашнего утра. Однако

Арнольд все еще был у себя. Арнольд знал, когда племянник возвращается из командировки, и ждал, что Емельян придет. Нельзя сказать, что нефтяник испытывал угрызения совести – он был уверен, что они с Ксенией поступили правильно, ведь если любишь, надо отбрасывать прочь любые условности и спешить, чтобы как можно больше драгоценных минут провести вместе с любимым человеком. С другой стороны, ему было неловко перед племянником. Одно дело обманывать умных, равных тебе людей, совсем другое – вот такого безобидного дурачка, который уже успел ко всему прочему к тебе так привязаться. И к которому привязался сам Арнольд. Более того, Абаджваклия прекрасно понимал, что если бы не художник, то вряд ли бы он когда-либо познакомился с Ксюшей. В глубине души олигарх чувствовал себя почти обязанным племяннику.

Емельян спросил у секретарши, у себя ли Арнольд, и, получив положительный ответ, не спрашивая разрешения, решительно устремился к двери кабинета. Возмущенная наглостью молодого человека секретарша поднялась было со своего места и сердито спросила:

– Вас вызывали?

– Вызывали, – огрызнулся Емельян и вошел в кабинет. Только тогда он подумал, что Арнольд мог быть не один, у него могло быть совещание или гость, и каким бы дураком себя выставил вошедший, если бы вот так внезапно влетел в кабинет без стука, весь растрепанный и взволнованный. Но ему повезло, глава холдинга сидел один за письменным столом и с едва заметной ухмылкой выглянул из-за большого экрана компьютера, посмотрев на вошедшего.

– Здравствуй, Емельян, – не дожидаясь его слов начал Арнольд, – я знал, что ты придешь, я тебя ждал.

– А я вот не ждал, что ты окажешься такой сволочью! Разыскал меня, приласкал и – на тебе, удар под дых, нож в спину, как ты мог так поступить со мной, Арнольд? Нечего сказать, поступок, достойный глубоко верующего христианина. Арнольд, да сколько бы ты ни реставрировал церквей, тебе все равно гореть в аду, так и знай, – выкрикнул Емельян.

Нефтяник спокойно посмотрел на рассерженного гостя. Емельян растерянно уселся на диван, но тут же снова вскочил, он все еще не чувствовал удовлетворения, ему хотелось сказать что-нибудь такое, чтобы побольнее задеть Арнольда.

– Арнольд, ты же сам мне рассказывал, тогда в баре, когда пьяный был, как важно для тебя слово божье, что ты человек верующий, который нарушил все десять заповедей и теперь замаливает свои грехи. Мне кажется, что ты ни на шаг не приблизился к раю, Абаджваклия, так и знай, ты подлец и богохульник после того, что ты сделал.

Емельян ожидал и даже надеялся, что Арнольд станет оправдываться, защищаться или даже скажет ему какую-то гадость в ответ, уволит, кинет в него тяжелой пепельницей. Но Арнольд сидел, не шелохнувшись, и даже прикрыл глаза.

– Арнольд, ты слышишь меня или нет? – почти крикнул Щукин, пытаясь хоть как-то привлечь внимание этого надменного человека.

– Емельян, сядь рядом со мной, – сказал Арнольд спокойным, но очень твердым тоном.

– И не подумаю! – огрызнулся тот.

– Дорогой мой, пожалуйста, сделай то, о чем я прошу.

Щукин стоял в замешательстве, но затем все-таки взял стул, подумал было ударить ножкой стула по ноге Арнольда, но не решился, и громко поставил его на пол около Абаджваклии, а затем с размаху на него уселся, скрестив руки на груди и злобно глядя на своего оппонента.

– Слушаю вас, ваше императорское величество! Человек, который возомнил, что ему все можно! Который решил, что может играть чужими судьбами! Я слушаю тебя, о Великий, – язвительно проговорил художник.

– Человек, у которого увели жену, остынь немного, – примирительно отозвался Арнольд, снова прикрывая глаза.

– Арнольд, ты, по-моему, нарываешься!

– Ударить хочешь? Тогда по лицу, что ли, бей, но только не в бок и не в живот, сегодня ужасно болит поджелудочная, я себя отвратительно чувствую.

– Вот только не надо претворяться больным! Что за комедия, Арнольд?

– Я не претворяюсь, Емельян. Мне правда очень плохо, – спокойно с легкой усмешкой ответил он, – ты, может быть, думаешь, что если я олигарх, то я и здоровье могу купить. А вот не могу, к сожалению. Не продают такого еще.

– Здоровье купить не можешь, зато с изяществом уводишь чужих жен, – уже более спокойно, но снова о своем, начал Емельян.

– Перестань. Не обманывай самого себя, между вами давно все кончено, – тихо сказал Арнольд.

– Да как ты смеешь?

– Ты же сам прекрасно видишь, что ваша любовь уже прошла. Емельян, не будь собакой на сене. Ксения создана для меня, она любит меня, будь милостив, отпусти ее, дай нам быть счастливыми.

– Как будто просишь у меня разрешения, да ведь ты уже это сделал! Соблазнил ее, увел. Ксения сама не понимает, что делает, просто попала под твои... не знаю... чары, обаяние. Что ты ей наплел? Впрочем, нет, – Емельян решительно махнул рукой, – даже слышать не хочу.

– Мне, может быть, не так уж много осталось, друг мой, и эти последние годы я хочу побыть счастливым, еще раз. Ксения – особенная девушка, она ведь похожа на Акелу, понимаешь.

Щукин с недоверием поглядел на Арнольда – вот так артист. А с другой стороны, кто его знает, Емельян и раньше замечал, что иной раз Абаджваклии как будто больно нагнуться или даже просто сделать какое-то резкое движение. Может быть, в самом деле, он серьезно болен, и его дни сочтены?

Художник шел сюда с мыслью, что скажет, глядя дяде в глаза: «забирай квартиру, студию, мне они не нужны!» Теперь Емельян подумал, что это глупо, куда он пойдет без квартиры, без студии, эти привилегии он не хотел терять. Однако он сказал столько гадостей Арнольду, что не был уверен, что тот не уволит его и не прогонит прочь. Но Емельян надеялся, что каким бы бессовестным ни был Арнольд, он все-таки понимает, что поступил по-свински. А значит, есть вероятность, что Арнольд захочет загладить свою вину перед племянником. Ведь подарил же он ему студию именно из таких побуждений: стало совестно, что спит с чужой женой.

– И давно у вас роман? – потеряв всякое желание ссориться и слегка поникнув, спросил Щукин.

– С твоей первой командировки.

– В Париж? Ничего себе. Арнольд, но как же так? – Молодой человек глубоко вздохнул и, пододвинувшись ближе, внезапно положил голову на плечо дяде. Арнольд приобнял племянника за плечи.

– Все эти командировки были только ради того, чтобы Ксюша осталась одна?

– Не только. Я действительно считаю тебя одаренным, и если ты хочешь достичь высоких результатов, ты должен быть в курсе передовых достижений в своей сфере. Емельян, за тобой остается и твоя должность, и твое имущество. Произошедшее несколько не повлияет на твою карьеру, я надеюсь, что и мы с тобой останемся друзьями, ведь я тебя очень полюбил. Да и вы с Ксенией обязательно должны сохранить дружеские отношения, она любит тебя и переживает, что сделала тебе больно.

– Знал бы ты, как цинично звучат твои слова.

– Привыкай. Твой дядя – циничнейший из смертных.

Емельян усмехнулся, посмотрел на Арнольда. Абаджваклия улыбнулся. Племянник опустил голову и крепко обнял дядю. Щукин не испытывал к нему больше злости, ну любят они друг друга, пусть их. Рано или поздно Емельян и Ксения бы все равно расстались. Художник

испытывал теперь не злость и отвращение, а любовь и привязанность к дяде. Как умел тот располагать к себе людей, когда ему это было нужно!

– Дядя, скажу тебе, как есть. Ты ужасный человек, но я все равно очень тебя люблю, потому что второго Арнольда Абаджваклии нет и никогда не будет.

Июль 2015 года

Как только Емельян с Ксюшей оформили развод, была назначена дата свадьбы главы «Нефтьпрома». Журналисты тут же разузнали о готовящемся торжестве, и все СМИ пестрели яркими заголовками. «Моя попытка номер шесть». «Очередная Шахрезада для тысяча второй ночи». «Надо бы остановиться. Но не могу и не хочу». «У бензоколонки новая королева». Журналисты на все лады обыгрывали тот факт, что Ксения должна была стать уже шестой по счету женой богатейшего бизнесмена. Некоторые издания, стремясь угодить любопытным читателям, писали миллионы подробностей о предыдущих не столь удачных браках миллиардера. Арнольд сказал Ксюше, что он и сам видит свое сходство с Иваном Грозным, с которым его сравнивали как минимум в каждой второй газетенке. «Ты ведь знаешь, что первую жену царя убили. А это была его любимая жена, он души не чаял в красавице. И вот пожалуйста. Найдена в своих покоях бездыханная. С тех пор у Ивана Васильича и помутнело сознание. Начались зверства, опричнина, неоправданные жестокие выходки. Правда, Грозный и меня перешеголял. Он был женат восемь или девять раз. Но я, Ксюша, уже точно намерен остановиться на цифре шесть, так что можешь быть спокойна. И ведь русский царь на исходе своих дней тоже обратился к религии, тоже стал верующим и каялся в грехах. Вот в этом я тоже намерен взять с него пример. Великий был человек, много сделал для страны. Говорят, убил своего сына. Я ведь тоже в какой-то мере убил своего сына, вычеркнув из жизни Дамея». Абаджваклии были приятны сравнения с великими личностями, он и сам их поощрял. Ксюша сердилась и требовала, чтобы Арнольд прекратил не только сравнивать себя с Иваном Грозным, но и говорить о том, что ему недолго осталось. Она понимала, что работа на эту гигантскую нефтяную компанию высосала из Арнольда все соки, что она отнимает у него последние силы. Ксения предлагала ему разгрузить себя, переложить часть работы на других сотрудников и своих заместителей, отдохнуть. Она даже заикнулась было о том, что можно бросить «Нефтьпром», уехать куда-нибудь в глубинку, зажить спокойной, праведной, если он так хочет, жизнью. Но Арнольд не был готов так просто расстаться со своим детищем. Он относился к тому разряду людей, для которых всего губительнее было бездействие. Абаджваклия за пару лет состарился бы и превратился в немощного старика, если бы был лишен необходимости вести дела, предпринимать смелые шаги, рисковать и побеждать. Арнольду становилось жутко от мысли, что он утратит свое нынешнее могущество. Так что о пенсии не могло быть и речи. Но Ксения надеялась, что Арнольд согласится хотя бы после свадьбы отдохнуть некоторое время, может быть, даже куда-нибудь съездить. В «Нефтьпроме» у Арнольда был надежный помощник, его правая рука Сергей Каякин, на которого не страшно было временно возложить обязанности по управлению холдингом.

Арнольд и Ксения оба считали себя виноватыми перед Емельяном, но все же решили, что его тоже надо пригласить на их свадьбу. Правда, они не были уверены, что он согласится к ним приехать, и действительно, Емельян упрямо отказывался принимать приглашение, но ровно до тех пор, пока не узнал, что на празднике будет также Снегирев с семьей.

– Да, я тут подумал, я, наверное, все-таки приеду. Хочется с вами примириться более или менее, – сказал он. В его воображении возник образ роскошной Адели, этой восхитительной женщины, которую он то и дело вспоминал. Он подумал, что свадьба Арнольда – это его шанс, потому что где еще они смогут познакомиться поближе, как ни в такой непринужденной праздничной обстановке. Он мог предложить ей нарисовать ее портрет, мог вылепить ее скульптуру, а там слово за слово... Емельян был полон самых радужных надежд и, действительно, уже не

так переживал из-за того, что Ксения его бросила. Нет, разумеется, иногда он продолжал тосковать по ней, но в эти дни его спасало творчество, и он много рисовал. От Арнольда не укрылось, как искренне обрадовался племянник, узнав, что на свадьбе будет семья Снегирева. Сначала Арнольд предположил, что молодая дочка депутата, с которой Емельян танцевал тогда на корабле, стала причиной, по которой художник изменил свое решение, но позднее Арнольду пришло в голову, что это могла быть и сама Адель, поскольку жена депутата, действительно, была очень хороша собой.

* * *

Хотя репортеры уже кое-что разузнали, подробности о своей невесте Арнольд старался держать в строгом секрете. Это же все-таки не свадьба наследника британского престола. Арнольду не только не хотелось публичности, но и было бы неприятно, если бы имя его возлюбленной пачкали журналисты. Не хотели будущие супруги и какой-то особенной роскоши, они запланировали отметить свадьбу скромно (по меркам миллиардера) в небольшом кругу действительно дорогих для них людей. Арнольд и Ксения расписались десятого июля, на церемонии присутствовали всего несколько человек, никаких журналистов не было. Ксения была в белом платье, но до того скромном и нежном, что было сложно поверить, глядя на эту пару, что жених – один из самых богатых людей страны. Это был ее собственный выбор, который Арнольд полностью одобрил. Ксения никогда не любила кичливые и яркие вещи. Она была равнодушна к роскоши, она не переставала мечтать о том, как однажды ее любимый мужчина бросит свой холдинг, и они будут жить как обычные люди, много времени посвящая друг другу. После ЗАГСа супруги и гости отправились в Царицынский парк, чтобы прогуляться и сделать несколько фотографий. На одной из скамеек открыли шампанское, тем более что к участникам церемонии присоединились новые гости. Емельян любовался Ксенией, так красива она была в этот день, но он уже не испытывал ревности, его мысли были заняты супругой Снегирева, которая приехала на праздник в алом платье, тесно облегавшем ее соблазнительную фигуру. Емельян смотрел на ее мужа и никак не мог понять, почему тот так равнодушен к своей красавице. Художник думал, что если бы такая женщина принадлежала ему, он бы не упускал случая не только показать это другим, но и просто насладиться прикосновениями к знойному стройному телу. Емельяну хотелось коснуться ее аккуратно уложенных волос, хотелось целовать ее приоткрытое плечико, больше ни о чем во время прогулки он думать не мог. Когда разлили по бокалам шампанское, Емельян поспешил и первым передал бокал Адели, она приняла его с благодарной улыбкой. Художник надеялся, что вечером, когда все будут изрядно пьяны, ему будет легче флиртовать с красавицей, чем теперь, у всех на виду. Компанию сопровождал фотограф, его нашел лично Арнольд, этот фотограф был как будто его старым знакомым или даже родственником, в любом случае, это был человек, которому доверяли, поскольку молодожены не очень хотели бы, чтобы их фотографии просочились в Интернет или в СМИ. После прогулки по парку компания направилась в ресторан, расположенный на одной из центральных и старинных улиц Москвы. В ресторане гостей ждали изысканные закуски и блюда, новобрачные сами занимались выбором угощений. Нельзя было сказать, чтобы Арнольда интересовали все эти вещи – украшения, костюмы, блюда – но Ксения хотела, чтобы все было скромно и в то же время изыскано. Зал был оформлен празднично, но не было лент и воздушных шаров, оба молодожена сочли бы это ужасной пошлостью. Арнольд решил сделать приятный подарок своему племяннику, перед которым тем более считал себя виноватым, поэтому он попросил Емельяна оформить зал, выбрать на свой вкус освещение и даже музыку. Именно поэтому в этот вечер королем чувствовал себя не только Арнольд, но и художник Емельян. Если кто-либо из гостей говорил что-то об оформлении зала, он тут же оказывался рядом, как бы невзначай, вскользь, замечая, что это именно он занимался дизайном. Он надеялся, что эти сведения дей-

дут до Адели, которая вскружила ему голову. Емельян любовался Аделью, но никак не решался сделать первый шаг, тем более что красавица сидела за праздничным столом рядом со своим мужем. Художник не переставал удивляться, как равнодушен депутат к своей супруге. «Разве могла за годы совместной жизни приесться эта неземная красота?» – поражался он. Щукин заметил, что и Арнольд, сперва не отпускаявший Ксению из объятий, теперь, кажется, и вовсе про нее забыл и увлеченно беседовал с Вадимом. Емельяну было любопытно, о чем говорит с такой страстью в день своей свадьбы Арнольд Абаджваклия с другом-парламентарием. Емельян подошел поближе и устроился рядом с дядей. Он оказался совсем рядом с Аделью, и чувствовал, что эта женщина все сильнее волнует его своей красотой.

Емельян дружелюбно улыбнулся Ксении и прислушался к беседе мужчин.

– Арнольд, я тебе еще раз повторяю, – с жаром доказывал свою правоту подвыпивший Вадим, – я никогда не говорил, что СССР – это безупречная модель государства.

– Только что ты это сказал! – возражал Абаджваклия.

– Ты меня неправильно понял. Большевицкая революция была инициирована зарубежными странами. Их цель была не только в том, чтобы ослабить могущественную Российскую Империю. Арнольд, в Советском союзе была невероятно дешевая рабочая сила. При этом именно на территории Советского государства была сконцентрирована колоссальная часть общемировых запасов сырьевых ресурсов. Вот, казалось бы, народ, который живет на такой богатой ресурсами территории, должен жить лучше всех остальных. Но нет! Именно в советском обществе, где якобы никто никого не эксплуатировал, и была самая грубая эксплуатация!

– Согласен, – закивал Абаджваклия, – так называемые развитые страны разжигались за счет СССР. Сырьевые ресурсы, принадлежавшие советским гражданам, удовлетворяли нужды других народов. Трудовой народ работал, не разгибал спины, получал копейки за свои усилия, а все те деньги, которые реально зарабатывал простой «человек труда», уходили за рубеж.

– Их получала тамошняя мафия, – с уверенностью заявил Снегирев и ударил кулаком по столу, звякнули тарелки.

– Ага, такие же мафиози, как я, – рассмеялся Арнольд, – с этим, дорогой мой друг, ничего не поделаешь, – развел руками олигарх, – так устроен мир. Именно такова воля Вселенной. Вспомни Ветхий Завет – даже у Авраама, самого приближенного к Богу из всех людей, были рабы. То, что ты считаешь несправедливостью, Вадик, старо как мир! И быть иначе просто не может. На всех ресурсов не хватает, а выживает только сильнейший.

– Нет же, Арнольд, ты неправ, – не соглашался Вадим, – я верю в Человека. И именно Человек решает, в каком мире ему жить. Если бы ты, Нольда, с твоими-то богатствами, проникся бы моими взглядами! Сама по себе идея справедливого общества с опорой на социалистический подход глубока и имеет перспективы. Только тут нужно сделать акцент не на отказ от собственности, а на разумный подход к распределению денег и ресурсов. Справедливый, благородный, патриотичный предприниматель, будучи собственником производства, не станет присваивать всю прибыль себе. Он будет платить своим наемным работникам столько же, сколько получает сам. Ведь он же будет понимать, что его прибыли всецело зависят от усилий сотрудников предприятия, а значит, они ничуть не в меньшей степени заслуживают вознаграждения за труд!

– Снегирь, покажи мне хотя бы одного такого предпринимателя. Тебе, наверное, этот альтруист приснился!

– Нет же, Арнольд, я знаю таких людей. И я уверен, что в самое ближайшее время предпринимателей, использующих озвученный мною подход, будет все больше! Ведь Человек, величайшее творение Вселенной, не только умен, но и наделен сердцем! Я убежден, что однажды наступит тот день, когда никто не будет никого эксплуатировать!

– Снегирев, ты перестанешь, наконец, эксплуатировать уши своих соседей? Ты, наверное, забылся, дорогой мой. Ты сейчас не в Думе, а на свадьбе, – не выдержала Адель, – пойдем лучше потанцуем.

Емельян испытал некоторую ревность, увидав, как Маслоу нежно погладила Снегирева по животу. Но и весь этот диалог очень удивил племянника олигарха. Он, безусловно, догадывался, что некоторых людей глубоко занимает история, «судьбы родины» и все в таком духе, но чтобы с таким увлечением обсуждать это все во время свадебных торжеств. Емельян вспомнил, что и на новый год Арнольд и его друг-депутат обсуждали что-то подобное. Щукин отдавал себе отчет в том, что он сам не такого высокого полета птица, чтобы все свои мысли устремлять к судьбам мира. С другой стороны, даже человеку, не разбиравшемуся в этих вопросах, слова Снегирева казались наивными, слова Арнольда – черствыми. И какие бы умные речи они ни вели, Емельян не сомневался, что оба собеседника – далеко не самые честные и порядочные из людей. А вот он сам, простой художник, всегда был честен и жил в ладах с законом. Хотя да, может быть он и не так умен, но он порядочный. Щукин поражался, как можно было вести такие серьезные скучные беседы, когда рядом были прекрасные дамы, которые требовали к себе внимания. Но неужели Адель сейчас уйдет танцевать со своим мужем-демагогом?

– Адель, дорогая! Я так наелся, что не смогу встать, – отозвался Вадик, явно не желая прерывать беседу с Абаджваклией.

– Обжора! Сколько можно сидеть! Я хочу танцевать, – не унималась Маслоу.

– Солнышко, я, правда, объелся. Но ты можешь потанцевать с Емельяном, – предложил Вадим.

Щукин подумал, что иной раз этот упитанный демагог говорит дельные вещи. Емеля тут же вскочил со своего места и пригласил красавицу на танец, она с улыбкой подала ему руку.

– Вы сегодня просто обворожительны, впрочем, как и всегда, – начал Емельян с банальнейшего комплимента, который, впрочем, звучал очень мило в устах симпатичного молодого человека.

– Что вы, спасибо. Может быть, перейдем на «ты»?

– С большим удовольствием, Адель. Ты знаешь, что ты – само совершенство? – продолжал Емельян.

Адель снисходительно рассмеялась, ей были приятны комплименты и ухаживания молодого человека. Прежде у нее однажды уже был роман на стороне, о котором ее супруг не догадывался. Она была чувственной красивой женщиной и вызывала желание. Однако она не относилась к прежнему любовнику серьезно. Как ни странно, но она по-настоящему любила только Вадика, хотя это была в большей степени духовная связь, дружба. Пожалуй, это можно было даже назвать родством душ. Физического же влечения к мужу Адель не испытывала уже довольно давно, да и сам Вадик со своей стороны тоже давно не проявлял никакой инициативы. В их семейном счастье это был единственный недостающий элемент, который Адель восполняла на стороне.

Песня закончилась, и Емельян вынужден был с разочарованием выпустить Адель из объятий. Она томно посмотрела на художника и сказала, что выйдет покурить. Емельян, немного подождав, направился за нею вслед. Адель стояла одна и задумчиво выдыхала дым тонкой сигареты, она понимала, что Емельяну очень далеко до тех мужчин, которыми она обычно была окружена, а тем более до ее собственного мужа, однако, ее привлекали пылкость, чувственность и молодость художника. Емельян осмелился приобнять ее, а потом и поцеловать в губы, Адель не только не противилась, но и нежно ответила на поцелуй.

Июль – ноябрь 2015 года

С этого момента жена депутата и художник стали тайно встречаться. Оказалось, что у них довольно много общего: оба страстно любили театр, интересовались искусством. Они ходили

вместе на спектакли, нисколько не опасаясь, что их может кто-то заподозрить, ведь всегда можно было сказать, что они встретились случайно, да и не было ничего предосудительного в том, что два человека имеют одинаковые интересы. Адель знала, что Вадим настолько ей доверяет, что не заподозрит абсолютно ничего, если только сам не станет непосредственным свидетелем измены. Любовники становились все менее и менее осторожными и в какой-то момент настолько поддались своим чувствам, что Емельян стал приходить к Адели прямо домой. Оба знали, что Вадим пропадает на работе целыми днями, дети были на занятиях, и казалось, что никто не мог их потревожить. Однажды, это произошло в конце ноября, Вадиму понадобилось вернуться домой в обеденный перерыв за документами, которые он забыл взять, поскольку утром он проспал и собирался второпях. Он открыл дверь своим ключом, зашел в квартиру и озадаченный замер в коридоре: на вешалке висела мужская крутка, а на полу стояли ботинки, вещи не принадлежали ни одному из его сыновей, хотя Вадя и не был уверен, что знает на сто процентов гардероб своих домочадцев. Однако вызвавшая подозрение одежда принадлежала парню постарше, чем его собственные сыновья. Снегирев думал, что дома вообще никого не должно быть в это время, Адель собиралась ехать по делам в свой Фонд. Вадя сначала подумал, что его старшая дочь прогуливает занятия и пригласила в гости своего ухажера, эта мысль была спасительной, поскольку Вадиму очень не хотелось подозревать свою жену. В комнате, в их с Аделью супружеской спальне, послышалось копошение и суета, кто-то шептался.

– Адель? – позвал Вадим и почувствовал, что голос его дрогнул. Выглянула растерянная и испуганная его жена, она выскользнула из комнаты и затворила за собой дверь. Она была в халатике, который едва скрывал ее обнаженное тело.

– Вадим, ты здесь? Что случилось? – спросила она, не зная, что делать.

– Кто там у тебя? – спросил Вадим серьезно и как-то обреченно. Он так верил ей, Адель была для него лучшим и настоящим другом, и предательства с ее стороны он никак не ожидал.

– Вадя... Я могу объяснить, – ответила Адель.

– Не надо мне ничего объяснять! Кто там у тебя в комнате? – Вадя решительно направился к двери, отстранил жену и открыл дверь. На него испуганно смотрел стоявший у окна Емельян Щукин.

– Вадим, подожди, Емельян приехал, потому что я попросила его, я хотела, чтобы он меня нарисовал, в таком вот, – она указала на свой халатик, – в таком вот домашнем... Это совсем не то, что ты подумал.

– Нарисовать? – переспросил Вадя, глядя при этом на Емельяна, тот энергично закивал головой.

– И где же тогда мольберт, краски, кисточки и что там еще, а, художник?

Емельян потупился, не зная, что сказать, он в надежде глянул на Адель, надеясь, что она снова вступится за него, но Адель смотрела на Вадю. Она поняла в эту минуту, насколько дороже ей был ее муж, чем этот мальчишка, до нее дошло, как ужасно предала она доверие этого доброго и честного человека, у нее на глаза навернулись слезы.

– Вадя, прости меня, Вадя... – робко позвала она, но Вадим уже не слушал, он стремительно выбежал из комнаты, через секунду со стуком захлопнулась входная дверь.

Адель опустилась на диван и горько заплакала, Емельян хотел было ее утешить, но она с раздражением оттолкнула его.

– Как я могла предать этого святого человека! – воскликнула она, – и ради чего?

Емельян выглядел обиженным, вот значит, насколько ценила его возлюбленная. Ему сейчас стало очевидно, что отношение мужа к Адели было для нее намного важнее романа с художником, что Вадима она действительно уважала, а вот его самого – нет. Емельян торопливо собрался и ушел, выходя из дома, он осторожно огляделся по сторонам, он опасался, что Вадим может его поджидать где-нибудь, чтобы расквитаться, но его нигде не было видно. Емельян обернулся и посмотрел на окно спальни, никто не выглянул.

Вторая половина ноября 2015 года

На следующий день после этого неприятного инцидента Емельян пришел на работу в плохом настроении. Он уже год работал в отделе дизайна и рекламы в «Нефтьпроме», и печаль накрыла его не только из-за конфуза с Аделью. Емельян в который раз поймал себя на мысли, что снова занимается чем-то не тем, тратит свою жизнь впустую. Сначала он был очень воодушевлен, первые месяцы Арнольд постоянно отправлял его на разные форумы и конгрессы, но постепенно художник и здесь начал чувствовать некоторое разочарование. Ему казалось, что его талант дядя не ценит, ведь тот, посылая его в командировки, руководствовался отнюдь не стремлением развить художественное дарование племянника. Все эти поездки организовывались только для того, чтобы муж не мешался под ногами, пока нефтяник ухаживал за его супругой.

Емельян понял, что дизайнер и художник – это совершенно разные вещи. Да, работать в крупном холдинге дизайнером было престижно, однако молодой человек все чаще ловил себя на мысли, что настоящее счастье ему способна принести лишь работа художника, который не технические задания выполняет, а пишет то, что льется из его души, из его сердца. Когда работа перестала его удовлетворять, Емельян начал работать хуже и все чаще позволял себе приходить с опозданием. А иной раз он и вовсе прогуливал работу, рассчитывая, что дядя будет закрывать глаза на эти проступки племянника. Не далее, чем вчера, Емельян на рабочем месте не появлялся, потому что был у Адели. А сейчас он пришел на работу в расстроенных чувствах и тут же узнал, что его вызывает к себе Абаджваклия. Щукин испугался, что речь пойдет о том, что случилось в квартире у Снегиревых. Впрочем, зайдя в кабинет руководителя холдинга, Щукин по взгляду дяди догадался, что тот не в курсе его любовных похождения, и что речь пойдет совсем о другом.

– Емельян, я дал тебе еще один шанс: попробоваться на другом посту. Но, по-моему, ты просто не хочешь работать.

– Дядя, я понял, что я... – Емельян замялся, – я в большей степени вольный художник, чем дизайнер. Мне больше нравится творить то, что я чувствую своей душой, а не выполнять задания...

– Тебя никто тут силой не держит. Если не нравится, уходи, – отпив чай, отрезал глава «Нефтьпрома».

Емельян захлопал глазами и с тревогой посмотрел на Абаджваклию.

– Емельян, ты уже взрослый человек, пора научиться принимать решения и нести за них ответственность! Да, квартиру я у тебя заберу, если ты уйдешь из холдинга. Но ты и на улице ведь не останешься, у тебя есть студия на крыше дома, в которой можно жить. Насколько я знаю, ты и так сейчас живешь в студии. Решай сам. Но учти. Я не готов терпеть такого неорганизованного человека в числе моих подчиненных, даже если этот человек мой племянник. Ни дисциплины, ни ответственности. У меня нет ни одного сотрудника, который бы так безответственно относился к своим обязанностям. Ты можешь вспомнить хоть один день, чтобы я пропустил работу? Нет? Я тоже такого не помню. А ты за эти полтора года, что работаешь у меня, уже раз двадцать куда-то отпрашивался, а еще раз пятьдесят вообще не являлся без объяснения причины. «Нефтьпром» – не та организация, где подобное поведение может сойти с рук, хотя такое не должно сходиться с рук нигде. Поэтому, если ты хочешь остаться, ты должен стать ответственным и дисциплинированным. Подумай неделю и скажи мне, продолжаешь ли ты работать у меня или ты увольняешься.

Емельян пришел в смятение после этой беседы. Прежде он надеялся, что Арнольд к нему всегда будет относиться снисходительно, дарить ему подарки и платить зарплату за красивые глаза, будет сквозь пальцы смотреть на его прогулы. Теперь получалось, что несмотря на род-

ственные связи от него требовали того же, что и от других сотрудников холдинга. Работать кое-как спустя рукава под боком у Арнольда не получится.

По-настоящему Емельяна в «Нефтьпроме» держало только одно – зарплата. За год работы в рекламно-дизайнерском отделе художнику уже удалось скопить кое-какую сумму. Но, не смотря на хороший доход, он каждый день чувствовал, что время, которое можно было бы использовать для творчества, он тратит на вещи, которые ему абсолютно безразличны. Прав был Арнольд и в отношении дисциплины. Емельян и сам ощущал, что он не создан для офисной работы: он просто не мог с девяти до восемнадцати сидеть в офисе. Молодого человека постоянно тяготило, что он не мог заниматься тем, чем ему хочется. Дизайн только казался творческой сферой, а на практике все сводилось к рутинному выполнению поставленных задач. Коллеги его недолюбливали, он так толком ни с кем и не сошелся за все время работы в отделе, его непосредственный начальник был с ним строг и тоже не любил его из-за того, что Емелью тут держали только по прихоти Арнольда.

Емельян всю жизнь мечтал о художественной студии, и вот, Арнольд, словно угадав его желание, подарил ему этот волшебный мир с окном во всю стену. И хотя Емелья был уверен, что Арнольд этим подарком просто заглаживает вину перед племянником, у которого он увел жену, Шукин ни за что бы не согласился расстаться с этой прекрасной мастерской. Но график работы практически не позволял художнику использовать студию по назначению и творить в ней. У него просто не оставалось на это времени и сил. А как здорово было бы днями напролет писать там картины. Емельян мечтал, что он мог бы нарисовать все то, что открывается его внутреннему взору. Он рисовал бы портреты и пейзажи, исторические сюжеты и современные абстракции, творил бы в жанре импрессионизма и беспредметной живописи, иногда возвышаясь до сюрреализма. В конце концов, Емельяну удалось убедить себя, что не в деньгах счастье, ведь даже дядя-олигарх то и дело твердил об этом. Надо было делать выбор в пользу творчества, в пользу искусства, а не в пользу монотонной офисной работы, пусть она и осуществляется с использованием графических редакторов, создающих лишь иллюзию творческой работы.

Емельян боялся лишиться стабильного заработка, уйдя из «Нефтьпрома», но с другой стороны, у него же были кое-какие накопления. К тому же он верил, что в случае крайней нужды Арнольд не оставит его без помощи. «Ведь дядя же оценил мой талант. Этим разговором он сам дал мне понять, что я не должен тратить время в офисе, а вместо этого мне нужно, наконец, заняться искусством по-настоящему. Я буду организовывать выставки и продавать картины. В случае чего Арнольд проспонсирует мои первые выставки, а потом, когда я стану знаменит, мне уже ничего больше не придется просить у дяди». Наконец, Емельяну удалось убедить себя, что ничего страшного не случится, если он покинет «Нефтьпром» и, наконец, займется тем, о чем всегда мечтал.

* * *

Через неделю Арнольд с улыбкой выслушал слова племянника, который объяснял, почему он не может продолжать работу в «Нефтьпроме».

– Скажу честно, я не понимаю твой выбор, но я уважаю его, поскольку ты сделал его сам. Ценю это. Да, я с большим удовольствием организую твою выставку, о которой ты упомянул. Как раз, проведешь мне экскурсию, расскажешь что-нибудь про живопись. Откровенно говоря, в вопросе изобразительного искусства я – абсолютный ноль.

Емельян испытывал огромное облегчение и был счастлив, он понимал, что вот теперь-то, именно сейчас, и начинается по-настоящему новый этап в его жизни. Он ощутил настоящее блаженство, когда стало понятно, что Абаджваклия одобряет его решение уйти из холдинга и заняться творчеством, ни на что не отвлекаясь. Но Арнольд не торопился отпустить племянника из своего кабинета, где они по традиции пили чай со сладостями.

– Мы с Ксенией собираемся переехать в особняк на Пятницкой, – жуя пирожное, поведал нефтяник, – приезжай к нам в гости как-нибудь, пока мы не уехали. Столько хлама там всякого, мы никак не разгребем. Приезжай, ты нам очень поможешь, если заберешь какие-то вещи себе.

Емельян с удовольствием принял это приглашение. Ему представилось, что в квартире, которую Абаджваклия намеревается покинуть, пылится море антиквариата. Шукин подумал, что все эти почти музейные экспонаты можно было бы использовать в качестве моделей в студии и на выставках. Художник прикупил свежих пирожных и в конце рабочего дня уселся в машину к Арнольду. Он считал, что приходить с пустыми руками будет невежливо, а пирожные еще никогда никому не мешали.

Ксения открыла дверь пришедшим. Емельян заметил, что она не только помогла Арнольду снять пальто, но села на корточки и сняла олигарху ботинки. Шукин удивленно поглядел на бывшую супругу.

– Сервис, – прокомментировал с самодовольной улыбкой Абаджваклия. Ксения, подвинув мужу тапочки, встала, отвесила Арнольду легонький подзатыльник и сказала Емельяну: – ты не подумай, Нольде просто нельзя нагибаться.

Рассмотрев квартиру олигарха, Шукин был очень удивлен: никакого антиквариата тут не было. Вся обстановка и ремонт были выполнены в стиле пост-модерн: стены были выкрашены в светлые тона, а мебель была современная и стильная, без единого намека на старину. В центральной части гостиной внимание привлекал большой белый диван. Ксюша позвала мужчин на кухню, где уже был накрыт ужин. Емельян поставил на стол пирожные и обратил внимание, что Абаджваклии супруга подала паровые котлеты с гречкой, а себе и художнику положила по кусочку жареной курицы. Шукин догадывался, что это необходимость, вызванная состоянием здоровья Арнольда.

После ужина нефтяник ушел в свой домашний кабинет, чтобы сделать какой-то важный звонок. Емельяну не очень хотелось оставаться с Ксенией наедине, они все еще ощущали неловкость в компании друг друга. Емельян пошел прогуляться по обширной квартире олигарха, и случайно наткнулся на гардеробную, которая по размерам была чуть меньше обычной жилой комнаты, она вся была занята вешалками с одеждой. Емельян удивленно залюбовался разнообразием костюмов: прежде он даже представить себе не мог, что у Абаджваклии такое количество одежды. В магазине и то меньше выбор. Одних только пальто здесь было больше двадцати. При этом Шукин готов был поклясться, что за эти полтора года он видел у дяди буквально два-три пальто.

– Я сюда никогда и не заглядываю, – сообщил Арнольд, внезапно появившийся в гардеробной, – поэтому если тебе тут что-нибудь приглянулось, забирай.

– Дядя... столько одежды, но ты, получается, это все и не носишь? – не выдержал Емельян, глядя на вешалки.

– А я тебе скажу, откуда это берется. Веду я женщину в магазин. И начинается «а давай мы и тебе что-нибудь купим». Ну, давай и мне. Вот так и накопилось все это барахло.

– Это скольких же женщин нужно было сводить в магазин, чтобы накопить такую коллекцию? – рассмеялся Шукин.

– Дорогой мой, я тебе больше того скажу. Женщины, которых я водил в магазин, составляют лишь малую часть от тех женщин, которые были в моей жизни... Забирай все, что понравится.

Емельян недоверчиво на него покосился, а затем примерил несколько костюмов. Больше всего ему подошло песочного цвета пальто, почти такое же, в котором Арнольд был сегодня. Пальто село по фигуре, и художник решил забрать его себе. Арнольд не был против, он с нежностью отметил, как похож Емельян на него самого, только племянник был такой наивный, неиспорченный. Впоследствии Шукин узнал от Ксюши, что одежда, висевшая в гардеробной комнате, принадлежала по большей части не самому Арнольду, а его пасынку Дамею, сбежав-

шему с балканским дипломатом за границу. По всей видимости, Арнольд просто не хотел говорить на эту тему и предпочел отшутиться.

Декабрь 2015 года

Мир готовился к встрече 2016 года. Во многих организациях проводили корпоративы, не были исключением и государственные органы, например, Государственная дума, где работал Вадим Снегирев. Обычно он одним из первых убегал с корпоратива домой, потому что там его ждала семья, ждала любимая супруга. Но в этом году все было иначе. Узнав, что Адель изменяет ему, Вадим почувствовал себя обманутым, он не мог простить супруге это предательство. Вадим был ранен ее поступком, разочарован, теперь его совершенно не тянуло домой. Возвращаясь вечером с работы, он молча шел в свой домашний кабинет, где и устраивался на ночлег. Вадим не подавал на развод, он очень любил Адель и верил, что через несколько месяцев он сумеет простить супруге измену, и они, может быть, снова смогут общаться как прежде. Но пока о примирении не могло быть и речи.

На улице лежал снег, город был украшен новогодними елками и огоньками. Царила атмосфера праздника, хотелось верить в чудеса. В день, когда в Думе проводили корпоратив, Вадим и его коллеги к назначенному часу подтягивались в конференц-зал, где шли активные приготовления к новому торжеству. Праздничная программа держалась в секрете, но ходили слухи, что приедут даже какие-то звезды. Снегирев пребывал в лирическом настроении, ему как никогда хотелось чего-то нового, все располагало к тому, чтобы верить в те самые новогодние чудеса.

Вадим и его хороший приятель Игорь Игнатьев, который состоял в другой политической партии, пришли в зал одними из первых. Многие парламентарии сначала отмечали наступающий новый год в своих кабинетах, куда пригласили друзей-однопартийцев. Ни Вадим, ни Игорь не могли пригласить друг друга на такое вот празднование в свою компанию, поскольку они были представителями различных политических течений, а представители какой-то одной партии не слишком хотели видеть на своих кабинетных застольях представителей других партий. Поэтому Игорь и Вадим сначала немного отметили каждый в рамках своей фракции, а затем устремились в конференц-зал, чтобы пообщаться. К тому же те, кто пришли первыми, могли занять самые лучшие места поближе к сцене, а значит, как следует рассмотреть приглашенных звезд.

В конференц-зале красовалась большая ель, украшенная гирляндами и огоньками, вдоль трибуны стояли столы, сервированные новогодними напитками и закуской. Разумеется, в зале уже было человек тридцать, которые расположились вблизи столов с угощениями.

Вадим и Игорь взяли по бокалу шампанского и уселись в первом ряду. У Снегирева и Игнатьева была договоренность: вне рабочих мероприятий они никогда не обсуждали политику. Еще бы, по многим вопросам в этой сфере у них были противоположные точки зрения, они не хотели лишнего раз ссориться и спорить, ведь оба понимали, что каждый останется при своем мнении, какие бы аргументированные доводы ни приводил собеседник.

Однако им было, что обсудить, они приятельствовали уже не первый год. К тому же их дочери были почти ровесницами.

– Как твоя Юлия поживает? Она у тебя та еще сорви-голова, – очищая мандарин, спросил Снегирев коллегу.

– Да, Вадим, ты прав. Ох уж этот переходный возраст! Раньше она меня только на словах обвиняла. Ну, я рассказывал, она связалась с компанией оппозиционно настроенных подростков... Не знаю, другая бы, наверное, гордилась, что ее отец – депутат, а моя дочь, знаешь ли, как будто даже стыдится что ли. Нет, с одной стороны, пожалуйста, это твой выбор – не хочешь пользоваться «нечестно» заработанными деньгами отца – не пользуйся. Только вот деньгами она как раз моими сорит только так. И при этом что ни день, говорит мне гадости. Причем это

все еще ладно, я понимаю, что многие дети в восемнадцать лет хамят родителям. Это мы и сами проходили, кто не был подростком. Но она ведь учится на режиссера, и им на дом задали снять короткометражный фильм. Ну, Юлька, разумеется, вызвалась снять остросоциальный сюжет, про нашу российскую действительность, так сказать... Постыдилась бы мне демонстрировать такое! Вадим, не знаю, веришь или нет. В ее фильме героиня – дочь депутата. Она, разумеется, не согласна с политикой, которую проводит правящая элита, ненавидит своего отца. И вот, эта героиня в каких-то оппозиционных кругах знакомится с парнем, тоже, разумеется, оппозиционером. И они, ни много ни мало, убивают ее отца, депутата. Как тебе такой поворот сюжета, а? Я с ней после этого перестал разговаривать. Мне даже жалко, что я ей наперед всю учебу оплатил. Больше ни копейки ей не дам.

Вадим от души смеялся, слушая рассказ Игнатьева.

– Она у тебя с юмором... с черным!

Игнатьев устало вздохнул и отпил шампанского.

Тем временем конференц-зал уже почти полностью заполнился депутатами, приближалось обещанное выступление. Яркие лампы погасли, сейчас основное внимание зрителей привлекала освещенная прожекторами сцена, где с минуты на минуту должен был кто-то появиться.

– Как думаешь, кто к нам приехал? Дедушка Мороз? – спросил Игорь.

– Пусть, но только чтобы непременно со Снегурочкой! – усмехнулся Вадик.

Заиграла музыка, это было вступление к знаменитой оперной арии. У Вадима перехватило дыхание: он видел в театре эту оперу, и эту арию на сцене исполняла певица, которая ему очень понравилась. Чем черт не шутит... Вдруг именно она, Татьяна Александрова, приехала сегодня выступить перед депутатами? А ведь однажды Вадима уже столкнула судьба с этой удивительной женщиной, но при таких обстоятельствах, что они даже и словом не смогли обмолвиться. Обстановка тогда никак не располагала к флирту, но Вадя помнил обаятельную Татьяну и с тех пор тайно грезил о встрече с ней.

Снегирев на мгновение закрыл глаза, открыл и онемел от восторга: на сцене появилась та самая исполнительница. Миловидная стройная блондинка с очень ухоженными и нежными ручками и красивой длинной шеей. Она двигалась легко и изящно, все ее движения были выверенными, отточенными и невероятно притягательными. Она была знаменита среди поклонников оперы, и ее часто приглашали выступить на разных мероприятиях. Вадим отставил бокал из-под шампанского и во все глаза следил за певицей. Он чувствовал, как забилося сердце в груди, как стало жарко. Но не может же быть, чтобы она просто спела и ушла. Ведь такое бывает, наверное, раз в жизни. Он тут без супруги, никто ему слова не скажет, если после выступления он подойдет к певице и выразит свой восторг ее талантом. Новогодний корпоратив – куда более подходящий повод, чем наша предыдущая встреча. Вадим огляделся. На накрытых столах почти не осталось еды, однако в вазах стояли цветы. Отлично. Найти бы только подходящий момент, а то сейчас споет и исчезнет. Вадим сидел как на иголках. Татьяна допела арию. Вадим был готов вскочить с места и мчаться на сцену. Но он прекрасно понимал, что в зале сидели еще четыреста сорок девять его коллег, и не был уверен, что раскрывать на виду у всех свои чувства будет уместно.

– С наступающим Новым годом! Счастья, здоровья, любви! – сказала сладким голосом со сцены певица, – а теперь, кто хочет спеть со мной?

Вадим не помнил, как вскочил с места. Пробегая мимо столов, он схватил букет из вазы, и через мгновение уже оказался на сцене. Он протянул Татьяне букет, взял ее руку и поцеловал.

– Благодарю, – кокетливо улыбаясь, сказала Татьяна Александрова и положила букет на сцену, – а теперь поем вместе! – затем она убрала микрофон от лица и сказала Вадиму: на стене будет транслироваться текст песни, так что подсматривайте.

Заиграла мелодия песни про снег, который, кружась, «заметает все, что было до тебя».

Наверное, Вадим пел отвратительно, ведь он никогда не учился музыке, хотя и частенько пел в караоке в ресторанах, что было предметом многочисленных шуток в среде его самых близких знакомых. Однако ему было все равно, что подумают коллеги. В конце концов, Татьяна сама пригласила на сцену «кого-нибудь». Гораздо больше его волновало, какое впечатление он произвел на певицу, и произвел ли вообще. Может быть, она даже его помнит. Во всяком случае, Вадиму казалось, что во взгляде Татьяны читался вопрос «где я вас видела?».

Когда в песне начался проигрыш, Вадим шепнул девушке: «Татьяна, я видел все оперы с вашим участием! Вы – само совершенство! В нашу прошлую встречу обстоятельства не позволили мне выразить свой восторг вашему таланту!»

Певица заулыбалась, и, как показалось Снегиреву, даже покраснела. Но вот песня закончилась.

– Кто еще споет со мной? – спросила исполнительница, обращаясь к залу.

– Разве нам нужен кто-то еще? – без микрофона спросил Вадя. Татьяна засмеялась.

– Мне подсказывают, что вторую песню мы снова споем вместе! Вместе с... Как вас зовут?

– Вадим.

– Вместе с нашим замечательным Вадимом!

Снегирев сам покраснел. Как приятно было это слышать из уст Татьяны, как приятно было стать «нашим замечательным Вадимом». Впрочем, депутат понимал, что на его месте мог быть любой другой парламентарий, кто бы ни вышел на сцену. Но Вадим должен был приложить все усилия, чтобы певица выделила его из толпы.

– Мы споем песню из всеми любимой новогодней комедии «Ирония судьбы или с легким паром!» – объявила Татьяна Александрова.

На стене за спинами зрителей высвечивались слова, и Вадик, справляясь еще хуже, чем с кружащимся снегом, подхватывал «думайте сами, решайте сами». Хотя пение ему не давалось, он очень галантно приобнял Татьяну за талию, и она приняла это как должное. Вадим понимал, что спешить, как говорится, – людей насмешить, однако с другой стороны, второго шанса у него не будет. Поэтому во время очередного музыкального проигрыша Вадим спросил Татьяну, чем она занята сегодня вечером. Девушка смутилась и, похоже, этот вопрос ее несколько не оскорбил, а только смутил. А Вадя, понимая, что идет ва-банк, продолжил. «Пожалуйста, не уходите после того, как закончите петь. Подходите к накрытым столам, мы вас угостим».

Вновь начался куплет, и продолжить диалог было уже нельзя. Вадим подумал, что надо было сразу назначать свидание «ровно в семь у Мавзолея», например. Потому что теперь, если Татьяна останется с парламентариями после выступления, то велика вероятность, что пофлиртовать с красавицей захотят и другие мужчины. А Вадим понимал, что среди его коллег могут найтись и более бойкие депутаты, а среди них – еще и более стройные, чем Снегирев.

Окончилась вторая песня, и приличие требовало, чтобы Вадим, наконец, вернулся в зрительный зал. Скрепя сердце, он так и поступил, предварительно приобняв Татьяну и галантно поцеловав ее в щечку.

Татьяна начала петь еще одну оперную арию, когда Вадим вернулся в свое кресло.

– Не ожидал от тебя, Снегирь, – громким шепотом удивленно прокомментировал Игорь.

– Это моя знакомая, – отозвался ошалевший от чувств Вадик.

– Ааа... Знакомая, говоришь? Насколько близко знакомая?

– Перестань! – смущенно отмахнулся Вадим.

Игорь усмехнулся и слегка толкнул соседа локтем. Понятно, мол, все с тобой.

После того, как все запланированные композиции были исполнены, Татьяна мгновение колебалась, принять ли приглашение Вадима или уйти за кулисы. Она, наконец, вспомнила, где видела этого симпатичного толстяка: на похоронах собственного дяди, доктора химических наук. Буквально месяц назад пожилой ученый скончался, и в последний путь его прово-

жали не только родственники и коллеги, но и ученики. Вадим в свое время начинал учиться в аспирантуре у этого профессора, и хотя аспирантуру не окончил, но со своим руководителем сохранил приятельские отношения. Поэтому посчитал должным почтить память своего учителя, побывав на его похоронах. Вадим был удивлен, обнаружив среди скорбящих Татьяну Александрову, известную оперную певицу. Они даже перебросились парой слов, но уместно ли было выражать свой восторг артистке в столь неподходящей обстановке? Вадим то и дело поглядывал на Татьяну, но так и не решился взять у нее телефон.

Сегодня же судьба столкнула их вновь, и повод для знакомства был куда более подходящим.

Татьяна спустилась в зал и приблизилась к столам, ей навстречу выскочил Снегирев. Теперь, когда она сообразила, где видела этого человека прежде, ей стало и самой интересно пообщаться с Вадимом. Она уже не чувствовала себя неуютно в незнакомой компании, ведь и здесь, оказывается, есть свои люди. Татьяна, безусловно, видела, что в зале было немало представителей сильного пола, однако такой милой и обаятельной улыбки, как у Снегирева, не было ни у одного из них. А Вадим вновь взял ее руку, поцеловал, а затем предложил ей шампанского. Вокруг стола собралось много людей. Но, видимо, каждый подумал, что Вадим, в самом деле, и раньше был знаком с певицей, поэтому нет смысла лезть в их дела сердечные и флиртовать с красавицей, хотя со всех сторон слышались комплименты в адрес певицы. Не прошло и четверти часа, когда Снегирев спросил Татьяну, занята ли она вечером.

– Сегодня такой прекрасный день, такой снежный, предновогодний... Вы чувствуете, в воздухе прямо витают чудеса и аромат мандаринов! – светясь обворожительной улыбкой, проворковал Вадим.

– Чувствую, а как же, – смущенно улыбалась певица.

– Давай пройдемся по Арбату? Центр Москвы – это же такие красивые места, исторические места! А как живописно подсвечены старинные здания. Я обожаю центральные улицы. А вы?

– Да, исторический центр нашего города, действительно, великолепен.

– Вот и пойдемте вместе гулять, Татьяна.

– Пойдемте, Вадим, – согласилась певица.

Они вышли на улицу и под руку пошли под кружащим ворохом крупных снежинок. Снегирев просто не мог поверить, что все это происходит не в его фантазии, а наяву. Они болтали о пустяках, им было приятно общаться друг с другом. Однако температура на термометре не превышала отметку ноль градусов, и через полчаса Татьяна призналась, что замерзла, хотя она и была одета в серебристую шубку. Вадим тут же ответил, что это отличный повод выпить кофе, и они зашли в небольшую очень уютную кофейню, где можно было расположиться у окна, чтобы любоваться на крупные хлопья снега. Снегирев галантно помог певице снять шубку, и теперь они уселись за столик и листали меню. Вадим только сейчас понял, положив руки на стол, что у него на безымянном пальце поблескивает обручальное кольцо. Должно быть, Татьяна заметит его с минуты на минуту. Впрочем, Вадим и не собирался никому лгать. Но нельзя же прямо вот сейчас, с места в карьер выложить все подробности. «Но мы выпьем кофе, может быть, вина, и я все объясню Татьяне», – думал он.

Вадим недооценивал женскую наблюдательность. Таня увидела кольцо на его пальце еще тогда, когда Снегирев пел с ней на сцене. Однако она прекрасно понимала, что прогулка и даже чашка кофе ни к чему не обязывают, особенно, когда обладатель этого самого кольца такой симпатяга. Вадим заказал бутылку белого вина и изысканных пирожных.

– Я знаю, какой у тебя вопрос, – сказал депутат, когда они выпили по бокалу. Они, условно, были уже «на ты», – тебя беспокоит кольцо на моем безымянном пальце. Да, я должен признаться тебе, я женат... – Вадим посмотрел Татьяне в глаза. Ее огорчило это заявление, но не удивило, ведь наличие кольца она заметила с самого начала, – я женат, у меня есть дети...

Но некоторое время назад в моей семье произошел разлад, и с тех пор мы с супругой в ссоре. Мы не общаемся.

«А ведь я, в сущности, и не вру, – подумал Вадим, – потому что, пусть мы и живем в одной квартире, однако я теперь сплю в отдельной комнате, мы действительно в ссоре», – думал Вадик, оправдываясь перед самим собой.

Они посидели некоторое время в кафе, а затем Вадим пошел провожать Татьяну домой. Они решили пройтись пешком по заснеженным улочкам старой Москвы, им было так уютно прогуливаться не спеша, держась за руки. Татьяна была уверена, что этот симпатия если и не будет настаивать, то уж, по крайней мере, намекнет, что с удовольствием бы заглянул к ней на чашечку чая. Однако Снегирев, доведя певицу до подъезда, поцеловал ее руку в бархатной перчатке и сказал, что очень надеется, что они вскоре увидятся снова. Он произвел на Татьяну сильное впечатление. Она в свои тридцать пять лет в какой-то мере была разочарована в мужчинах. Ведь иным только и нужно было, что заманить красавицу в постель. Нет, так устроено природой, тут все понятно. Но все-таки Татьяна была очень приятно удивлена, что ее новый знакомый оказался таким порядочным и, можно даже сказать, застенчивым. Они расстались в тот вечер у входа в ее подъезд, и каждый пребывал в состоянии восторженной влюбленности. Вадим всегда старался быть порядочным человеком. Раньше он никогда не изменял супруге. Не изменил и теперь. Однако совсем другого стиля поведения придерживался его лучший друг Арнольд.

Еще в начале декабря глава «Нефтьпрома» ездил в Петербург в командировку. Разумеется, с ним ездил и целая команда помощников, среди которых была и секретарша Светлана, та самая, что сидела в приемной у кабинета главы холдинга. В Москве Арнольд не проявлял к ней знаков внимания с тех самых пор, как сошелся с Ксюшей. Однако в поездке Абаджваклия решил не упускать возможности и еще раз убедиться путем сравнения, что его жена, конечно же, самая лучшая. Арнольд сводил секретаршу в театр, купил ей в сувенирной лавке музея какие-то умопомрачительно дорогие побрякушки после того, как они в обнимку осмотрели коллекцию музея. Ночевала секретарша в его петербургской квартире, окна которой выходили на Казанский собор. Самое смешное, что Арнольд ходил и в собор, правда один, и там с полчаса провел в смирении пред святыми иконами, молясь и общаясь внутренним голосом с Всевышним. Арнольд и не знал, что «доброжелатели» запечатлели его в постели с секретаршей, и фотографии уже были высланы анонимным письмом Ксении в Москву. Олигарх, как ни в чем не бывало, вернулся домой, притом небритый и нетрезвый. Ксения не решилась сразу же наброситься на Арнольда для выяснения отношений. Дала ему возможность руки помыть, дождалась, пока он придет на кухню, и только тогда показал фотографии. «Это что такое?». Арнольд посмотрел, усмехнулся. «Да, было такое».

– Как это понимать «было такое»?! Арнольд?! Ты что, изменял мне?

– Да. Изменял, – сказал Арнольд с самодовольным видом, – а что тут такого?

Ксюша, когда мысленно представляла себе, как будет проходить этот разговор, думала, что Арнольд или станет отпираться, или будет оправдываться. Одно из двух: или скажет, что это фотомонтаж и что верить этому нельзя, или будет утверждать, что эта девушка сама напросилась, а он не виноват. Но вот такого «да, изменял» Ксения не ожидала.

– Арнольд? Что ты себе позволяешь? Я же твоя жена, и ты мне вот так вот спокойно, жуя макароны, говоришь «да, изменял»?! – Ксюша готова была заплакать, ее трясло от возмущения.

– Ксения, ну ты же умная. Я же специально выбрал себе в супруги мудрую женщину, которая понимает, что такой человек, как я, в любом случае будет изменять. Ты – моя официальная супруга, твои дети будут моими наследниками. Что тебе еще нужно? Почему я не могу развлечься на стороне?

Ксюша отвесила Арнольду пощечину и выскочила из кухни. Вскоре Арнольд услышал, как хлопнула входная дверь.

– Ксения!

Разумеется, ответа не послышалось. Арнольд швырнул об стену тарелку, и по всей кухне разлетелись макароны по-флотски.

На самом деле, хотя Арнольд, этот ледяной человек, и не подал виду при Ксении, он был растерян. Когда он увидел фотографию, которую ему показала Ксюша, он был выбит из колеи. Кто его сфотографировал, а главное – как это попало к Ксюше. «Черт возьми, а что, если она подаст на развод? А что, если она такая гордая окажется, скажет, «прощай, мы расстаемся навсегда»? А как же я буду один... Как же я теперь без нее буду?» Арнольд позвонил Ксении, но она, как и следовало ожидать, не взяла трубку. «Возвращайся, поговорим», – написал Арнольд сообщение. В ответ молчание.

– Ну и не надо, – Арнольд повалился спать.

На следующий день он начал потихоньку обзванивать Ксюшиных подруг и родственников. Ни у кого из них Ксюши не оказалось, а сами подруги и родственники стали побаиваться, что Арнольд, должно быть, сам прикончил бедняжку, а теперь, пытаясь замести следы, делает вид, будто бы понятия не имеет, где она.

Абаджваклия звонил и самой Ксении, и не один раз, писал ей, но ответа не было. Через день Арнольд догадался позвонить племяннику. Да, Ксения, действительно, скрывалась у него. Олигарх поехал в студию к Емельяну. На сей раз он очень внимательно подошел к своему внешнему виду. Он был чисто выбрит, одет в белоснежную рубашку, источал тонкий аромат дорогого парфюма. И, разумеется, принес едва помещавшийся в руке букет красных роз.

Войдя в студию художника, Арнольд сразу же прошел в комнату, где на постели сидела Ксения. Абаджваклия встал на колени и протянул ей букет.

– Я не простила тебя, – отворачиваясь, чуть слышно произнесла девушка.

– Я сделаю все, чтобы ты простила меня, Ксюша. Я люблю тебя, только тебя.

Емельян стоял тут же, рядом, но на него, кажется, никто не обращал внимания.

– Арнольд. Я доверяла тебе. Я бросила мужа, думая, что в тебе найду верного друга и поддержку на всю жизнь. А ты оказался предателем. Я для тебя ничего не значу, ты относишься ко мне так же, как и ко всем своим предыдущим женам. Я для тебя – лишь очередная игрушка!

– Ксения, я никогда не обманывал тебя, говоря, что люблю тебя. Потому что я люблю только тебя. Ксюша, мне очень тяжело дались эти два дня нашей разлуки, они мне показались вечностью. Я не могу жить без тебя.

– Арнольд... Ты говоришь, что ты верующий человек. Значит, для тебя должно быть хоть что-то святое. Пойдем в церковь, и ты мне в церкви пообещаешь, что больше этого не повторится.

Емельяну показалось, что Арнольд был как будто немного смущен этими словами. Однако он покорно опустил голову и сказал «я сделаю все, что ты скажешь». Через минуту супружеская пара покинула студию художника. Ксения взяла Арнольда за рукав пальто и повела в небольшую церквушку, которая была видна из окна студии. Букет остался лежать на диване, Емельян хотел было его выкинуть, но пожалел и поставил в вазу.

Пара вошла в церковь. Арнольд вздохнул, встал напротив супруги, взял ее руки в свои.

– Ксения, перед лицом Господа говорю тебе, что я люблю тебя одну. Но я не могу лгать, я не могу обещать того, чего не смогу исполнить. Я не могу пообещать, что измен больше не будет. Но я могу поклясться, что люблю я тебя одну. Ксения, ты – мой ангел, мое чудо, мой свет. Я ни к одной не отношусь так, как к тебе. Ксюша, ты, именно ты – мой настоящий друг, мое золотко, моя заботливая и несравненная супруга. Другие – это просто удовлетворение необузданного инстинкта, подавить который я не в силах. Ксюша, в каждом человеке сочетаются животное и духовное начала, а мужчина – это самец, который не всегда способен

заглушить звериный инстинкт в себе. Но этот инстинкт не имеет ничего общего с любовью, с этим возвышенным чувством, которое вызывает стремление заботиться и оберегать того, кого ты любишь...

Ксения глубоко вздохнула. Она ожидала услышать другие слова. Впрочем, не за это ли она полюбила Арнольда, этого невероятно прямолинейного человека, который, в самом деле, не будет врать, а скажет то, что думает. К тому же он миллиардер, привык, что ему все можно.

– Ксюша. Я обещаю, что я постараюсь не изменять больше, но я не могу гарантировать того, в чем у меня нет уверенности. Мне уже сорок четыре года, Ксюша, меня уже не изменишь. Я такой, какой есть, но я люблю тебя, и только ты – мой смысл бытия.

Ксюша прижалась к Арнольду и тихонько заплакала. Молча обнимая друг друга, они вышли из церкви и прошли к припаркованному неподалеку автомобилю.

Декабрь 2015 – январь 2016 года

Для депутата Государственной думы, фактически, не было новогодних праздников. То есть иные, может быть, и могли позволить себе уехать на отдых, но только не Вадим Снегирев. Ведь в течение года накапливалось столько неоконченных дел, что только и можно было их разобрать, что в зимние каникулы. И дело было вовсе не в том, что Вадим работал медленнее коллег. Нет, не быстрее и не медленнее. Но, видимо, ответственнее.

К Снегиреву, как и к другим парламентариям, приходило немало обращений от граждан. Вадим старался помочь всем, кто к нему обращался, хотя, безусловно, это было невозможно, поскольку он был один, а просящих были тысячи. Были матери, у которых бывшие мужья отняли ребенка. Были многодетные семьи из аварийных квартир. Были жертвы черных риелторов. Да всех не перечислить...

Снегирев старался довести каждое начатое дело до конца, делал все возможное, применял все рычаги, которые были в его руках. Но чем дольше он заседал в парламентском кресле, тем большую подавленность испытывал. Со временем Вадим постепенно разочаровался в депутатской миссии. Его приводило в отчаяние, что принимали только те законопроекты, которые продвигала элита. Впрочем, Снегирев и сам не был святым и лоббировал интересы миллиардера Абаджваклии, но наряду с этим он постоянно пытался воплотить в жизнь и свои собственные инициативы, как ему казалось, отвечающие интересам всего населения страны. Однако эти инициативы не находили поддержки и чаще всего отменялись в первом же чтении. Причем дело было не в том, что коллеги игнорировали именно Снегирева. От кого бы ни исходила социально ориентированная инициатива, она, как правило, отменялась. В итоге, основная масса законопроектов, в поддержку которых охотно голосовали парламентарии и которые, в конце концов, воплощались в жизнь, вызывала у населения только недоумение. Принимаемые законы несли в себе или ничтожно малые изменения, как, например, введение очередной пустяковой льготы, или же они принимались исключительно в интересах узкого круга «избранных».

Еще прискорбнее было то, что депутат оказывался зачастую бессилён в решении проблем, с которыми к нему обращались граждане. Вадим мог лично прийти к главе администрации и строго с ним поговорить, но реальных рычагов управления у него не было. Он не мог уволить недобросовестных глав муниципалитетов, ведь органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти и самостоятельны в пределах своих полномочий. То есть даже если Вадим и проводил беседу с чиновником, от действий которого зависело разрешение проблемы, это еще не могло гарантировать благоприятный исход. Сколько раз оказывалось, что чиновники лишь создавали видимость исполнения требований, с которыми к ним обращался депутат, а на деле проблема оставалась нерешенной. Но Вадим все же старался охватить максимальное количество обращений, поступавших в его канцелярию. Хотя, разумеется, охватить все было невозможно.

* * *

Вскоре после знакомства с Татьяной, среди прочих жалоб Вадим обнаружил у себя на письменном столе обращение жителей подмосковного многоквартирного дома, который был в аварийном состоянии. Это обращение поступило еще задолго до новогодних праздников, но в связи с тем, что поток обращений был огромным, Вадим наткнулся на него лишь в самом начале января, выйдя на работу в разгар каникул.

Дом, о котором шла речь в обращении, был построен еще в довоенные годы, с тех пор время от времени проводился капитальный ремонт, вот и теперь местные власти приняли решение вместо расселения жильцов и сноса аварийной постройки провести очередной капитальный ремонт. «Это же просто неприемлемо. Как ставить коронку на зуб, корень которого сгнил», – метко указывали в заявлении жильцы. «Того и гляди обрушатся перекрытия, от балконов отваливаются куски бетона. А власти хотят просто покрыть стены штукатуркой и закрыть глаза на проблему! Вадим Дмитриевич, ради всего святого, не оставьте наше обращение без внимания. Мы нуждаемся в вашем заступничестве».

Вадим, бесспорно, не мог проигнорировать это сообщение. Он решил, что должен прежде всего сам со специалистами съездить на место событий, посмотреть на этот дом, пообщаться с жильцами. Он надеялся, что сможет сдвинуть дело с мертвой точки. Он запланировал визит к жильцам аварийного дома на первый рабочий день после январских каникул.

* * *

На этот раз Новый год и день рождения Абаджваклия отмечал наедине с супругой. Среди прочих причин, почему он не позвал Снегирева в гости, был очевидный для Арнольда разлад в семье друга, ведь Вадим поделился с нефтяником неприятной историей про его племянника и свою жену. Можно возразить, что наоборот, встреча Нового года в гостях у друзей позволила бы слегка сменить обстановку и сблизить находящиеся в ссоре супругов. Но Арнольд считал иначе. Он знал на собственном опыте, что, изображая на публике счастливую семейную пару, супруги в душе проникаются лишь еще большей ненавистью друг к другу, которая непременно рано или поздно разрушит брак.

Были и другие причины, руководствуясь которыми, нефтяник предпочел провести праздники в обществе одной лишь Ксении. Начать хотя бы с того, что у самого главы «Нефтьпрома» было мало свободного времени. Его график был не менее, а может быть, даже и более напряженным, чем у депутата. Поэтому Арнольд чувствовал, что ему очень не хватает общения с любимой, причем не только в интимном плане. Абаджваклия все чаще ловил себя на мысли, что его чуть ли ни самое большое желание – просто лечь на диван, положив голову Ксюше на колени, и наслаждаться тем, как она будет трепать его черные с проседью волосы, щекотать шею, немного задерет ему рубаху и, как коты, почешет по животу. Эта по-детски невинная идиллия не выходила из головы у Арнольда, поэтому глава холдинга решил для себя, что гости лишь помешают ему в реализации его сокровенных мечтаний. Ему просто хотелось провести несколько выходных дней в кругу семьи, в обществе своей возлюбленной.

Помимо этого Арнольд чувствовал, что здоровье все больше подводит его в последнее время, иногда начинались боли в животе, из-за которых он не мог даже нагибаться и с трудом шевелился. Он, однако же, никак не поддавался на уговоры супруги и не шел к врачу, но Ксения предполагала по симптомам, что у мужа панкреатит, и следила за его диетой. И новогодние праздники тоже не были исключением для соблюдения ограничений в еде и алкоголе. Исходя из того, что пить в праздники ему толком не придется, Арнольд окончательно решил, что никаких пьяных гостей он видеть трезвым не хочет.

Зато Абаджваклия в полной мере реализовал задуманное и почти все праздники валялся на диване. Ему не хотелось смотреть достопримечательности европейских столиц или купаться в теплых южных морях, они с супругой остались в Москве. Нефтяник наслаждался небольшой паузой, которую сумел выкроить в своем бешеном ритме, он упивался каждой минутой, проведенной в обществе любимой Ксении.

Третьего января супруге удалось вытащить Абаджваклию на прогулку в заснеженный парк, и эта прогулка была волшебной. Крупные снежинки, как туман, застилали пространство, каждая веточка голых деревьев оделась в белоснежный наряд. Ксюша в изысканном пальто с пушистым воротником держала под руку Арнольда, который мечтательно смотрел на величие природы, но то и дело улыбался своей спутнице и целовал ее в губы. С собой у них был термос с горячим чаем, потому что кофе Арнольду было нельзя, не говоря уже о коньяке, который, как в смеси с кофе, так и сам по себе отлично согрел бы в зимние холода. Но влюбленных согревала любовь и очаровательные серые шапочки с помпонами, две одинаковые, которые Ксюша своими руками связала им с Нольдой на Новый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.